

81(464-1) ас.)
4-751

К.З.Чокаев

НАХСКИЕ ЯЗЫКИ

К. З. Чокаев

НАХСКИЕ ЯЗЫКИ

историко-филологические разыскания

**ГРОЗНЫЙ
«КНИГА»
1992**

Чокаев К. З.

Ч-75 Нахские языки. — Грозный: Книга, 1993. 192 с. В данный сборник вошли статьи, написанные автором с 1964 по 1990 годы. Они посвящены различным проблемам нахского языкознания.

Ч 4402000000 — 65
М135(03) — 91 — 4 — 91

ББК-83

5—766—0243—0

К ВОПРОСУ О ДРЕВНИХ НАЗВАНИЯХ И АРЕАЛЕ РАССЕЛЕНИЯ НАХСКИХ ПЛЕМЕН

(Историко-этимологические разыскания)

Вопрос о древних названиях и расселении нахских народов — чеченцев, ингушей и бацбийцев (Цова-тушин) далек от окончательного решения. Попытки пролить свет на эту проблему предпринимались в исследованиях отдельных кавказоведов прошлого и настоящего — У. Лаудаева¹, Ю. Д. Дешериева², Н.Ф. Яковлева³, А. Генко⁴, Н. Я. Марра⁵, В. Б. Виноградова, К. З. Чокаева⁶, Г. Е. Меликишвили⁷, В. Гамрекели⁸ и других⁹.

В приведенных и некоторых других работах вовлечены в научный оборот такие названия нахских и протонахских племен, как чеченец, нахчуо, нахчаматеанк, кисты, кишты, хамекиты, исадики /исонды/, соды, аккхи, сербы, двалы и некоторые другие.

В данной статье речь пойдет о до сего времени неисследованных названиях нахских племен, как-то: чеч., инг. *туши*, чеч. инг. *пхий*, бацб. *пхов*, чеч., инг. *беный*, чеч., инг. *шуой* (бацб. *шов*) *пшавы*, чеч., инг. *галуой*, *маьлхий*, *маIстуой*, *чартуой* (чарталинцы) и др.

---

¹ Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск VI. Тифлис, 1872.

² Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских народов Кавказа. Грозный, 1963.

³ Яковлев Н. Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927.

⁴ Генко А. Из культурного прошлого ингушей // Известия коллегии востоковедов при Азиатском музее АН. Т. V, вып. II, Ростов-Дон, 1935.

⁵ Марр Н. Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. Петроград, 1916 (отдельный оттиск).

⁶ Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. // Археолого-этнографический сборник. Известия ЧИНИИ, т. VII, вып. I. История. Грозный, 1966.

⁷ Меликишвили Г. Е. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

⁸ Гамрекели В. Двалы и Двалетия. Тбилиси, 1959.

⁹ См., например, также Виноградов В. Б., Умаров С. Т., Багаев М. Х. О некоторых ранних вайнахских этнонимах (в печати).

Кроме этого, вопрос о первичной этимологии этнонима нахча(уо) был оставлен нами открытым в своей прежней работе¹.

Здесь же впервые ставится и этот вопрос, поскольку за время, прошедшее со времени выхода из печати указанной работы, у нас накопился достаточный для решения данного вопроса материал.

При этимологическом анализе приведенных этнонимов мы пользуемся не только данными языка и фольклора, но и сведениями исторического характера, памятуя при этом, что только такой подход может раскрыть первичную этимологию означенных этнонимов, как и вообще антропонимии Нахистана.

Кроме того, нахская этнонимия, как и этнонимия других иберийско-кавказских языков, тесно связана с топонимией — с названиями сел, местностей и других географических объектов, что вызывает необходимость привлечения при анализе этнонимов данных топонимии.

Многие ученые кавказоведы сходятся во мнении о том, что нахские племена в древности населяли оба склона Главного Кавказского хребта от Андийского хребта на Востоке до исторической Двалети на западе.

В настоящее время нахи занимают в основном северные склоны большого Кавказа от реки Сулака на востоке до Дарьяльского ущелья на западе, от Главного Кавказского хребта на юге до бурной степи на севере. Лишь незначительный процент нахского населения проживает к югу от Главного Кавказского хребта (имеются ввиду бацбийцы, живущие в долине реки Алазань в селе Зем-о-Алвани (Нижний Алвани) и панкисские кистины, живущие в Панкисском ущелье в Ахметовском районе Грузии).

О пребывании нахских и протонахских племен в историческом прошлом на южных склонах Большого Кавказа и к западу от Дарьяльского ущелья свидетельствует не только топонимия указанных районов и субстратный слой в языках осетин и горных племен Грузии — чагма-тушин, хевсуров, пшавов и мохевцев, но и многочисленные исторические сведения². Ученые кавказоведы относят также к нахским языкам названия горских грузинских племен тушин, пшавов, пхов (хевсуров) и другие, хотя не этимологизируют их, точно так же, как и названия осетинских племен осы, *хлири* (ос. ир), туалыцы, дигорцы, трусовцы (ср. инг. *турсхуой* и

¹ В. Б. Виноградов и З. К. Чокаев. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен.

² Марр Н. Я. К вопросу передвижения яфетических народов; Кавказские племенные названия и местные параллели. Петроград. 1922.

Гамрекели В. Г. Двалы и Двалетия. Его же. К анализу топонимии Двалети. Труды института истории АН Грузинской ССР. Т. IV, вып. I. Тбилиси, 1958.

Генко А. Из культурного прошлого ингушей...

название дерева турс) и другие — к местным иберийско-кавказским языкам¹, которые составили субстратный слой языков указанных племен.

Вот что по этому поводу писал Н. Я. Марр: «Не скрою, что и грузинские горцы, в числе их хевсуры и пшавы, мне сейчас представляются такими же грузинизованными племенами чеченского народа...»².

По мнению А. Генко, и район Дарьяльского ущелья, в том числе и Мохевия, также входил в прошлом в сферу расселения нахских племен. Этимологизируя древнейшее название Дарьяльского ущелья и реки Терек — Ломахка как «горное ущелье» или «горная река», А. Генко делает «важный этнологический вывод, что весь район Военно-грузинской дороги входил в сферу древнейшего расселения чеченских (ингушских) племен, ныне разделяющих свое пребывание здесь с осетинами и грузинами-мохевцами»³.

Высказывания маститых ученых подтверждает и топонимия указанных районов, а также и другие субстратные языковые элементы в языках горных племен как Грузии — тушин, хевсур, пшавов и мохевцев⁴, а также осетин⁵.

В том же нас убеждает и этимология названий указанных племен Грузии и Осетин⁶ на почве нахских языков. Данную статью мы посвящаем этимологизации названий указанных грузинских племен. Но прежде чем приступить к анализу этих этнонимов, остановимся на этимологии названий некоторых племен чеченцев и ингушей, в том числе на общенахском этнониме *нах* «люди», «публика».

Нах. Данный номенклатурный этноним покрывает всех членов нахского этноса в значении «люди» (нахского чеченского, ингушского и бацбийского этноса). В настоящее время этот термин употребляется в литературе как общее объединяющее наименование всех нахских народов — чеченцев, ингушей, бацбийцев. Кроме того, эта же основа повторяется в самоназвании чеченцев — нахчий (чи — детерминант, й — формант мн. числа), а также в топониме Нахч-муохк «Страна нахчоев» т. е. чеченцев (нахч — чеченец, муохк — страна) и др.

Более или менее удачная попытка раскрыть этимологию этнонима нахча, вернее, выяснить источник детерминанта -ча- имеется

1 Утургаидзе Г. Ф. Указ. соч.: Сб. Происхождение осетинского народа; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.

2 Марр Н. Я. Там же. С. 1395.

3 Генко А. Указ. соч. С. 706.

4 Утургаидзе Г. Ф. Указ. соч.

5 Сб. Происхождение осетинского народа. Абаев В. И. Осетино-вайнахские лексические параллели. Изв. ЧИНИИ. Т. I, вып. II. Грозный, 1959.

6 Гамрекли В. Двалы и Двалетия.

в литературе¹, однако окончательного решения этот вопрос не получил.

Что же касается первичной этимологии основы *нах*, то этот вопрос впервые ставится в данной статье.

Эта основа функционирует в настоящее время лишь в значении множественности (*нах* — люди), хотя форма множественности здесь формально не выражена. Отсюда вывод, что основа эта восходит к тому древнейшему слою лексики иберийско-кавказских языков, которая представляла собой нейтральные в отношении тех или иных грамматических форм основы².

Кроме того, исходя из того, что односложные слова древнейшего слоя лексики иберийско-кавказских языков состояли из двух фонем — согласного и гласного — конечный заднеязычный глухой спираント *Х* в интересующей нас основе следует отнести к детерминанту (геср форманту одного из локативных падежей; ср. топонимы Хьайба -*х*, Чарма-*х*, Хьайра-*х* и другие³; где формант-*х* яснее выступает в функции форманта локатива). -*х*- широко распространенный в топонимии Нахистана формант, который в настоящее время в результате опрощения основы выступает в застывшем состоянии. Что в этнониме *нах* наличествует именно данный формант подтверждается также тем общепризнанным в иберийско-кавказских языках фактом, когда этнические названия, как правило, восходят к названиям местности, откуда происходят представители того или иного племени, рода и т. д., Хьайба -*х* — хьайбахой (с. Хайба-*х* — хайбахинцы — жители села), Чарма-*х* — чармахой (с. Чармах — чармахинцы, жители с. Чармах), Наша-*х* — нашахой (с. Нашах — нашахинцы, жители с. Нашаха) и др.⁴.

Следовательно, основа *нах* также была первоначально топонимом, названием местности, превратившимся впоследствии в этноним в значении «те, которые из местности *нах*». Однако без суффикса лица — *уо* (й), который ко времени указанного превращения еще не выработался⁵. Как видно, и здесь проявляется нейтральный и многозначный характер этой основы. Возникает вопрос: не сохранился ли топоним с данной основой? Да, такой топоним имеется в ущелье Галанчож, именно там, где народное поверье при-

¹ Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях.

Марр Н. Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. Петроград, 1922.

Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика.

² Яковлев Н. Ф. Словарь односложных слов в кабардино-черкесских языках. Нальчик, 1927.

³ Чокаев К. З. Суффиксальное образование топонимических названий в вайнахских языках. // Сб. статей ЧИНИИЯЛ. История. Т. 1, Грозный, 1963; Географические названия Чечено-Ингушетии, 1967 (рукопись).

⁴ Там же.

⁵ Чокаев К. З. Морфология чеченского языка, часть II (в печати).

урочивает происхождение нахских племен. Вот эти топонимы: Нах-куорт — горная вершина (куорт — вершина, глава). Примечательно и то, что именно с горной вершиной связано это название, так как замечено, что поселения, культовые храмы нахские племена в прошлом; как правило, строили на горных вершинах¹.

Основа **нах** повторяется также и в составе другого топонима, названия местности, расположенной неподалеку от ущелья ГаланчОж в бассейне рек Меше-хи и Гихи в обществе Малхаста — Нахараста (нах /а/ — формант мест. пад. **-ра** — формант исходного падежа, **←Са** — земля, страна, **та** — послелог — «на»)².

Что на- представляет собой первичную основу, показывает также топоним **на-ш(а) -ха** (название общества и двух сел в том же ГаланчОжском ущелье, неподалеку от приведенных выше объектов). Надо думать, что элемент ш(а) в составе данного топонима не что иное, как перешедший в **ш(а) -са** — «земля», «страна» (ср **Эрштхуй** // **эрстхуй**)³. Отсюда надо полагать, что на→насаха→**НАШАХА**→**НАХ**. Последний вариант — результат выпадения **Са-// -ША** из состава топонима, что вполне закономерно в нахских языках; ср. акк. **барт.**, чеч. (пл.) — **бат** «уста», акк. **цапцалдиг** — чеч. (пл.) **цаьпцалг** «стрекоза», акк. **дуппалдаг** — чеч. (пл.) **туьппалг** «катушка» и другие.

Наличие топонимических названий с **нах**, легшего в основу самоназваний чеченцев и обозначающего людей всех нахских народов в ущелье ГаланчОж и примыкающих к нему местностях, не случайно, если учесть народное предание, согласно которому данное ущелье считается колыбелью основных племенных образований нахов Ичкерии, Чеберлоя, а также Ингушетии, МаIаста, Малхаста и ущелье ГаланчОж — вот, по поверью народа, те горные общества, где сложилось основное ядро современных чеченцев и ингушей, их древнейшие колыбели.

О культурной близости этих обществ свидетельствуют и памятники материальной культуры означенных местностей (башни, склепы и др.) в счастливом сочетании с данными лингвистики: общность структурных типов топонимических названий, в том числе и названий самих обществ; ведь в основе МаIаста, Малхиста, Нах-куорт, Нахараста, Нашаха лежит одно и то же название бога-солнца: **Ма//на: -м⇒н**, ср. инг. моартуол, чеч. нартуол (**м⇒н**), инг. туоша, чеч. нуош (нуошьелла) «недозрелый» и др. Примечательно, что в основе названия ущелья ГаланчОж также лежит позднее название бога солнца и солнца **Гал**, отсюда название тайпа **Галуой**⁴, (ср. греч. Гелий — солнце и Гелиос — бог солнца).

¹ Чокаев К. З. Географические названия...

² Чокаев К. З. Географические названия...

³ Там же.

⁴ Чокаев К. З. Географические названия...

Известно, что в основе названия племени и места его поселения лежит название его древнего тотема¹ (ср. тушины от туш — тотемное название, Тушетия (местность), маълхий от малх «солнце»² (Маълхиста /местность/ и т. д.).

Таким образом, мы склонны видеть в основе **на** (архетип **Ма**) не что иное как название древнего культа нахских племен, населявших в древности районы ущелья Галанчож, Малхисты и Майсты. По нашему мнению, **на//ма** — это название бога солнца и в то же время планеты Солнце. Если взять во внимание тот факт, что слова древнейшего слоя лексики в иберийско-кавказских языках были полисемантическими³, надо полагать, что нахское **на//ма** переключаются с богом той же функции **ма** Древней Передней Азии, в частности Урарту⁴. Основанием для такого сопоставления служит тот факт, что многие ученые кавказоведы признают родство иберийско-кавказских языков и культур их носителей, в первую очередь нахских, с языками и культурой Древней Передней Азии⁵. По нашему мнению, это же слово лежит в основе названия городища **Маас** (ср. название общества **Маласт** (т. — послелог), открытого возле города Грозного А. А. Бобринским в 1888 году и исследованного археологами⁶. **Маас** — значит «земля бога солнца», «солнечная (божественная) земля» (-с ← са- земля, страна), точно также как и **Маласт** — «на божественной (солнечной) земле», что подтверждает также и народное поверье, согласно которому майстинцы слывут как непревзойденные знатоки (и носители) древних языческих верований и адагов вайнахов. А место, где локализуется это общество, по своему географическому расположению (малодоступность) считалось цитаделью всех обществ Нахистана⁷. Не случайно возникло в народе выражение, ставшее крылатым — Никъ маърша Цие (Цу) Майстуо. Святой майстинец (для которого) свободна дорога. Что названные общества поклонялись богу солнца, солнцу свидетельствуют и другие факты. Солярные знаки на предметах материальной культуры, склепах и могилах, обнаруженных в этих местах, и нахский фольклор, где герои обращаются к солнцу за помощью, и могилы, называющиеся маълха-кешнаш «солнечные могилы», и многочисленные топонимы и гидронимы, в

¹ Морган Л. Древнее общество. Ленинград, 1934.

² Чокаев К. З. Древние свидетельства...

³ Чокаев К. З. К вопросу бытования образа Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей. Грозный, 1966.

⁴ Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1948; Дьяконов. Языки Древней Передней Азии. Ленинград, 1967.

⁵ Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков, и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов.

⁶ Чокаев К. З. Географические названия...

⁷ Плечке Б. Чеченцы. Гамбург 1929; Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика.

том числе и названия всех трех интересующих нас обществ, в основе которых (названий) лежит имя бога солнца **Ма** (**Malста**, **Мавлхиста**) и позднейшее название его **Гал**. Что в основе названия ущелья ГаланчОж лежит имя бога Гал свидетельствуют также многие факты:

1. В Ингушетии имеются несколько храмов, посвященных богу Гал¹. По свидетельству ингушского писателя И. Базоркина, автора исторического романа «Из тьмы веков», еще в прошлом веке ингуши, обращаясь к солнцу с просьбой о снисхождении, произносили: «Гелой! Гелой», имея в виду свой древний тотем.

2. Здесь берут начало реки Фартанг и Гехи, названия которых этимологизируются: первое на осетинском языке как река солнечной благодати² и второе — на нахских языках как солнечная божественная река — **Ге//ге-л//га-л** (ср. названия языческих божеств **Де-л//Да-л**, **Сис-л**, **ту-шол**, **ма-л-х**, **Гуш-ма-л(к)**, где **-л**, **-х** — детерминанты (госр форманты напр. местн. падежей)³, **-хи** — река, вода. Другое, более древнее название солнца и бога солнца, повторяется в гидрониме **меш-хи** + **маш-хи** — **Ма-са-хи** (**ма** — бог солнца, **са** — земля, **хи** — река, вода), — «река солнечной страны, земли». Эта речка протекает в тех же местах, что и вышеназванные.

Три смежных древних общества **Malста**, **Малхаста** и **ГаланчОж** названы именем солнца и бога солнца. Точно так же, как и основные реки этих мест, носят те же названия. Если, как было указано, общество ГаланчОж названо другим словом, обозначающим солнце — **Гал**-, то в основе названий общества **Mal(а)ста** и **Малхаста** лежит слово — название солнца **-Ма** — в первом в более прозрачной форме (**mal(а)** — солнце; с ← са «земля»; **та** — «на» («на солнечную землю»), во втором — осложненный формантами **-л**, **-х** — **малх(и)с-та** (**ма**, — **-л** (формант напр. пад.), **-х** — формант места (см. выше), **-с** — (← **са**), земля, **-та** — послеслог «на» — «На солнечную землю».

Как показывает материал, в названиях **Malаста** и **Малхаста** и в гидрониме **Меш(а)-хи**, протекающих в **Малхисты** и **ГаланчОж** название солнца наличествует в своем первичном, более древнем, об-

¹ Алборов Б. Ингушское Галь-ерды, осетинское Аларды. Изв. Инг. НИИ, вып. I, 1928; Далгат Б. Древняя религия чеченцев. Владикавказ, 1895; Чокаев К. З. К вопросу бытования образа Прометея... Базоркин А. Горское паломничество. ССКБ, вып. 3, отд. II, Тифлис, 1875.

² Абаев В. У. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л., 1948;

Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен.;

Иранские элементы в топонимии Чечено-Ингушетии.

Известия ЧИНИИЯЛ, т. 7, вып. II, Грозный, 1966.

³ Чокаев К. З. Словообразование имен существительных в чеченском языке. Известия ЧИНИИЯЛ, т. IV, вып. II, Грозный, 1962;

Его же. Морфология чеченского языка. Ч. II. Грозный, 1970.

лишь, тогда как в обществе Галанчож мы находим топонимы, в которых название солнца наличествует в деформированном виде *На* ($\leftarrow$ *ма*, *м* $\rightarrow$ *н*) — **Нашха**, **Нахараст**, **Нах-куорт**. Здесь налицо чередование классных экспонентов. М/Н.

Однако, **Ма** встречается в топонимии и Ингушетии в том же значении солнца. Не случайно ингуши ритуалы, связанные с солнцем, совершали возле храма именуемого **Maġarġe** — **Ma-ġia-tġe** (**Ма** — солнце, **-ġia** — формант напр. пад., **-tġe** — послелог со значением места наверху). Симптоматично, что указанные ритуалы совершались в период зимнего и летнего солнцестояния. Во время совершения обрядов у храма **Мят-сели (Ма)** на столовой горе проповедник молился, обращая свои взоры на солнце¹.

В осетинском нартском эпосе нарт Сослан погибает от некоего **Бальсагова** колеса (колесо — солярный знак вайнахов, часто встречающийся до наших дней на памятниках материальной культуры. **Бальсаг** — это вариант **Мальсаг** ($\text{м} \rightarrow \text{б}$) (ср. нохч. *бие*, итумк. *мие* «только») | «солнца человек» (малх — солнце, саг — человек; ср. майстинск, имя человека **Муоьсаг**, инг. **maġsaġ**, где название солнца дано в более древней форме). Отсюда широко распространенные имя и фамилия вайнахов — **Мальсагов**.

Следовательно, если вспомнить, что злейшим врагом нартов в осетинском нартском эпосе выступает человек солнца — **Балсаг мал(х) саг**, а в вайнахском фольклоре нарты являются врагами человека солнца, которому симпатизируют вайнахи, то естественно предположить, что наиболее почитаемым тотемом у вайнахов было солнце, тем более, что герои, на стороне которых симпатия народа, на поле брани кличут: «*Малх суьбгахъа бу!* Солнце за меня!»

В древности в вайнахском языке выход в свет, на улицу, в общество, в люди обозначался фразой — *малха вала* — «выйти на солнце»². Сказать: «*Хъо ма вала малха*. Да не выходить тебе на солнце» — считалось тяжким проклятием у чеченцев и ингушей. *Кха дагахъ а, малх туьбул, Цѡа дагахъ а, Цѡие туьбул*. «Хоть пашня горит, да будет солнце, хоть дом горит — да будет огонь», — говорят чеченцы, отдавая тем самым дань солнцу и огню. Самый красивый предмет вайнахи сравнивают с солнцем: *малх санна хаза йу и йуо!* «Как солнце красивая эта девушка», — говорят они. Сам Мухаммед, по поверью горцев мусульман — сын солнца. Чеченские *маьлхадуйне* означает солнечный мир в противоположность потустороннему миру; Ср. ингушское *маьлхара а, Иелара а доаццун*. «Ни этого света, ни того света». А также *Дели-малхие* «свет» («божье солнце») и *Дели Иелие* «потусторонний мир» (букв. божий обитель).

¹ Базоркин А. Горское паломничество. ССКб, вып. 8, отд. II, Тифлис, 1875.

² Фольклорное произведение «Пхъаьри», записанное А. Сулеймановым в 1937 году в обществе Зумсой Шатойского района, со слов 90-летнего горца Гели (ср. *Гал* — солнце, бог солнца).

Следует отметить, что нахи не были исключением в этом отношении. Солнце было тотемом у других народов, в частности, у древних греков, массагетов и алаано-сарматов¹.

Все это вместе взятое говорит о том, что солнце и бог солнца одного и того же названия — **мал-х** (**ма**; **л, х** — детерминанты, ср. **да -л, сие -л** и др.) было древним тотемом у нахских племен, особенно почитаемый в обществе **Малста, Малхаста** и **Галанчож**, которые считаются колыбелью нахских народов. Следы такого почитания мы находим на памятниках материальной культуры и топонимии этих обществ. В частности, в основе названий топонимов **Маласта, Малхаста, Нашаха, Нах-куорт, Нахараст** и производных от них этнонимов **маластой, маалхий, Мальсаг «муобста», Балсаг, Нашхуой, Нах, Нахчий** и гидронима **Мешеги** лежит название солнечного бога **ма/на**. Различия в фонетической структуре приведенных топонимов — результат фонетических и грамматических процессов, происшедших в течение длительного времени. Так, например: 1) грамматические процессы: **-Х -Л, -ра** (**малх, малхиста, Нахараста**), различные детерминанты (resp. форманты местных падежей или послесложные элементы со значением места); **Нашх(а), Нахараст, Мальсаг, Муобсаг, Балсаг, Меше-хи, Маласта, Малхаста** — сложные слова, **Ма//На, -ба//муоб** — общая часть, название тотема — солнце, бог солнца. Элементы **-ш -(а), -С** — (в составе **Нашха, Нахараста, Меш(а) хи**) — реликт **са** — земля, страна; **саг** (в **Мальсаг, Бальсаг, Муобсаг**) — человек; **хи (Меше-хи** — вода речка. **-Та** — послеслог «на» (**Нахараста**)², **чу (муши- чу)** — послелог.

2) Фонетические процессы: **Бальсаг (м→б; ср. Нохч бие, Итумк. мие «только», Нохчм. мунда, Итумк. бунда «чучело» и др.). Нах-куорт, Нахараст, Нашха (Н←М, ср. чеч. нартуол, инг. Моартуол «свод башни», вероятно, также от на/ма — солнце, бог солнца, — туол — детерминант, плоск. (чеч.) сирник, итумк. сирмик «спичка»).** Мешахи, Нашахи, Мушичу /**ш(а)** и **с(а)** земля/. Таким образом, указанные процессы можно представить так по группам:

1) — **Ма→Маласта /с←(← са) «земля», та — послелог — общество) →Майстой (тайп, — уо(й) — суф. лица); муобсаг «сол-**

¹ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Здесь интересно отметить, что проф. Абаев термин **нарт** этимологизирует из монгольского; **нар** — солнце и осетинского, т-формат мн. ч. «. «дети солнца». (Указ. соч.), ср. в этой связи нахск. **на→ма** — солнце, «бог солнца» в отмеченных примерах — **нах, нах-куорт, Нахараст** и т. д.

² Элемент **ЧА** в самоназвании чеченцев — **нахча** нами ранее рассматривался как тюркский суффикс лица **ЧИ** (См.: Древние свидетельства о названиях). Теперь автор этих строк сомневается в правильности такой этимологии. Мы склонны думать, что это не что иное, как видоизмененный **-ш-** в **Нашаха** со следующей эпентезой **НАШАХА—НАХАША—НАХЧА** (А. Мациев, Чеберловский диалект. Изв. ЧИННИИЯЛ. Т. 5, вып. II. Грозный, 1964) см. подробно ниже.

нечный человек» — (**Муоь** ← **ма** «солнце», **саг** «человек»); **ма**→**малх**→**малхаста**→**мальсаг** (-л, -х — детерминант, с ← **са** — «земля», **та** — послеслог «на», **саг** — человек).

2) **Ма**→**Мешахи**→**Мушичу** (**Ша** ← **са** «земля»). Следовательно, Мешахи ← Месахи; Мушачу — Мусачу (**са**—земля, **чу**—послеслог).

3) **Ма**→**На**→**Нашаха**, **Нах** -куорт, **Нахараста** (**Н**→**М**, **Ш**→**С** «земля», -**ра** — формант исх. пад., -**Та** — послеслог).

Так, надо думать, что **Нах** из **Насаха** «на земле солнца» с последующим выпадением — **СА**: Или из **налх**(**малх**); **Налх**-куорт (← **малх**-куорт) «Солнечная вершина»¹.

В основе **ГаланчОж**, как было указано, лежит другое название солнца — **Гал** (л — детерминант, ср. — **Да-л**, **Сие-л** и др.). Отсюда этноним **галуой** и топоним **Галашки**, речка **Ге-хи** ← **Гал-хи** «солнечная река», храм **Гальерды** в Ингушетии (**ерды**=святой). Кроме того, и **Гал** имеет широкое распространение в нахской этно-топонимии. Так, в обществе **Зумс** имеется местность **Гиелий-куорт** «вершина Гели», **Гиелы-гар** — это ответвление тайпа **Чентий**, есть имя мужское **Гиела**. Распространенная детская игра называлась **Гал Гюжмех ловзар** («Игра в палки гал»); ср. **Туш****ах-ловзар**; **туш** — тотем, бог плодородия и т. д.

Тушины (груз. **туши**). Этноним покрывает собой **нахское племя** жителей села **Зем-Алвани** **Ахметовского** района **Груз. ССР** и **грузинское племя Чагма-тушин**. **Тушины** — это общее название тех и других (т. е. **грузинского** и **нахского племен**), которое говорит об общности происхождения обоих ныне разноязычных племен. Имеется топоним **Тушетия**, представляющий прародину обоих означенных племен.

Тушины, живущие в **Земо-Алвани**, называются еще:

а) **бацби** (само название **бацбийцев**), -**би** — формант мн. ч. (чеч. **буц**) «травы»²;

б) **Цова** — **Тушины** (груз.) от **Цов**//**Цюой** — древненахское языческое божество³;

в) **Цюой-бацуой** (чеч., инг.); -**Уой** — словообразовательный суффикс лица от **Цюой** и **бац** (ср. **буц**). **Тушины-грузины** называются **ЧагIма-туши** (resp. груз., **бацб. чагмартав**, чеч. **Туш-бацуой**). Этимология **ЧагIма** нам неизвестна (возможно, это из **ча**+**ма** (ча-человек, медведь + **ма** «солнце», **гI** — детерминант). Но в приведенных формах за исключением формы **бацби**//**бацуо** и **бацбийского чагIмартав** наличествует основа **туш**, которая означает древненахское языческое божество **туш**.

¹ Возможно, **НАХ** является первоосновой, если учесть, что **Л** представляет собой второй элемент составного детерминанта — **лх**; ср. **малх**//**налх**.

² Дешернев Ю. Д. **Бацбийский язык**. М.-Л., 1953.

Туш — божество плодородия, деторождения, впоследствии превратившееся в птицу угод, ср.инг. **тушуол-куотам**. Эта основа повторяется в формах **тушуол** (-л — детерминант), **тушуолиг** (-г — уменьшительный суффикс), **тушуол-куотам** (**куотам** — курица) — угод¹.

Имеются несколько храмов в Ингушетии, посвященных данному божеству.

Основа **бац** (→**буц**) в форме **бацуо** (**бацби**) — трава, видимо, олицетворяет основной род занятий тушин-бацбийцев; тушины известны как хорошие овцеводы, а места их прежнего поселения — горная Тушетия — славится своими пастбищами. Кроме того, **бац//буц** имеет, как показывает языковой материал, и другое значение, а именно: оно выступает как глагол — **баца//ваца//даца//йаца** — трудиться на других, отсюда **вацархуо** (**й, б, д**) (**хуо** — суффикс лица)² «эксплуатируемый», «работник» (чечен.). Например: Ахьмад **вацйира** оха. Ахьмада эксплуатировали мы. Церан **вацархуо** ву Султан. Их работник Султан и т. д. См. также: **Баца** баа «эксплуатироваться» (gesp есть траву). Так, есть траву и эксплуатироваться, трудиться на кого-либо связаны между собой генетически³. Выражение «Даца уьстагIа» олицетворяет тушинскую породу овец, известную на Кавказе и за его пределами. Но примечательным здесь является то, что в зачине формы **даца** наличествует звук **д** (классный экспонент) вместо предполагаемого **б** (**бацуой, бацав**). Все приведенные факты говорят о древности слова **бац//буц**, что оно относится к тому первичному слою лексики иберийско-кавказских языков, которые были по своей структуре нейтральными⁴. **б, в, д, й** — классные экспоненты, **ц** ← **са** «земля».

Пхий — нахское название одного из горных племен Грузии (груз. хевсури). Данный этноним происходит из нахской языковой среды. Из грузинского он не этимологизируется.

По времени данный этноним предшествовал грузинскому хевсури.

Примечательно также и то, что в прошлом и грузины называли хевсуров (совместно с пшавами и тушинами) = **пхови** (см. Картлис Цховреба «История Грузии». Тбилиси, 1965. Т. I), основа здесь та же, что и в чечено-ингушском **пхий** — **пх** (ср. вайнахск. **шуой**, груз. **пшави**).

Этимологический анализ данного этнонима показывает, что он

¹ Семенов Л. С. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928—1932 гг. Грозный, 1963;

Чокаев К. З. К вопросу бытования образа Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный, 1963.

² Чокаев К. З. Там же.

³ Чокаев К. З. Географические названия...

⁴ Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика...

восходит к названию древненахского языческого божества поселения и человека **пхъа** (ср. бацб. **пхъе** — село, поселение).

Слово это относится к тому первичному слою односложных основ лексики нахских и других иберийско-кавказских языков, которые носили нейтральный характер в отношении грамматических категорий и были полисемантическими¹.

Основа **пха//пхъа//пхъе** повторяется во многих словах и словесных выражениях нахских языков. Таковы: чеч., инг. **пхъа**, бацб. **пхъе** «село», «поселение»: инг. **пхъа** «человек», «кровь» (ср. инг. *Тха пхъа боллу оцу сагах*. Наш человек (кровь) имеется за этим человеком); чеч. **пхъуовха**, инг. **пхъиегла** «вечерний сход», чеч., инг. **пхъуор** «трапеза», чеч. **пхъуьйрие**, инг. **пхъийраха** «время ужина», чеч., инг. **пхъу** «кобель», чеч., инг. **пхъар** «кузнец», «мастер», чеч. **пхъалгла**, инг. **пхъоалие** «кузница» и т. д.².

О родственности приведенных слов свидетельствует не только сходство их фонетической структуры, но и семантическая их близость. Общей частью их является **пх//пхъ**, с разными огласовками в основе, которые в древности служили для создания новых слов без аффиксов словообразования: **пхъа** — «человек», «кровь», **пхъу** «кобель» и т. д.

«Донсторическая речь, — писал Н. Я. Марр, — не знала производства слов. Разные понятия могли быть названы одним и тем же словом»³. Так, этноним **пхий** (й — формант множ. числа) оказывается родственным с приведенными словами. При этом отметим, что отсутствие айнированного **хъ** в составе данного этнонима не может вызвать сомнение в сказанном, поскольку и в других родственных словах оно может отсутствовать. См. **пхъора** (чеч.) зуда «беременная женщина», (т. е. женщина с человеком, кровью), но: *пхора зуда*, *кхалсаг* (инг.) в том же значении. Что в обоих случаях речь идет о женщине, которая должна родить, свидетельствуют параллельные выражения: чеч. *И зуда берах йу*. Эта женщина с ребенком. Или: *И зуда дуовзулхуочах йу*. Эта женщина с членом семьи.

Таким образом, основа **пх//пхъ** с разными огласовками с дерминантами получила широкое распространение в нахских языках. В прошлом она обозначала божество, олицетворяющее собой человечество, очеловеченные предметы и явления, и место поселе-

¹ Чикобава А. С. «Огонь», «Красный» — слова общего корня в иберийско-кавказских языках. Тезисы докладов VI (XII) научной сессии АН Груз.ССР. Тбилиси, 1955; Яковлев Н. Ф. Словарь односложных основ кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1927; Дешериев Ю. Д. Сравнительно-истор. грамматика.

² Ошаев Х. Д. О словах **цла** и **пхъа** в чеченском языке. Изв. научного об-ва Чеченской Автономной области. Т. 2, Грозный, 1930.

³ Марр Н. Я. Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык. Избр. работы. Т. V. М., 1935. С. 354.

ния человека. Впоследствии она стала названием одного из древних нахских племен — **пхий** (хевсуров), которое впоследствии огрузинилось¹ и в устах грузин получило новое имя — **хевсури**, но Нахи сохранили свое древнее название — **пхий**.

ЧЕЧЕНСКОЕ, ИНГУШСКОЕ ШУОЙ, БАЦБИЙСКОЕ ШОВ (ГРУЗ. ПШАВЫ)

В этом разделе рассмотрим этноним грузинского племени, проживающего к югу от Хевсуретии, в бассейне реки Пшавской Арагви.

Как грузинский вариант, так и нахские варианты данного этнонима генетически восходят к нахским словам: чеч., инг. **Ша** «лед», чеч. **шиелуо**, инг. **шиелие (-луо)//-лие** — словообразовательный суффикс)² «холод», бацб. **пша** «лед», **пшел** «холод», ср. груз. **пшани** «родниковая вода». Как видно, формы чеч. **шиелуо**, инг. **шиелие**, бацб. **пшел** производны с помощью словообразовательного суффикса: чеч. **-луо**, инг. **-лие**, бацб. **-л**.

Бацбийские варианты приведенных форм представлены в более древнем облике, чем чечено-ингушские и, следовательно, грузинский вариант этнонима **пшавы** восходит к первичному варианту означенной основы **-пша** «лед», который сохранился до наших дней лишь в бацбийском. Чечено-Ингушские варианты **ша-шиелуо//шелие** — «лед-холод» и этноним **шуой (-уой)** — словообразовательный суффикс — результат дальнейшего развития фонетической структуры нахских языков, т. е. результат выпадения начального глухого **П**³ (**пша**→**ша**), ср. также бацб. **пса**, чеч., инг. **са** «душа», «свет», бацб. **псарлуо**, чеч. **суьйрие**, инг. **сайрие** «вечер»; бацб. **пстлу**, чеч. **сту**, инг. **уст**, «бык» и т. д., которые демонстрируют закономерность отпадения звука **П** в начале слова в чеченском и ингушском. Имеются примеры, демонстрирующие обратное явление — выпадение начальных звуков в бацбийском, ср. чеч. **хьакха**, инг. **хьакхи**, но бацб. **кха** «свинья» и др.

Основа **пша** повторяется также в топо-этнонимии Чечено-Ингушетии, а именно в названии села **Пиеша** (горная Чечня к западу от с. Итумкали), а также в названии тайпа, выходцев из данного села, — **пиешхуой (хуой** — словообразовательный суффикс)⁴. Ср. фамилию известного грузинского писателя **Важа Пшавела** (он был уроженцем **Пшавии**, села **Чаргали**), которая происходит от данного этнонима, — **ела** — суффикс. При этом отметим, что появление гласного **ие** между начальным **П** и **Ш** объяснимо фонетиче-

¹ Марр Н. Я. Передвижение яфетических народов с юга на север; Утуиргаидзе Г. Ф. Указ. соч.

² Чокаев К. З. Словообразование имен существительных...

³ См. также бацб. форма интересующего нас этнонима **шов**, где **п** также выпал.

⁴ Чокаев К. З. Словообразование имен существительных...

скими законами, действующими в нахских языках. Как на это указывает Ю. Д. Дешериев в своем фундаментальном труде «Бацбийский язык» (см. выше), стечение согласных в нахских словах в начале слова — результат стяжения этих согласных, следствием которого явилось выпадение гласного звука между этими согласными¹. Отсюда вывод, что интересующая нас основа в первоизданном облике выступала в виде **паш(а)//паш//пиеша**.

По свидетельству проф. Дешериева Ю. Д., до сих пор бацбийцы произносят двояко (с огласовкой и без огласовки) слова: **паша** и **пша** «лед», **пастлу** /**пстлу** «бык», **пастлун** /**пстлун** «жена» и другие².

Горная цепь ледниковых вершин Большого Кавказа от Казбека до Тебулос-Мта (чеч. Тебуолт-лам) чеченцы и ингуши называют чеч. **Башлам**, инг. **Бешлам** (лам — «гора»), где, по нашему мнению, присутствует та же основа — **Баша** // **беша** с той лишь разницей, что п→б; закономерность такого перебора подтверждают также примеры: веденский пирдуолаг, плоскостной бирдуолаг, «летучая мышь», итумк. кхяхьба, плоск. (чеч.) кхяхьпа «кокетка».

По нашему мнению, та же основа повторяется также в глаголе **баша** «таять», где б уже выступает показателем грамматического класса (ср. **баша**, **даша**, **ваша**, **йаша** — «таять»).

Здесь налицо превращение имени существительного в значении «льда» в глагол в значении «таять», т. е. имя перешло в действие. Следует при этом иметь в виду сходство семантики имени **пша** «лед» и глагола **баша** «таять»: льду свойственно таяние. А также и признанное в языковедении положение о производности глаголов от имен³ (см. также **бац** // **буц** «травя», но: **баца** «пастись», «трудиться» и другие).

Остается решить вопрос: по каким мотивам это племя получило свое наименование от пша «лед», «холод». Думается, что таким мотивом была характерная особенность места поселения пшавов, которое, локализуясь в подножье ледниковых вершин Главного Кавказского хребта, характеризуется умеренно холодным климатом и многочисленными родниковыми водами (ср. груз. **пшани** — родниковая вода), питающими главную реку Пшавии — Пшавскую Арагви.

Бений. Это чечено-ингушское название горного племени Грузии — **мохевцев** (груз. **мохеви**), которое занимает район Дарьяльского ущелья и Военно-грузинской дороги — от Ларса на севере до Пасанаури на юге. **Бений**, видимо, древнейшее догрузинское название данного огрузинившегося впоследствии нахского племени.

¹ Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык...

² Что здесь та же основа подтверждает также вариант Баш-лам (чеч.)

Беш-лам (инг.) в том же значении, ср. инг. Шийла ша улача Башлам керта тла. Холодный лед, лежащий на Башламской вершине (из фольклора).

³ Потебня А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1883.

Данная основа имеет широкое распространение в нахской топонимии. Таковы: **Бейни** (название села в горной Ингушетии), **Бейна-сиела** (храм на горе Метлам в Ингушетии), **Бена** (село в Ичкерии, Ножай-Юртовский р-н), **Бена-Виедана** (село в Ножай-Юртовском районе), **Бени-Клуотар** (село в Веденском районе от имени Бенуо), **Бенуой** (название тайпа, **-уой** — словообразовательный суффикс мн. числа (**-й** — формант множественности)). Имеется также имя **-Бенуо** (**-уо** — суффикс лица).

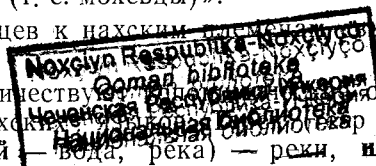
Возможно, что данная основа повторяется также в топонимии Эхашбета — село в Веденском районе, Юго-Восточная Чечня (**Эха** — **ЭгIа** — низ, внизу, низина, **ш** — **са** «земля», — **бе** + **та** — **тIа** «на — на нижний **бе**» («целина», «божество»).

Надо думать, что **Бена: бе** (**на** — детерминант (resp. послелог) — название языческого божества, олицетворяющего покосы, пастбища (ср. также **бу-ц**//**ба-ц** (**Ц** — **са** «земля») «травы», «пастбища» в этнониме **бацуо**//**бацав**//**бацби** «бацбиц», восходящее к **Ма** — бог солнца, солнце (ср. груз. **м** — **ца** — **на** — **ри** «растительность»), ср. также чеч. Бальсаг и Мальсаг «человек солнца» (б/м) и др. Подтверждением наших доводов служат также слова чеч. **бай**, инг. **бей** «целина», «лужайка», которые бытуют в современных вайнахских языках в широком употреблении, а также то, что имелся языческий храм, посвященный данному божеству на горе **Матлам** в Ингушетии — **Бейн-Сиела**. Так груз. **Мохеви** и нахск. **Бений** (**мо**//**бе** — основа в значении «бог солнца») оказываются родственными в своей основе. О том, что в древности одно и то же слово могло обозначать и божество и предметы, явления, олицетворяющие данное божество, мы говорили выше (см. также нашу «К вопросу бытования образа Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей...»). Здесь не лишне вспомнить бога Урарту **Биайна**, а также самоназвание урартийцев — **Биайни**, производное от названия своего бога. И **Ма** — бог солнца, который был культом Урарту, отсюда **Биайна** ← **Ма** (**Б** ⇌ **м**).

Возвращаясь к бений-мохевцам, отметим, что ингуши, будучи в непосредственной близости и в соседстве с данным племенем, широко употребляют выражения, бытующие в их языке: **Бений-устах** «бенойская овца» (т. е. мохевская овца), **бений жIаьла** «беноевская собака» (т. е. мохевская собака), **бений чуокхи** «беноевская шинель» (т. е. мохевская шинель) и т. д. Кроме того, представители фамилии **Мальсагов** ингуши часто называют «бений» — «бенойцами: Бений деций шу «Вы же бени (т. е. мохевцы)».

О генетической близости мохевцев к нахским племеням свидетельствуют следующие факты.

1. На территории Мохевии наличествуют топонимические объекты, этимологизирующиеся из нахских языков (например, **ло-мек**), **Кито-хи** (ср. чеч. **хи**, инг. **хий** — вода, река) — реки, **шан-**

гора (чеч., инг. **ша** — лед, -н — формант род. пад.), **Двалетский** (хребет) — ср. чеч. **дали**, инг. — даьла — бог)¹.

2. Среди мохевцев встречаются жители (с. Казбеги), носящие фамилию Мальсагашвили, которая широко распространена среди чеченцев и ингушей — **Мальсаговы**//**Мальцаговы**, и этимологизируются, как указывалось выше, из нахских как **малх саг** «человек солнца» (малх — «солнце», саг — «человек» (см. подробно об этом выше). Носители фамилии Мальсагашвили считают себя ингушами по происхождению. В то же время ингуши Мальсаговы считают выходцами из Мохевии.

3. Небезынтересно также отметить и то, что в древности интересующий нас район населяло племя под названием **Цанары**², которое четко этимологизируется из вайнахских языков (ср. чеч. **ца-на** — трава, годная для косьбы, ср. чеч. бай, инг. бей (ср. бена) — «трава» (-на — детерминант, ср. **Эра-на**, **Гуьна** и др.)³, -ра — детерминант.

4. И, наконец, следует иметь в виду мнение Н. Я. Марра о нахском происхождении горских племен Грузии⁴, а также А. Генко, который писал: «...отсюда⁵ сам собой напрашивается важный этнологический вывод, что весь район Военно-Грузинской дороги входил в сферу древнейшего расселения чеченских (ингушских) племен, ныне разделяющих свое пребывание здесь с осетинами и грузинами-мохевцами»⁶.

Чартуой. Название чеченского тайпа, проживающего в с. Шали, Герменчик, Мескер-Юрт, Гудермес и др.

По преданию отдельных представителей этого тайпа, они происходят из Грузии⁷. Правдоподобность этой версии подтверждается следующими фактами.

1. Каждый искони чечено-ингушский тайп имеет в горной полосе свою гору, носящую соответствующее название, например, **Эрса-**

¹ Гамрекли В. Двалы и Двалетия. Тбилиси, 1959. К анализу топонимики Двалетии...;

Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика...;

А. Генко. Из культурного прошлого ингушей. Ленинград, 1930.

² Армянская география, приписываемая Моисею Хоренскому. Русский перевод Патканова К. П. СПб., 1887; Картлис Цховреба (История Грузии). Под ред. Каухчишвили С. Г. Т. 1, Тбилиси, 1965;

³ Чокаев К. З. Географические названия...

⁴ Марр Н. Я. Указ. соч.

⁵ Имеется в виду, что древнее название р. Терек — Ломеки, которое автор этимологизирует из вайнахских языков, как Лоам Ахк (инг.) «Горное ущелье» (см. Из культурного прошлого ингушей).

⁶ Генко А. Указ. соч...

⁷ Старший научный сотрудник сектора литературы Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы фольклорист Эльмурзаев С. Ч. утверждал, что II колена их рода представлял некий Георгий. Знал он и всех остальных отцов своего рода по именам. Представители одного, 9 по счету колена, Гей, по его словам, живут в Гудермесе: Гей-некий — фамилия Гей.

нуой-лам, «Эрсаноева гора», Цуонтаруой-лам «Центароева гора» и другие. Тайп Чартуой не имеет такой горы. Этот факт, по мнению народа, также служит доказательством того, что чартойцы пришлые в чеченскую среду.

2. В Мохевии имеется село **Чартали**, а в Пшавии **Чаргали**, в названии которых мы усматриваем интересующую нас основу. Топонимы **Чаргали** и **Чартали**, видимо, членятся так: **Ча-р-та-ли** (ли — суффикс места груз. языка, ср. вайнахск. -л в том же значении), -р, -га — детерминант **Ча-р-га-ли** (-га — формант направления).

Надо думать, что основа **ча** — не что иное, как древненахское **ча//чи** — «человек», «медведь»¹ (ср. аварск. **Чи** — человек). Дело в том, что медведь являлся одним из распространенных тотемов не только у вайнахских народов, но и у многих других народов², отсюда название племени и человека данного племени, «Племенные названия одновременно и названия божества, вначале тотема»³, — писал Н. Я. Марр. И дальше. «...В части семантики «человек» на всех языках — это племенное название»⁴.

По утверждению Г. А. Меликишвили, чарталинцы в прошлом были распространены по всей Кахетии и дагестанцы кахетинских быков называли **чор**, имея в виду чарталинцев⁵.

Энгалуой//аьнгалуой это название одного из чеченских тайпов. Имеются одновременно села Энгиной-Эвла (Ножай-Юртовский р-он), Энгин-юрт (Гудермесский р-н). Думается что этноним восходит к названию одного из грузинских племен Кахетии — Ингилой (ныне входят в состав Азербайджанской ССР).

Этот вопрос мы ставим здесь в порядке гипотезы, памятуя при этом утверждение Н. Я. Марра о том, что племенные названия кавказского севера повторяются на юге Кавказа⁶.

Наш перечень горских племен Грузии и Чечено-Ингушетии был бы неполным, если не упомянуть здесь древнее племя двалов, располагающееся к западу от Мохевии, в ущельях Главного Кавказского хребта.

Путем анализа топонимии, данных письменных источников В. Г. Гамрекели, по нашему мнению, пришел к правильному выводу о принадлежности **двалов** к протонахской общности⁷. Это мнение Гамрекели разделяют также проф. Ю. Д. Дешериев⁸, археолог

¹ Чокаев К. З. «Человек», «медведь» и «олень» — слова общего корня в иберийско-кавказских языках (см. ниже).

² Морган Л. Древнее общество. М., 1934.

³ Марр Н. Я. Сухум и Туапсе. Изб. работы. Т. V, Ленинград, 1934. С. 160.

⁴ Марр Н. Я. Русское слово — «человек» и «абхазское «аоше». Избр. работы. Т. V, Ленинград, 1934. С. 187; Чокаев К. З. Куда ведет корень вайнахов. Альманах «Орга», № 4, Грозный, 1968 (на чеч. языке).

⁵ Меликишвили Г. А. К истории Древней Грузии...

⁶ Марр Н. Я. Передвижение яфетических народов с юга на север...

⁷ Гамрекели В. Г. Двалы и Двалетия... Его же. К анализу топонимии Двалети.

⁸ Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика...

В. И. Марковин¹ и другие. В. Г. Гамрекели, а вслед за ним Ю. Д. Дешериев, связывают этот этноним с нахским языческим божеством: чеч. (чеч.) Дали, лит. Дела, инг. Даьла (ср. груз. Дали — бог охоты).

Как было сказано выше, племя носило имя своего тотема, божества. Так, например, к именам божеств восходят разобранные выше этнонимы — **Галуой, Пхий, Бений, Туши** и другие. Этноним **двали**, как видно, также не являлся исключением из этого общепринятого положения. Нахское название этой народности — **дува** (ед. ч.) и **двий** (мн. ч.). Мелхинский говор представляет собой архетип **двал** — дал «бог». Мифический народ, проживающий, по поверью вайнахов, в древности на территории исторического Нахистана и известный в литературе под названием **дува//Деви** и **двалы**, видимо, одно и то же².

Так вырисовывается ареал древнейшего расселения нахских племен, который проходил вдоль Главного Кавказского хребта от Тушетии до исторической Двалети включительно.

Дальнейшее исследование вопроса, которое должно опираться, главным образом, на показания топонимии и гидронимии названных районов призвано:

- а) уточнить границы расселения нахских племен в древности;
  - б) воссоздать картину прошлой культуры и быта нахских племен;
  - в) внести ясность в этимологию приведенных этно-топонимов.
- Все это возможно достичь путем комплексного изучения поставленных вопросов силами историков древности, филологов и антропологов, занимающихся изучением прошлой истории Кавказа и его народов.

ЭТИМОЛОГИЯ САМОНАЗВАНИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ «НОХЧИ//НОХЧУО»

...Названия племен, по-видимому, в большинстве случаев скорее возникали случайно, чем выбирались сознательно.

(Ф. Энгельс)

Нахская антропонимия относится к одной из малонизученных отраслей кавказоведения. Более или менее удачные попытки исследования данной проблемы предприняты в трудах, вышедших в раз-

¹ Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фартанги. М., 1966.

См. также. Материалы II сессии, посвященной происхождению осетинского народа в сб. «Происхождение осетинского народа». Орджоникидзе, 1967.

² Семенов Н. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии...

ное время из-под пера кавказоведов: академиков Н. Я. Марра¹, И. А. Джавахишвили², профессоров Ю. Д. Дешериева³, Р. Л. Харадзе и Л. И. Робакидзе⁴, В. Б. Виноградова и К. З. Чокаева⁵, Е. И. Крупнов⁶, кандидатов наук А. Г. Мациева⁷, А. И. Шавхелишвили⁸, Н. Г. Волковой⁹ и др.

Вопросами нахской этнонимии занимались и дореволюционные исследователи, в частности У. Лаудаев¹⁰, Ч. Ахриев¹¹, Н. Семенов¹², которыми была предпринята попытка этимологизировать некоторые вайнахские этнонимы, в т. ч. этнонимы **нохчуо** «чеченец», **гIал-гIа** «ингуш».

Рассмотрим некоторые положения названных ученых относительно этимологии интересующих нас этнонимов.

Как известно, **нахчуо/нохчуо** (м. ч. **нохчи**) и **гIалгIа** (м. ч. **гIал-гIай**) — самоназвания близкородственных народов, соответственно чеченцев и ингушей, относящихся вместе с бацбийцами (**цова--тушины**) к нахской группе иберийско-кавказского этнического массива.

В языках соседних народов имеются и другие названия для этих народов: в русском чеченцы и ингуши (от названий сел соответственно **Чечен** и **Ангушт**); в грузинском **кисти** (так называют как чеченцев, так ингушей); в кабардинском: **шашан**, **ингуш**; в осетинском: **цацан** — чеченцы, **макхаллон** — ингуши; в аварском: **буртиял** — чеченцы, ингуши; в кумыкском — **мичигашлар** — чеченцы, **ингушлар** — ингуши и т. д.

Этноним **нохчуо** в виде **нахчаматеанк** впервые упомянут в Ар-

---

¹ Марр Н. Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. (Труды комиссии по изучению племенного состава населения России). Петроград, 1922.

² Джавахишвили И. А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4.

³ Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.

⁴ Харадзе Р. Л., Робакидзе Л. И. К вопросу о нахской этнонимике. КЭС, вып. II. Тифлис, 1968.

⁵ Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен.

Археолого-этнографический сборник ЧИНИИЯЛ. Т. II, Грозный, 1963.

⁶ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1972; Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

⁷ Мациев А. Г. Чеберлоевский диалект чеченского языка. Сборник статей и материалов по нахскому языкознанию ЧИНИИЯЛ. Вып. 2. Т. VI, Грозный, 1965.

⁸ Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963.

⁹ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

¹⁰ Лаудаев У. Чеченское племя. Тифлис, 1872. С. 71.

¹¹ Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) ССКГ, Тифлис, 1876, вып. 8. С. 52.

¹² Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

мянской географии¹ VII века Мовсеса Хоренаци (Моисей Хоренский).

Следующее по времени упоминание об этом этнониме в виде **нахче** относится к XIV веку. Имеется в виду отчет Католикоса Евфимия об инспекторской поездке к Кавказским горам при Георгии Блистательном (1318—1346 гг.)². После чего до XIX века данный термин не встречен в нарративных источниках. И чеченские (ингушские) племена за указанный промежуток времени упоминаются под другими названиями: **дзурзуки**//**зурзуки**, **кисты**//**кусты**, **шибуты**, **мзджеги**, **ококу**, **окочане**, **аккизы**, **мелки**, **глигви**, **калканы**, **галгаи** (последние три этнонима относятся к ингушам).

Первая попытка этимологизировать этноним **нохчуо** принадлежит первому чеченскому этнографу У. Лаудаеву, предпринятая им в работе «Чеченское племя».

Однако Лаудаев не пошел дальше повторения народной легенды о происхождении этнонима **нохчуо**, согласно которой легендарный предок чеченцев (**нохчоев**) Турпал **Нохчуо** был рожден с куском сыра (**нехча** по-чеченски) в руке. Отсюда якобы и этноним **нохчуо**, который, по мнению Лаудаева У., на русский язык переводится как «сыроед»³.

Надо думать, что приведенная легенда не более как порождение созвучия слов **нехча** и **нохчуо**. По крайней мере, как будет видно из дальнейшего изложения, этноним **нохчуо** не произведен от **нехча** — сыр.

Академик Н. Я. Марр усматривает во втором компоненте этнонима **нохчуо** -ч а//уо — суффикс лица, бытующего поныне в некоторых дагестанских языках в значении **чи** — человек (ср. аварск., рутульск., агульск. **чи** — человек)⁴. Основу этнонима Марр не этимологизирует.

Профессор Ю. Д. Дешериев довольно подробно остановился на фонетико-морфологической структуре этнонима **нахчаматеанк** из «Армянской географии VII века» как вариант **нохчуо**, однако обошел при этом вопрос об этимологии последнего. По мнению Дешериева Ю. Д., **нахчаматеанк** состоит из корня — слова **нахча**, **мат** — язык, -ан/ян/ — армянский этнический суффикс, образующий фамилии, -к — формант мн. числа⁵.

Е. И. Крупнов в работе «Средневековая Ингушетия» относительно **нохчуо** ограничился ссылкой на упоминание его в «Армянской географии VII века» в виде **нахчаматеанк**⁶.

¹ Армянская география VII в. Перевод Патканова. СПб., 1877. С. 36.

² Джанашвили М. Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК. Т. XXII. Тифлис, 1897. С. 50.

³ Указ. соч. С. 55.

⁴ Марр Н. Я. Указ. соч. С. 86.

⁵ Дешериев Ю. Д. Указ. соч. С. 47.

⁶ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. С. 25—27.

Н. Г. Волкова в соответствующей части вышеуказанной работы пытается ставить под сомнение наличие этнонима **нахчаматеанк** в оригинале «Армянской географии VII века», но убедительных доводов, на наш взгляд, при этом не приводит. Ту же мысль дословно повторяет Л. И. Лавров в своей работе «Очерки этнографии Кавказа»¹.

По нашему мнению, оба автора необоснованно ставят под сомнение достоверность данных языка в решении этногенетических вопросов.

Мы с В. Б. Виноградовым в указанной выше совместной работе компонент **-ч/а/** ошибочно возвели, как выясняется, к тюркскому (кумыкскому) словообразовательному суффиксу **-чи//ча//чу** (ср. **окуучу** — ученик, **колхозчу** — колхозник и др.), который мог присоединиться под влиянием тюркоязычных кумыков к корнеслову рассматриваемого этнонима **нах** — люди. Однако этимология последнего нами не затрагивается.

Имеется в научной литературе также мнение, согласно которому этноним **нохчуо** лежит в основе топонимов — названий города **Нахичевань** и соответствующей автономной республики **Нахичеванская АССР**².

Если допустить обоснованность данной версии, то этноним **нохчуо** был известен в научной литературе уже во II веке н. э., т. к. по данным З. И. Ямпольского топоним **Нахичевань** в форме **Наксувана** отмечен в труде античного автора указанного периода Клавдия Птолемея³. А по данным Э. М. Мурзаева этот топоним отмечен в трудах ученых, исследующих вопросы истории и культуры Передней Азии до нашей эры⁴.

Приходилось слышать мнение, высказываемое, правда, в устной форме, о якобы соответствии этнонима композиту **нохчуоь** «место лемеха» (**нох** — лемех, **чоь** — место внутри чего-то), а Н. Семенов приводит его как **нахчу** и этимологизирует как «место народа **нах**» (**нах** — люди + **чу** — в)⁵.

Как видно из изложенного, внимание исследователей сосредоточено в основном на этимологии конечного звукоэлемента этнонима **нохчуо -ч/уо/** и из всего разнообразия мнений на этот счет наибольший интерес, на наш взгляд, представляет мысль академика Н. Я. Марра о соответствии компонента **ч** слову **чи** — человек, бытующему в некоторых дагестанских языках и поныне.

Однако наиболее убедительным нам представляется мнение

¹ Лавров Л. И. Очерки этнографии Кавказа. Л., 1978. С. 41.

² Ямпольский З. И. О значении слова **ван** в имени **Нахичевань** (К анализу имени **Нахичевань**). // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия общественных наук. Баку. 1961. № 1. С. 14.

³ Клавдий Птоломей. Географическое руководство (II в. // По Ямпольскому. Указ. соч. С. 13).

⁴ Мурзаев Э. М. География в названиях. М., 1979. С. 48

⁵ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

кандидата филологических наук А. Г. Мациева о том, что **ч** получен из **ш** в результате метатезы последнего с последующей аффрикацией в составе топонима **Нашаха** (→ **Нахача**), представляющего как раз тот район горной Чечни, который по народному поверью вайнахов считается колыбелью основных племенных образований, составивших ядро современных чеченского и ингушского народов.

О том, что этнонимы и племенные названия в языках народов Кавказа производны от соответствующих названий местностей, доказано в трудах авторитетных исследователей-кавказоведов¹.

К сожалению, это положение игнорируется теми исследователями, которые, следуя народным легендам, пытаются возвести тот или иной этноним к имени мифического родоначальника народа, т. е. эпониму. Так, например, у чеченцев и ингушей бытуют поверья о том, что самоназвания чеченцев и ингушей **нохчуо**, **ḡalḡla**, а также названия чечено-ингушских тайпов — эпонимы. Поверья эти широко, без критического анализа как якобы научно достоверный материал использовались дореволюционными исследователями (У. Лаудаев и др.)² и используются иногда в работах советских исследователей³.

Предания народа в решении вопроса этногенеза и этимологии этнонимов и племенных названий привлекать можно, однако слепо полагаться на них нельзя.

Другого рода ошибка в решении данного вопроса состоит в том, что исследователи, следуя созвучию, тщетно пытаются возвести тот или иной этноним или племенное название к тому или иному названию предмета, являющегося орудием труда или продуктов производственной деятельности и рода занятий народа или племени.

Образцом такой ошибки является попытка проф. В. Б. Виноградова возвести племенные названия чеченцев **пхъарчхой** и **чермой** соответственно к **пха** — стрела и **черма** — кадушка⁴.

Также необоснованна попытка В. Виноградова возвести название части **осетин** — **дигорцы** к вайнаховскому **диг** (бацб. **дикI**) — топор⁵.

Таким образом, как было отмечено, **нахча**//**нахчуо**//**нохчуо** (-**уо** — суффикс лица, первичная основа **нахча**) производно от топонима **Нашаха** (архетипа **Насаха**): **Насаха**→**Нашаха**→**нашха**→

¹ Марр Н. Я. Указ. соч.; Джавахишвили А. И. Указ. соч.; Волкова Н. Г. Указ. соч.; Чокаев К. З. Указ. соч.

² Берже А. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859; Услар П. К. Этнография Кавказа. Чеченский язык. Тифлис, 1888; Лаудаев У. Указ. соч.

³ Кобычев В. П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры. Сб. Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 165—184.

⁴ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (докторская диссертация). Грозный, 1972. С. 306.

⁵ Там же; Подробно об этом Чокаев К. З. Изучение топонимии Чечено-Ингушетии.

начха→**нахча**; **нахча ва**→**нахчав**→**нахчуо**→**нохчуо**. Следовательно, налицо **сх//шх//чх//хч**; ср. кист. **нечха**, чеч. (лит.) **нехча** — сыр; кист. **чаххам**, чеч. (лит.) **чохчам** — хрящ: чеч. **мочхал**, акх. **мохчал** — челюсть и др.

В приведенном топониме наблюдается выпадение краткого гласного второго слога от начала слова **а** и аффрикатизация согласного щипящего глухого спиранта **ш** (**нашаха**→**начха**), что закономерно в вайнахских языках; см. бацб. **пша** (—**паша**) — лед, **пса** (—**паса**) — душа и т. д.¹; ср. также кист. **маршуо**, чеч. (лит.) **марчуо** — саван; чеч. (лит.) **ирча**, итумк. **ирша** — уродливый, некрасивый.

Кроме того, в горных говорах Чечни бытует более древняя промежуточная форма этнонима — **начхи** (← **нахчи**)², что имеет важное значение в решении вопроса об этимологии разбираемого этнонима.

И, наконец, следует сказать и о конечных звуках-формантах **й**, **уо**, которые осложнили первичную основу этнонима **нахча**.

Первый используется в вайнахских языках как формант мн. числа; см. чеч. **субли** — дагестанцы, **хлири** — осетины, **оьрси** — русские и т. д., хотя многие из этих форм, в том числе и **нохчи**, вследствие опрошения употребляются в значении ед. числа. Второй дифтонгический гласный звук **-уо** — суффикс лица, образующий названия лиц по месту жительства и происхождения; см. с. **Эрсана** — **эрсануо** — житель села **Эрсана**; м. **Чебирла** — **чебарлуо** — житель **Чеберлоя**; с. **Шуьта** — **шуотуо** — житель села **Шатой** и др.

Происхождение данного суффикса нами впервые объяснено в работах, посвященных словообразованию имен существительных³, как результат слияния конечного краткого гласного звука **а** в названиях места происхождения лица и сонорного спиранта **в**, представляющего собой экспонент класса мужчин в глаголе-связке **ва**; см. **нахча ва** (**нахча** суть)→**нахчав**→**нахчуо**→**нохчуо**: ср. бацб. **бацав** (чеч., инг. **бацуо** — бацбиец), представляющий собой промежуточную форму.

Из **нахчуо** развилась форма **нохчуо** в результате регрессивной дистантной ассимиляции корневого **а** конечному суффиксальному дифтонгу — **--уо**.

Именно таким представляется нам путь развития фонетико-морфологической структуры этнонима **нохчуо**. Остановимся на этимологии его.

¹ Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. Л.-М., 1953. С. 125; а также Современный чеченский язык. Ч. I. Фонетика. Грозный, 1961. С. 59.

² Сулейманов А. М. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. II, Грозный, 1978. С. 145.

³ Чокяев К. З. Словообразование имен существительных в чеченском языке. Изв. ЧИНИИЯЛ, вып. 2. Т. IV. Грозный, 1962. С. 27; Морфология чеченского языка. Ч. II. Грозный, 1970. С. 25.

Как уже было сказано, в основе этнонима **нохчо** лежит топоним, обозначающий местность и два села — **Техьа Нашха** — Потусторонний **Нашха**, **Сехьа Нашха** — Посюсторонний **Нашха**. Отсюда, кстати, и название чеченского тайпа **нашхой** и фамилия **Нашхоев**.

Неподалеку от этих мест локализуется местность, где стояло село под тем же названием и ныне именуемая «**Нашха лаьттина меттиг**» — место, где стояло **Нашха**. Видимо, речь здесь идет об одноименном хуторе.

Таким образом, племенное название **нашхуо**, производное от названия места происхождения племени — **Нашха** стало самоназванием целого народа **нохчи**, которое, как было показано, дошло до нас в измененном виде как по смыслу, так по внешней форме.

Как известно, при образовании нации и народности происходит слияние разрозненных на начальной стадии родоплеменных групп¹.

Данный процесс обычно происходит под «гегемоном» одного, наиболее сильного племени, которое «навязывает» всем остальным конгломерирующим племенам не только свои культуру, язык, обычаи, но и свое название, которое часто восходит к имени божества или тотема племени.

«Племенное название, — писал акад. Н. Я. Марр, — как известно, одновременно и название божества, в начале тотема»².

Тот же процесс развития мы наблюдаем и на примере превращения племенного названия **нашхуо** в самоназвание народа **нохчуо**.

Такое превращение сопровождалось процессами миграций; если ныне название племени **нашхой** и его колыбель представлены в обществе **Нашаха**, расположенном в ущелье **Галанчож**, то народность и его самоназвание **нохчи** представлены в другом регионе, а именно: в восточной части Чечни, в обществе **Нохч-мохк**, где произошла дальнейшая консолидация **нашхоевских** племен и образование народности **нохчи**.

Надо думать, что в основе этнонима в обоих вариантах **Нашаха/нахча** — лежит имя бога солнца **ма//на/м** ← н ср. чеч. **нартуол**, инг. **моартуол** — крыша башни, чеч. **никх**, вед. **микх** — улей; чеч. **нуош**, инг. **муош** — незрелый и т. д.).

Данный теоним лежит также в основе названия солнца — чеченского **малх**, инг. **малх**, бацб. **матх** (л, х, т, х — детерминанты /resp. послеложные и падежные форманты с пространственными значениями)³.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1934.

² Марр Н. Я. Сухум и Туапсе. Избранные работы Т. 5. Л., 1934. С. 160.

³ Данные формы первоначально функционировали в значении «место, освещенное солнцем»; тогда как слово **ма**, вероятно, имело значение «небесное светило» и было впоследствии вытеснено указанными производными формами, что видимо, произошло в связи с появлением земледелия и скотоводства, для которых солнечные лучи стали приобретать особые значения. К этому времени человек уже осознал значение солнечного тепла для своей основной по тому времени произ-

Что в основе родоплеменного названия может лежать имя тотема или божества, подтверждают многочисленные факты как языкового, так историко-культурного порядка. Так, например, ряд нахских племен так и называется по имени ^{их} древних божеств: **Тушины** (от божества **Туш**, отсюда **Тушол-Котам**, инг. **Тушוליг** — божество плодородия)¹. Или **Цюва-тушины** /**Цюв** — божество огня и домашнего очага².

Также произошло название племени **маълхий** — от **малх** — солнце, освящаемого в прошлом; **млайстой** от **Ма** — имя бога Солнца у вайнахов и Древней Передней Азии, в т. ч. Урарту³; **Цюнта-рой** от **цйу** — бог огня и домашнего очага, **Галой** от **гал** — бог солнца⁴, ср. греч. Гелиос (**-ос** — формант имен. пад. греческого языка).

Ущелье **Галанчож** и прилегающие к нему общества, считающиеся, как было сказано, по народным поверьям, прародиной вайнахских племен, где в частности локализуются также интересующие нас топонимы с основой **Нашаха**, характеризуются наличием и других топонимов, в основе которых в разных вариантах лежит название бога солнца **ма//на**, **Гал**. Таковы: **маълхаста** (вариант **Митха** от **Ма** (**т→тие** — послелог с пространственным значением), **-х** — формант иллятива/, **Ми/** ← **ма/** — результат регрессивной дистантной ассимиляции: **МатIнех→МатIх→МитIх**; **Млаъста**, **Галанчож** — общества; **Нах-куорт** /**куорт** — голова, глава/, **Нахараст**, **Нач-хазие**, **Нахч-хазие**, **Нах-ловзие** — местности; **Мешахи** /**Ша/** ← **са/** — земля, **хи** — речка, вода; следовательно, солнечной земли речка, вода); **Гихи** — речки и т. д.

О поклонении обитателей местностей локализации указанных объектов богу солнца, солнцу, освящаемому языческими верованиями, свидетельствуют памятники материальной культуры этих мест — склепы, могилы, так и называемые «солнечными» (чеч. **маълха кешнаш**), башни, на которых учеными отмечены солярные знаки⁵.

водственной деятельности — земледелия и скотоводства, благополучие которых во многом зависело от солнечных лучей. Такое сознание человека и послужило основой для возникновения указанных производных форм, поскольку сознание и язык взаимосвязаны.

¹ Шиллинг Е. М. Культ Тушли у ингушей. ИНИИК. Т. IV; вып. 2. Орджоникидзе — Грозный, 1935. С. 107.

² Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. Изв. Инг. НИИ, IV, вып. 2. Владикавказ, 1930; Семенов Л. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928—1932 гг. Грозный, 1963; Шамилев А. И. Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный, 1963.

³ Пистровский В. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1946; Меликишвили Г. А. Наир-Урарту. Тбилиси, 1948; Ю. Дешериев. Ср.-ист. грамматика...; Чокаев К. З. Язык и история вайнахов. Грозный, 1977.

⁴ Далгат Б. У. Указ. соч.; Б. Алборов. Ингушское Гальерды, осетинское Аларды. Известия Инг. НИИК, вып. I. Т. I, Владикавказ, 1928; Шамилев А. И. Указ. соч.

⁵ Семенов Л. Указ. соч.; Е. И. Крупнов. Указ. соч., М. Б. Мужухоев. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977.

О бытовании культа солнца у вайнахов свидетельствует и чечено-ингушский фольклор, герои которого обращаются в критический момент за помощью к солнцу. О том же свидетельствует фольклор давнишних соседей вайнахов — осетин.

Как было отмечено, в осетинском нартском эпосе нарт Сослан погибает от некоего Бальсагова Колеса /Колесо — солярный знак, символ культа солнца у вайнахов, до наших дней встречающийся, как было сказано, на памятниках материальной культуры горной Чечено-Ингушетии/; **Бальсаг** — вариант распространенного у вайнахов имени **Мальсаг**/Мальцаг/ ← **Малхсаг** — человек солнца: букв. солнце-человек/ (**б** ← **м**; ср. чеч. (лит.) **мунда**, итумк. **бунда** — чучело; чеч. **бие**, инг. **мара** (**-ра** — детерминант) — кроме; ср. также **блaстие** — весна и название травы **блaста**, тайпа **блaстуй** в основе которых лежит корнеслов **ма** (← **ба**) — солнце; а **са** — земля. **Т** — реликт последого **тlие**/тlа; **-не**, **-уой** — суффиксы соответственно места и лица.

Более древний вариант корнеслова, названия солнца представлен в мужском имени **Муосаг**, отмеченного нами у майстинцев, а также в ингушском **malсаг** — мужчина-человек (ретроспективно солнце-человек).

Если вспомнить, что злейшим врагом нартов в осетинском нартском эпосе выступает человек солнца Бальсаг, а в вайнахском фольклоре нарты являются врагами человека и герои, на стороне которых симпатия народа, обращаясь за помощью к солнцу, кличут: **Малх соьгахъа бу!** Солнце на моей стороне! — то, естественно, предложить, что наиболее почитаемым божеством у вайнахов было солнце.

Как отмечалось, в древности выход в свет, на улицу, в общество у чеченцев, по легендам¹, обозначался фразой «**Малха вала**» — «выйти на солнце», «**Малха вериг хилла иза**» — «он достиг возраста, в котором может выйти на солнце, т. е. в общество» и т. д.

Выражение **хьо ма вала малха**. «Да не выходить тебе на солнце» (т. е. в общество) считается у чеченцев тяжким проклятием и в наши дни.

По рассказам, ингуши еще в XIX веке, собираясь на горе Маготс, обращались к солнцу с просьбой о снисхождении, при этом произносили: **Гелой! Гелой!** (**г**→**гI**), имея в виду свое древнее божество языческого пантеона — солнце. В Ингушетии до наших дней сохранилось несколько храмов, построенных богу солнца.

О широком внедрении культа солнца в сознание вайнахов свидетельствуют также имена предметов, имевших первостепенное значение в скотоводческой и земледельческой жизни древних вайнахов. Таковы чеч., инг. **нехча** — сыр (инг. **нахча**), **маша** — молоч-

¹ Чокаев К. З. Образ Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей. Изв. ЧИННИИЯЛ, т. VI, вып. 3. Грозный, 1972.

ные продукты, **налха** — сливочное масло, **нох** — лемех и т. д., в основе которых лежит название солнца **на//ма** в разных фонетических вариантах.

После проведенного обзора не должно удивлять наличие имени культа солнца **на//ма** в основе этнонима **нохчи** и его архетипа **Нашаха**. Имя это было общим для всех вайнахских племен до XII века н. э., когда ингушские племена стали поклоняться другому культу солнца **Гал**, и отпочковались от нохчоев, уйдя на запад в ущелье Ассы, в местность **Галгачие**. Приблизительно в это же время происходит миграция нохчоев на восток, в район Ичкерии или Нохчмохк. Надо думать, что это событие было связано с переселением кипчаков в Грузию при Давиде-строителе в целях усиления войска **Картли**¹. Однако гипотетически можно предполагать, что как **Гал-га**, так **нахчуо** возникли на их общей прародине в ущелье **Галанчож**.

Как было отмечено, древнейшим вариантом топонима **Нашаха** был **Насаха** (с→ш; ср. **кысты**, **кишты** и др.). И, если первый компонент его на означал культ солнца, то второй компонент — **са** имел значение «земля», «местность», «страна» (см. топонимы на **са**: **Сада**, **Саьтта**, **Сона**, **Сандукъ** (**са** — земля, **-та**, **-на**, — послелоги, **дукъ** — гребень) — названия местностей, где некогда стояли одноименные поселения; **-Ха** — формант иллитива (ср. **боьрдах** «в обрыв» от **берд** — обрыв; **ломах** — в гору от **лам** — гора; **хьуьнах** — в лес от **хьун** — лес; а также топонимы: **хьайбах**, **чармах**, **хьайрах**, **Джайрах** и т. д.). О том, что **са** этимологизируется как земля, страна свидетельствует такой факт.

На месте, где ныне стоит село **Махкеты** до середины XIX века стояло другое село под названием **Сада**. **Махкеты** представляет собой дуплет **Сада**. Оба названия состоят из одних и тех же компонентов: первый объясняется из современного чеченского (**Мохк** — страна, **тIие** — послелог с пространственным значением), второй — из древнечеченского: **Са** — земля, страна, древний вариант **мохк**, **-да** — послелог, древнейший вариант синонимного **тIие**)².

Таким образом, **Нашаха** этимологизируется как «на солнечной земле» (ср. **Маьлхаста**, **Млайста** — «на солнечной земле»; ср. также древний вариант **Маьлхаста** — **Митха** той же этимологии, а также **Галанчож** — солнечное ущелье). Отсюда производные от **Насаха//Нашаха**. **Нашахуо**, **начхи**³ **нахчуо//нохчи** этимологизируются как «те, которые с солнечной земли», «солнечноземельные»

На первый взгляд, как это утверждал Н. Я. Марр, может пока-

¹ Шавхелишвили А. И. Указ. соч. С. 40.

² Чокаев К. З. Грамматический способ образования топонимических названий в чеченском языке. Изв. ЧИНИИЯЛ, вып. II. Т. 3. Грозный, 1962.

³ В том, что форма **начхи//начо** бытует в горных диалектах, свидетельствует легенда о некоем охотнике **Начхо**, приведенная Б. Долгат в работе «Родовой быт чеченцев и ингушей». ИНИ. IV. 2. Владикавказ, 1930. С. 119.

заться, что форма **нахчуо//нохчуо** состоит из **нах** — люди и суффикса **ч**, соответствующего аварскому **-чи** — человек, тем более, что основа **нах** в разных сочетаниях представлена и в топонимии соответствующих районов горной Чечни: **Нах-корт, Нахараст, Нах-ловзе** и т. д.

Оставаясь на позициях проведенного анализа, мы можем констатировать, что в основе **нах** — люди и в первой части этнотопонима **нахча//нашха** лежит одно и то же название бога солнца **на//ма** + формант иллатива **-х/а/** и **са//ша** — **земля, страна**. Однако названные формы функционируют в современном языке самостоятельно.

Здесь уместно отметить также и то, что название религиозного культа может превратиться не только в этноним, как это видно из проведенного анализа, но и понятие «человек», «люди» также может восходить в своей основе к названию племени (resp. названию культа).

«По палеонтологии речи, — писал Н. Я. Марр, — в части семантики «человек» на всех языках — это племенное название»¹.

Таким образом, слово «человек» («люди») в первобытном сознании обозначало лишь человека — члена конкретного рода или племени и было однокоренным со словом, обозначающим тотемного животного или божества данного племенного образования, которое также носило имя своего тотема, превратившегося впоследствии в божество. Как было сказано, в основе этнонима **начхи//нахчуо//нах** в этимологическом плане мы усматриваем теоним **ма//на**, хотя в современном языке слово **нах** в отличие от **начхи//нахчуо** означает «люди», что, видимо, результат или безаффиксного словообразования от **нахча//нахчуо**. Или, возможно, оно связано с первым компонентом топонимов **Нах-корт, Нахараст, Нах-ловзе** и т. д., превратившимся в антропоним в результате развития полисемии. Таким образом в основе термина **нах** люди, лежит топоним **Нах** (**на** — солнце + **-х** — иллатив), тогда как этноним **нохчи//нохчуо//начхи**, как было показано, восходит к топониму **Нашах** (← **Насах**) (**на** — солнце, **са** — земля, **-х** — иллатив).

В заключение отметим, что нахские племена не составляют исключение: солнцу поклонялись, кроме народов Кавказа, древние греки, массагеты, аланы, сарматы, славяне и другие народы древности и в основе названий некоторых из них также может лежать название солнца², бывшего культом на определенном этапе их истории.

¹ Марр Н. Я. Сухум и Туапсе. Избранные работы. Т. 5. С. 160.

² Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.

К ЭТИМОЛОГИИ САМОНАЗВАНИЯ ИНГУШЕЙ «ГІАЛГІА»

Как в чеченском, так и ингушском языках этноним этимологически расчленяется на две части **гІал+гІа** в форме ед. ч. и **гІал+гІай** в форме мн. числа. Начальный звук [гІ] — придыхательный, заднеязычный согласный, напоминающий украинский фрикативный [г]¹. Тот же звук представлен и во втором слоге. Первый слог —

ударный с кратким среднеязычным [ӑ]. Второй [а̄] — долгий. Сонорный неслоговой [й] в исходе формы мн. ч. — формант мн. числа.

В исторической литературе этноним встречается в разных вариантах: **глигви, калканы, черные калканы, галгай**. Такой разноречивой в передаче этнонима можно объяснить неосведомленностью исследователей в вайнахских языках, в частности в фонетике и в акустике звука [гІ].

Впервые этноним в формах **глигви//гилигви** упомянут в грузинских источниках XI в. (Леонтий Мровели)². Как синонимы его встречаются в источниках: **хамекиты, дзурзуки, дурзук, кисты, кишты, дуцук, кусты**³.

С начала XIX века до наших дней русскому читателю народ **галгай** известен под названием «ингуши» (от ойконима **Ангушт**).

Имеется в литературе попытка этимологизировать этноним. Так, по мнению профессора Крупнова, он восходит к тюркскому **Кала** (вайнах. **гІала**) — город, крепость. Такого же мнения и А. И. Генко⁴. Ч. Ахриевым в работе «ингуши» приводится поверье ингушей, согласно которому **гІалгІа** восходит к эпониму **Га**⁵.

Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе отрицают связь этнонима с тюркским **гІала//кала**.

Профессор Н. Ф. Яковлев увязывает этноним с местностью **ГІал-гІай-чІодж** «Ущелье ингушей (гІалгІаев)» как производный от последнего⁶.

Профессорами Е. И. Крупновым и В. И. Гамрекели предпринима-

¹ Дешериев Ю. Д. Современный чеченский литературный язык. Ч. I. Фонетика. С. 32.

² Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1974. С. 30.

Харадзе Р. Д., Робакидзе А. И. К вопросу о нахской этнонимике, КЭС, вып. II. Тбилиси, 1968, Т. 20.

³ Армянская география VII в. Перевод Патканова С. П. Б., С. 36.

⁴ Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963. С. 70;

Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. С. 30—31;

Генко А. И. Из культурного прошлого ингушей. Т. II. Ленинград, 1934. С. 703.

⁵ Ахриев, Ингуши ССКГ. Т. VIII, Тифлис, 1875. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927.

⁶ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия...; Гамрекели В. Н. О племени двалов. МЭГ, IX, Тбилиси, 1957. С. 203.

та также попытка увязать этноним со страбоновскими **гаргареями**¹. В нашей совместной работе такая связь отрицается². Отрицается она также в трудах профессоров Ю. Д. Дешериева и Н. Г. Волковой³.

По нашему мнению, этноним восходит к имени божества солнца, неба и грозы **Глал**, от которого он произведен посредством суффикса лица **-Гла** (вариант **-ха**, ср. **Доттагла/доттаха** «товарищ» **мостагла/мостаха** «враг»), имевшего в нахских языках широкое распространение в названной функции и служащим древнейшим вариантом современного суффикса сходной функции **-хуо**⁴. Следовательно, **Глалгла** — тот, кто поклоняется божеству солнца **Глал**. Примечательно, что в горных говорах чеченского языка мы имеем точную параллель данной форме в виде **Гиелага** (**Гиелагла/Глалагла**) (**а→ие**) — служитель культа солнца⁵.

Таким образом, **Глалгла** той же этимологии, что и **нохчуо** «чеченец», который этимологизирован нами как служитель культа солнца **ма//на** (см. ниже) (ср. также племенные названия чеченцев **маьлхий**, **мйайстой**, **мулкьой** — дети солнца).

Таким образом, два генетически родственных по языку народа — чеченцы и ингуши, а также другие общества вайнахов названы этимологически сходными по семантике теонимами.

Уместно отметить здесь же мнение Б. О. Алборова о том, что культ **Глал** возник на общей родине чечено-ингушских племен⁶, но, по нашему мнению, эта общая родина была не на Ассе, как утверждал ученый, а в ущелье **Галанчлож**, в обществе **Нашаха**, которому как чеченцы, так ингуши приурочивают свое происхождение, о чем свидетельствуют топонимы, история и характер миграции вайнахских племен. Например, топонимы на **Глал** локализуются не только в верховьях Ассы или других районах Ингушетии, а в наибольшем количестве они отмечены в ущелье **Галанчлож** (инг. **Глаланчладж**) и прилегающих к нему обществах. Не случайно и само название данного ущелья носит имя божества **Глал** (**члож** — ущелье); см. топонимы, локализующиеся здесь же: **Гиелиечу** (об-во **Ялхара**), **Гиела** (местность); **Гиелие-Корта** (Глава **Гиелы**); **Гальердите** «на святилище «**Глал**»; **Галердие** «к святилище»; **Гал-ярдие-Босса** «на склон святого **Глал**»; **Гелей-Босса** «склон Ге-

¹ Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. Архивно-этнограф. сб. ЧИНИИЯЛ. Т. II. Грозный, 1963.

² Процесс образования **-хуо** от **ха/**, см. Чокаев К. З. Морфология чеченского языка. Ч. I. Грозный, 1970. С. 7—8.

³ Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика... С. 70.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. С. 153—154.

⁴ Сулейманов А. М. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. I. Грозный, 1979. С. 55.

⁵ Алборов Б. О. Ингушское Гальерд, Осетинское Аларды, НИ ИНИК,

⁶ Плечке Б. Чеченцы (die chechene), Гамбург, 1927 (на нем. яз.).

лы» (возле б. села «Чуша»); Аькхи-Гинеличу (об-во Амга); Гинелити (холм возле с. Кяриста в об-ве Хилдехъара) и т. д.

В Ингушетии в разных обществах отмечены следующие топонимы на Гал: Гальерд (храм), Галашка (село на реке Ассе); Гавлчож — урочище (м. Эгикал); Гал-Цюблашкине (м. Пялинг); Гальерд-Корт — Глава святого Гал (Ассиновское ущелье) и др.

Примечательно, что по мере удаления от ущелья Галанчож к востоку и западу число топонимов с основой Гал постепенно уменьшается. И если к западу, проходя по всей территории Ингушетии, они доходят до западной границы (с. Гвилети); то к востоку по территории горной Чечни их распространение ограничивается рекой Шаро-Аргун.

Если к этому факту присовокупить факты относительной общности языка, психического склада, некоторых обычаев и памятников материальной культуры (башни, склепы и т. д.), то сам собой напрашивается вывод, что культ Гал, по крайней мере дольше, чем у других, бытовал у вайнахских племен, населяющих очерченную территорию.

О том, что эпицентром его распространения помимо самоназвания явилось ущелье Галанчож, а именно общество Нашаха, свидетельствует:

а) наибольшее распространение топонимов на Гал именно здесь; б) духовным центром нахшинец считались села Хилине¹ и Хъайбах. Примечательно в этом плане тот факт, что недалеко от бывшего с. Хъайбаха стоит башня Гелагайн блов «Башня Гелага» (ср. Галагла, гл ← г). Вблизи этих мест имеется местность «Гелагла вийначу агачу», «Гелага убитый (где) лощина». Именно здесь жило племя галуой (-уой — суффикс лица в форме мн. числа).

Сведения о том, что ингуши еще в XIX в. поклонялись Гал как своему верховному божеству, олицетворявшему солнце, имеются в литературе. При этом обряды в честь данного божества сопровождались обращением к солнцу — выкриками Гелой! Гелой! Чаще всего такой обряд совершался на горе под названием Маготле, которое этимологизируется как Ма — бог солнца (предшествовавший по времени Гал) + го — «видим», тле — послелог в значении «на». Следовательно, «на солнце видимой горе». Подобный обряд совершался также в храме «Гальерд» («Святой Гал») возле м. Шоана.

Ученые-кавказеды Б. О. Алборов, Д. Б. Далгат также признают связь Гал с солнцем. Однако, по их мнению, Гал олицетворял не только солнце, но и гром, а также соответствует осетинскому божеству сходной функции ил//ал² (ср. вайнах. Илла а, бил-

¹ Алборов Б. О. Указ. соч.

² Головинский П. А. Заметки о Чечне и чеченцах. Сборник сведений о Терской области. Вып. I. Владикавказ, 1878. С. 252.

ла а, произносимые при даче клятвы или просьбе, а также ойконом **Хилие** (хI — протеза) — общество **Нашаха** в Галанчожемском же ущелье). П. Э. Головинский считал **ГIал** божеством деторождения¹. Все это, видимо, результат генерализации данного божества в процессе дальнейшего развития. Первоначально же **ГIал**, видимо, функционировал как божество солнца.

О том, что **ГIал** был у ингушей главным божеством еще в XIX веке свидетельствует то, что ингуши, присягая коменданту крепости Владикавказ, клялись верности России именно этим божеством. Вот текст присяги:

«...Мы, ниже поименованные **лучшие и почетнейшие** (подчеркнуто нами — К. Ч.) люди, с каждой фамилии по десять человек, по обычаю нашему ... перед всемогущим богом небесным и почитаемым нами за святость кумиром, находящимся в **горах** (подчеркнуто нами — К. Ч.) именуемым **ГIальерд** (подчеркнуто нами), утверждается клятвой...»².

Обращает на себя внимание племенной состав, давших данную клятву ингушей, которые в своем большинстве представляли как раз фамилии, происходящие именно из общества **ГIалГIачие** (или **Кхе-кхаьлла**), считавшееся колыбелью ингушской народности и названного именем культа **ГIал**.

Уместно здесь же вспомнить о том, что «племя носило имя своего божества, вначале тотема» (Н. Я. Марр). Впоследствии название племени перешло в название народа; ср. этноним **Нахчуо** «чеченец», бывшее в начале племенным названием и этимологизируемое в своей основе сходным с **gIalga** образом как «божество солнца»³.

Именно в ущелье **ГIалГIачие** расположен храм **Маги-ерд**, возле которого ингуши совершали отмеченные выше обряды в честь бога **ГIал**, но названного более древним культом солнца **Ма** (**ги** — видный, **ерд** — святой), что свидетельствует о смене названия при сохранении существа. Рядом был расположен другой храм с названием, в составе которого имелся компонент **ГIал—ГIальерд**.

Замечено, что имена и функции божеств вайнахов с течением времени видоизменялись. Так, например, бог солнца у вайнахов, как было отмечено, некогда назывался **Ма** (отсюда чеч. инг.- **Малх**, баб. **Матх**, -л, -т, -х — детерминанты с пространственным значением).

Имеются факты, подтверждающие превращение божеств, почитаемых первоначально женщинами, в божества, почитаемые мужчинами (**Тушол**, **Дела** и т. д.), что происходило в связи со сменой одной общественной формации другой или одной идеологии дру-

¹ АКАК. Т. IV. Тифлис, 1870. С. 901.

² Чокаев К. З. К этимологии самоназвания чеченцев — **нохчуо** (см. ниже).

³ Чокаев К. З. К вопросу бытования образа Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей. ЧИНИИЯЛ. Вып. 3. Т. №, Грозный, 1972.

гой. Та же причина, по всей вероятности, лежит в основе замены **Ма** на **Гал**, что отмечено в научной литературе: **Гал** увязывается с христианством, тогда как **Ма** — божество языческого пантеона. А по мнению Б. О. Алборова, **Гал** — также языческое божество, превратившееся впоследствии в христианское в результате смены первого последним. Б. А. Алборов отмечал также, что храм **Галь-ерд** был христианским и моление в нем производилось при снятых шапках, под звон колоколов, неслись восковые свечи и имя **Гал** сопровождалось словом **Оччи**//**оцци**, которое, по мнению профессора Д. Д. Мальсагова, соответствует русскому **отче**, употребляемому также в сходных с описанным ситуациях¹. При молении верующие обращались к востоку, откуда восходит солнце и приговаривали «Божье солнце (инг. **Даьла малх**), принеси нам благодать свою»... Во всем этом не трудно заметить религиозный синкретизм.

В то же время все это говорит об отношении **Гал** к солнцу, хотя, вероятно, само слово восходит к греческому языку (ср. греч. **Гелио** (-ос — суф., им. пад., корень **Гели**). Вероятность данной версии подтверждается тем, что вайнахи подверглись христианизации со стороны Грузии, которая в свою очередь подверглась данной идеологии греческого толка.

Можно допустить и другого рода толкование происхождения данного термина.

По поверью ингушей, как уже отмечалось, родоначальником их был некий **Гла**, отсюда якобы и **Галгla**². В этом случае теоним восходит эпониму и произведен от последнего посредством исконно нахского суффикса -л (ср. ряд теонимов **Туш-тушо-л**, **Ма-малх**, **дие-да-л**, **сне-сне-л** и др.).

А этноним **Галгla** в свою очередь произведен от **Гал** при помощи суф. лица **gla** (← **ха**), ср. **доттаgla** // **доттаха** «друг», **мостаgla** // **мостаха** «враг».

Сказанное лишь гипотеза. Окончательное решение вопроса — дело будущего.

В то же время мы не видим достаточных оснований связывать этноним **Галгla** с тюркским **гала** «город, крепость» и страбоновским **гаргары**//**гаргарей**, которые, скорее всего, идентифицируются с общенахским **гаргара**, **гнергара** «близкий», **гнерга** — «близко».

ХАМЕКИТЫ

«...Есть тут некие троглодиты (пещерники), живущие вследствие холодов в пещерах; у них уже и хлеб родится в изобилии.

За троглодитами следуют какие-то народы, называемые **хаме-китами** и многоедами».

¹ Мальсагов Д. Д. Непонятные места в слове о полку Игореве. Изв. ЧИНИЙИЯЛ. Вып. II. Языкознание. Т. I. Грозный, 1959.

² Ахриев Ч. Указ. соч.

Так повествует нам древнегреческий ученый — географ Страбон на рубеже нашей эры о народах, предположительно локализуемых на исторической территории Чечни и Ингушетии и относимых к предкам вайнахов рядом ученых — Е. И. Крупновым, К. З. Чокаевым,¹ Виноградовым.

Основываясь на материалах профессора Е. И. Крупнова, который впервые высказал мысль о возможной отнесенности приведенных и ряда других этнонимов из «географии» Страбона к исторической территории Чечено-Ингушетии, ученые К. З. Чокаев и В. Б. Виноградов попытались в названной работе увязать термин «хакемиты» с племенным названием ингушей и ойконимом — хамхой /хамха хамхоевского общества².

При этом вопрос о другом названии — **многоеды /полифаги/** — оставлен открытым, поскольку непонятно из текста «географии», является ли «многоеды» синонимом изоглоссы **хамекиты** или под ней подразумевается другое племя;

Идентифицируя термин «хамекиты» племенному названию ингушей и топониму — ойкониму хамхй/хамхâ, в названной нашей работе дана довольно подробная характеристика одноплеменному обществу как колыбели ингушей, откуда вышли и широко распространились на плоскости основные и «лучшие» фамилии ингушского народа³.

Не случайно данное общество именуется в ингушском народе «ГлалгIа-чие» (Ингушетия) от глалгIа — ингуши + чие — послелог, указывающий место нахождения внутри, в...), подчеркивая тем самым особую значимость общества хамха/хамхой для исторической судьбы ингушского народа.

Симптоматично при этом и то, что все основные памятники прошлой духовной и материальной культуры ингушей локализируются именно здесь, в хамхинском обществе: языческий храм Ауш-Сел; христианские храмы Алби-ерда, Ткъаба-ерда, башенные и прочие комплексы и т. д.⁴. Симптоматично, что подавляющее большинство храмов, посвященных божеству тушоли, являющегося олицетворением дождя, ветра и небесной благодати, вообще сосредоточены здесь, в хамхинском обществе.

Именно здесь локализуется другое родовое село — Таргим (инг. ТIаргIам), считавшееся не менее значимым для истории ингушей.

В связи со сказанным интерес представляет следующее положение из «Картлис Цховреба» (История Грузии), где говорится, что

¹ Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. Сб. статей ЧИНИИЯЛ. Т. I. История. Грозный, 1964.

² Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1959.

³ Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т. I. Грозный, 1967.

⁴ Семенов Л. У. Этнографические и археологические разыскания в Ингушетии в 1931—1932 годах. Грозный, 1963.

у армян, картвелов, ранов, моваканцев, геров, монаков, мегрельцев и кавказцев был один отец — **Таргамос**... после разделения языков они расселились по всем странам. Поэтому вывел **Таргамос** из многих геров двух: **лекоса** и **кавказоса**. И дал **лекосу** страну от моря **Дарубандского** до реки **Ломехской**, на севере до большой **Хазарской** реки, а **Кавказосу** дал от **Ломехи** вплоть до оконечности на западе¹.

Под **лекосом** здесь подразумевается современные лакцы или вернее в историческом плане — дагестанцы вообще, **Ломехи-Терек**, который этимологизируется из вайнахского как горная река, вода (**лом** // **лам** — гора, чеч. **хй**, инг. **хий** — вода, река), под **Кавказосом** подразумеваются главным образом те Кавказские племена, жившие к западу от Терека, из которых сложился впоследствии главным образом современные чеченцы и ингуши и составившие субстратную основу современных осетинского и карачаево-балкарского народностей.

Но здесь примечательно то, что термин **таргамос** формально почти полностью совпадает с современным топонимом, локализирующем в интересующем нас обществе **хамхй** // **хамхат** **Tarġām** (рус. **Таргим**). Если при этом отбросить свойственный греческому языку формант им. падежа — **ос**, который был распространен и в грузинском языке как заимствованный в связи с христианством, шедшего из Греции, то указанное совпадение делается более весомым.

Кроме того, расхождение составляет наличие в ингушском варианте специфических вайнахских гортанного [ч] и смычногортанного [тʰ], отсутствующих в русской передаче термина.

Какими аргументами оперировали прежние исследователи, идентифицируя стробоновское «**хамекиты**» современному **хамхй** // **хамхâ**:

1. Локализация самого Страбона — за проглотитами следуют какие-то народы, называемые «**Хамекитами** и **многоедами**...»;
2. Созвучие **хамекиты** и **хамхй** // **хамхâ**.

На сегодня этого явно недостаточно, чтобы с уверенностью идентифицировать названные изоглоссы. И если еще взять во внимание двухтысячелетний разрыв во времени между интересующими нас этнонимами, то вопрос еще более осложняется, т. к. во времена Страбона (рубеж н. э.) в местах предположительной локализации **хамекитов-хамхов** могли обитать не современные **хамхойты**, а какие-то другие вайнахские, или даже не вайнахские, общества с учетом возможных миграций местных и пришлых народов и племен (аланы, сарматы и т. п.). Поэтому одним из веских аргументов в пользу предложенной идентификации могла бы

¹ Картлис Цховреба (История Грузии) под ред. Каухчишвили. Т. I. Тб., 1955.

служить этимология изоглосс. Чего как раз и недоставало в прежнем нашем исследовании.

В данной статье мы ставим задачу в пределах наших возможностей восполнить этот пробел, не претендуя при этом на окончательное решение вопроса. *Х а м х ъ / в а р.* *х а м х â /* в представлении современных ингушей обозначает и местность, где до 1944 года стояло одноименное село и выходцев из последнего, что наблюдается редко в нахской ономастике, где название выходцев, как правило, бывает осложнено словообразовательным суффиксом лица; см. *тIаргIам-тIаргIамхой* «таргим-таргимцы»; *Наьсар-наьсархой* «Назрань — назрановцы» и др.

Полисемия же данной изоглоссы свидетельствует о ее древности, восходящей к тому периоду, когда нахским языкам не было свойственно словопроизводство деривационными средствами, но было развито словосложение и лексико-семантический способ словообразования, когда новые слова образовывались путем расщепления основы (как простой и сложной структур) на два и более значений в результате переносного употребления.

Такие древние слова чаще всего были односложными, имелись и в других иберийско-кавказских языках¹ и были, как известно, многозначными; см. чеч. *п х ъ а* — кровь, человек, но и поселение; *л а м г о р а*, но и *горец*; *а* — степь, но и *степняк*; ср. старинное выражение *а а вац хьо*, *л а м а вац хьо*, букв. не степь ты, не горец ты, смысловой перевод: не степняк ты, не горец ты и т. д.².

В процессе дальнейшего развития языковой структуры такие односложные основы соединялись друг с другом и образовывались сложные изоглоссы (композицы), которые также могли быть многозначными до некоторой степени; см. *п х ъ а г а л* — название божества, но и *зайца* (*п х ъ а + г а л*); *Ц х ъ о г а л* — название божества, но и *лисы* (*ц л а + г а л*), *с т и г а л // с и г а л* — название божества, но и *неба* (*с т и г // с н е + г а л*), см. также *ц л а м а т* — теоним и ойконим (*ц л а + м а т*), и т. д.³.

Впоследствии к таким сложным образованиям, особенно топонимам, присоединяются словообразовательные форманты со значением лиц по месту жительства и места расположения топообъекта⁴.

Интересующий нас топо-этноним является одним из рассмотренного типа сложений, которые очень распространены в ономастике Нахистана и состоит из двух односложных основ: *Х а / х и / х и ъ / «вода»*; *м х // м а х*⁵ / «ветер» + *И // -и е* — суф. места, направления,

¹ Яковлев Н. Ф. Материалы для кабардинского словаря. Вып. I. М., 1927.

² Чокаев К. З. Язык и история вайханов. Грозный, 1977. (чеч. яз.).

³ Шамилев А. И. Религиозные верования чеченцев и ингушей. Грозный, 1963.

⁴ Чокаев К. З. Морфология чеченского языка. Ч. II. Грозный, 1968.

⁵ При этом мы исходим из положения об односложности слов в нахских языках в древнейшую эпоху.

геср. формант. напр. дадежа; ср. Ачалкхе/и/, Согапчие/и/, Алхастие/и/ — селение, АтагIне/и/. Допустимо, что первоначально в исходе термина был дифтонг [ие]. Переход дифтонга /ие/ в /и/ вполне допустим в речи носителей вайнахских языков, особенно, если учесть влияние русского языка, в котором отсутствует дифтонг /ие/ как фонема. По этой причине в речи местного русского населения вместо дифтонгического /ие/ в исходе вайнахских ойконимов, как правило, выступает монофтонг /и/: см. чеч. АтагIне (геср.), русск. Атаги, инг. Согапчие, русск. Сагопши, инг. Ачалкхие, русск. Ача-луки (ойконимы) и т. д. Допустимо также, что:

1. Суффикс **ие** выступал с самого начала в виде монофтонга /и/, тем более, что дифтонги позднее явление в нахских языках¹.

2. И еще. В кратком виде в исходе слова трудно различить /и/ и /ие/ для невооруженного уха.

Таким образом Хамхй состоит из следующих составных компонентов: **ха** (+**хи**, **хий**) «вода», «река», **мх** (← **мах**), ветер, **-й/-ие** детерм. При этом оба компонента подверглись фонетическим изменениям, что вполне допустимо и объяснимо: огласовка (**а**) вместо ожидаемого (**и**) в первом компоненте, возможно, результат регрессивной дистантной ассимиляции (**и**) последующему (**а**) второго компонента (**мах—мх**), которое выпал впоследствии или перешел в следующий слог. На вероятность такого изменения указывают варианты топонима — **Хамха** и **хамах**, бытующие в речи отдельных ингушей и поныне.

Это относительно лингвистического аспекта вопроса. С точки зрения социальной следует отметить следующее. Известно, что многие нахские этно-топонимы, как и в других иберийско-кавказских языках, в своей основе восходят к названиям древних языческих культов, тотемов и теонимам. См., например, такие топонимы, названия языческих и христианских храмов, святилищ, как **Ауш-сие-ла**, **Гальерд**, **Тумгой-ерд** (от культовых названий, божеств **Ауш**, **Гал**, **Тумга**). Отсюда же племенные названия ингушей: **Аушнакъян** (**Аушевы**), **Тумгойнакъян—Тумгоевы**, **Галайнакъян — Галаевы**, (инг. **накъян** (чеч. **некый**) — род, ответвление рода), ст. чеч. **Эрснуой//Эрсануой**, **Цюонтаруой** — тайповые названия от культовых названий **Эрд**, **цIу**, легших в основу соответственно селений **Эрдсана**, **Цюьнтара**, а отсюда перешедших в приведенные родоплеменные названия.

При языческих верованиях все явления природы общества и наиболее важные для жизни предметы были освящаемы и имели свое божество-патрона. Освящаемые были солнце, вода, ветер, небо и т. д., которые олицетворяли разные божества: **Ма** — бог солнца,

¹ Дешериев Ю. Д. Современный чеченский язык. Ч. I. Фонетика. Грозный, 1961.

Стела — бог неба, грозы и бури, **Элта** — бог животных¹. Ветер олицетворял — **меха нана** (мать ветра), воду — **хи нана** (мать воды) и т. д.

Сходные явления отмечены и у других народов — славян, осетин, тюрков и т. д.: Так у русских воду олицетворяли русалки, у осетин — **Донбеттар**, у тюрков — **суб-ана** (мать воды) и т. д.²

В интересующей нас лексеме наличны две основы, каждая из которых обозначает отдельное понятие **-ха(хи, хий)** «вода» и **мах//мха** — ветер, которые олицетворяли, как было сказано, соответственно божество воды — **хи нана** и божество ветра — **меха нана**. Подобный синтез слов-понятий породил и общее божество — **хи-меха нана**, «воды-ветра мать», что можно объяснить близостью данных явлений природы и их взаимообусловленностью, так как ветер пригоняет тучи, наполненные дождевой водой, ударяет молния и льет дождь. Нет ветра, нет туч, следовательно, нет и дождевой воды. Ветер выступает также сеятелем дождя. Причем вода в представлении нахских племен делилась на небесную, дождевую — **доьла хи** и земную — **Тлуб-хи**.

Обе воды освящались и считались целебными. Обычай поить водой больного, обмакнув в нее бумагу с письменами, существующий у мусульман, равно как и у других верующих, восходит к периоду, когда воде придавали чудодейственную силу. Отсюда вайнах. **молх(а)** (молу хи) «лекарство, которое этимологизируется как **молу-питьевая** и **хи** — вода «питьевая вода».

Отмеченная взаимосвязь ветра и воды отразилась в языке, когда слова «вода» и «ветер» встречаются в народных изречениях в сочетании; ср. чеч. **хих**, **мехах** ларло «остерегайся воды и ветра», **хи-механ ун** «болезнь воды и ветра». У русских говорят имея в виду болезнь: с воды приключилось, с ветра приключилось и т. д.

О тесной связи ветра и воды можно приводить много материала из мифологии разных народов. Отсюда естественно, что в нашем этнониме оба эти понятия отражены в синтезе, равно как и в мышлении народа, связанного (мышления) с языком. В синтезе отмечается, как сказано, также и названия божества ветра и воды, бытовавшие в образе женщины — **хи меха-нана** «воды-ветра мать», отсюда сокращенное, редко употребляемое — **хиемхиг** (чеч.) — старая тшедушная женщина, ср. русск. **кикимора**, **манья**, а также **яга**, выступающих в русских сказках повелительницей природных явлений — бури, ветра и воды и т. д.

Это архаичное слово состоит из тех же корней: **хи//хий** — вода и **мх** (← **мах**) ветер + суффикс с экспрессией уничижительности -иг. При этом опущено слово «**нана**». Семантика данного сложения такова: Та, что покровительствует воде и ветру, богиня воды и вет-

¹ Шамилев А. И. Указ. соч.

² Афанасьев А. Н. Древо жизни. «Современник». М., 1982.

ра. Ср. Дарзалг от дарза нана — мать бури, Тушуолиг от Тушуол котам «курица тушол», олицетворяющая плодородие, деторождение, весеннее возрождение природы, воду и ветер как атрибуты весны. Ср. также инг. муццолг от му/ ма/ма/ — бог солнца, цц — бог огня + -лг — суффикс уничижительности, чеч. ццуоьмалг той же структуры, только порядок расположения компонентов иной. Отсюда соответственно фамилии ингушей и чеченцев: Муццолговы и Ццуоьмалиговы, ср. также чеч. ойконим моццара (-ра — топоформант) — Галанчо́ж.

И имена муж. Моцца- и Ццома. Отсюда соответственно фамилии Мациевы и Цомаевы, ср. Хъаьжа́ела и Ёла́хъаь́жа (примеры перестановки компонентов). Требуется объяснения уничижительный оттенок значения приведенных теонимов, в частности хемхиг//хи́емхиг.

Дело в том, что в процессе исторического развития у человека меняется отношение к окружающему миру. С появлением христианства и мусульманства изменилось отношение к прежней идеологии, язычеству с его многобожием. Теперь уже человеку казались не столь страшными и безупречными те небесные силы и явления, перед которыми он некогда, будучи язычником, преклонялся.

Теперь ему уже кажутся ничтожными те божества, олицетворявшие природные явления, в том числе ветер и воду, и те обряды, которые посвящались этим божествам. Этим объясняется и превращение некоторых из этих обрядов в детские игры и шуточные пантомимы. Так возникли детские игры вайнахов «Туьша́х ловза́р» — игра в (божество) туш, «Гал гложмех ловза́р» — игра в палки божества Гал и т. д. «Такие превращения» отмечены у других народов, в частности у славян. Этим объясняется уничижительность семантики имен божеств, приведенных выше — хемхиг (хи́емхиг), тушуолиг, Снелинг и пр.

Препятствием для полной идентификации хамхй//хамха//хамах и страбоновского хамекиты служит (при объяснимости остальных расхождений) конечный звукоэлемент последнего. -Т.

Как было объяснено в прежнем нашем исследовании¹, этот элемент мог быть реликтом грузинского суф. места-ет (ср. Осетия, Ингушетия и др.), или же нахский топоформант со значением указания на поверхность — -тла/-та/-да.

Последняя версия тем более вероятна, что развалины села Хамха́//хамхй расположены на возвышенности над речкой Асса (инг. Iаьс), ср. чеч. ойконимы Гихтла, Глойтла и др.

Что же касается расхождения в фонетической структуре вайнахского хамхй//хамха́ и Страбоновского «хамекиты» — х/к, то близость артикуляции этих звуков допускает данное расхождение в их произношении, тем более, что Страбон и его информатор, видно,

¹ Чокоев К. З. Указ. соч.

были не совсем сведущими в вайнахских языках и их диалектах. Кроме того, надо учесть здесь также и временной разрыв (около 2 тыс. лет) между Страбоновским и современным вайнахским вариантами.

ПОНЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НАХСКИХ НАРОДОВ ПО ДАННЫМ ИХ ЯЗЫКОВ

Пространство и время известны в науке как объективно существующие философские категории. Но в нашей статье речь будет идти о пространстве и времени как об астрономо-географических понятиях, бытовавших в сознании человечества задолго до возникновения материалистической философии. Данные нахских языков свидетельствуют: 1) о тесной связи понятий пространства и времени между собой; 2) о том, что понятие пространства предшествовало понятию времени и что последнее производно от первого.

Такое явление находит свое объяснение в том, что пространство как понятие более конкретное было ощутимее для первобытного человека, чем понятие времени, обладающее известной абстракцией. Так, например, названия времен года и дней недели древнего календаря нахских народов восходят к названиям местностей.

Остановимся на анализе названий времен года.

Чеч. *блястие*, инг. *блясти* «весна». Данное название первоначально было названием места, освещаемого солнцем, что показывает его этимологический анализ: *бля* (← *ма//мла*) «солнце», «бог солнца», *м* ← *б*, ср. итумк., инг. *мие*, чеч. *бие* «только», итумк. *бунда*, чеч. *мунда* «чучело» и т. д.¹ *с* — реликт. *са* «земля»², *тие//ти* / архетип *тйе//тйе* / *т* → *тй*³ — послелог со значением «на поверхность», «на». Следовательно, *блясти* — это первоначально «место на солнечной земле».

Одна из горных вершин общества Малхиста называется *Блясти-лам*, а жителей этих мест — *блястуй* (-уй — словообразовательный суффикс лица мн. числа, -й — формант мн. ч.). Название травы *бляста//блоста*, которая растет в этих местах, также связано с данным словом — топонимом. С данным словом связаны также топонимы — названия горных обществ Чечни — *Малста*, *Маялхаста* (*м* ⇌ *б*), которые также восходят в основе своей к *ма//ба* «Солнце», «бог солнца», отзвук которого мы находим в языках народов Древней Передней Азии, в частности Урарту⁴. Возле

¹ Чокаев К. З. Образ Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей. Известия ЧИННИИЯЛ. Т. 6. Литературоведение. Грозный, 1972.

² Чокаев К. З. Географические названия Чечено-Ингушетии.

³ Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и развития горских народов Кавказа. Грозный, 1966.

⁴ Чокаев К. З. Образ Прометея в фольклоре... Указ. соч.

с. Шаро-Аргун есть местность «**Блаьста ирзов**» «солнца поляна». Местность эта целый день освещена солнцем. Отсюда данное название.

Условия жизни нахских племен в древности были таковы, что в зависимости от времен года менялись места их стоянок. Зиму они проводили в пещерах — **хьагI** (инг.), **хьих** (чеч.). Отсюда **Ia** «зима» восходит к форме /**хьаг** /**хьих**/, **I** ⇌ **хь**; **-гI** / **-х** — детерминанты с локативным значением.

Примечательно, что слово **Ia** имеет значение «пребывать на одном месте» — ср. **IаддаIa** — «находиться в состоянии покоя, не рыпаться». Все это безусловно имеет связь также с зимней стоянкой, когда люди пребывали в древности на одном месте в относительно бездействии, т. е. без полевых работ.

Термин **Ia** мы усматриваем также в номенклатурных топонимических названиях **Iи** — пропасть, **Iaьлара** (название села /Восточная Чечня), **Iaьнда** (Анды) — /-да — послелог «на»/ — Авария, а также в словах **Iиелла** / **Iийла** / **-ла** — детерминант («место зимней стоянки», «потусторонний мир») и т. д.

Весной же нахи выходили из пещер и поселялись на склоне горы, освещенном весенним солнцем — **Блаьсти** /**Бла** / **мIa** / **ма** «солнце». Летом, когда на солнечном склоне горы становилось знойно, нахи спускались вниз в ахк «ущелье», «пропасть», где было прохладно и много воды как сточной, так и родниковой. Отсюда чеч. **аьхкие**, инг. **эхки** «лето» / **-ие**, **-и** — детерминанты с направительно-местным значением¹. Так, **аьхкие** / **эхки** «лето» производно посредством **-ие** / **-и**; **ахк** «пропасть», «ущелье». До сих пор в топонимии Чечено-Ингушетии встречаются названия, восходящие в своей основе к **ахк**. Таковы **Ахкашка** — местность (горная Чечня); **-аш**, — формант мн. ч., **-ка** — суффикс места. **Оахкарие** (**-р** — суффикс с исходящим значением, **«ие»** — суффикс с направительным значением)². Эту же основу А. Генко видел также в древнем названии реки **Терек** — **Ломек** (← **ломэхк**), **лом** — гора, **-ек** (← **эхк**) «речка», «пропасть»³.

Осень (чеч. **гуьйрие**, инг. **гуйрие**) в представлении нахских племен — пора, когда после весенних и летних работ и забот, можно в свое удовольствие наслаждаться, отдыхать; пора, когда все в изобилии (продукты питания, корм для скота и т. д.).

В древности это представление было весьма примитивным и конкретным. И в эту пору нахи переходили на новое место жительства, а именно туда, куда заблаговременно свозилось все, что добывалось в течение весны и лета, главным образом, продукты питания: дикорастущие фрукты, съедобные растения, пчелиный мед

¹ См. Чокаев К. З. Географические названия...

² См. Чокаев К. З. Географические названия...

³ Генко А. Из культурного прошлого ингушей. Записки общества востоковедов. Т. V. Владикавказ, 1931.

и т. д. Такое место называлось **гуй** — кормушка (в настоящее время значение слова несколько изменилось — **гуй** — кормушка для собаки). Производным от этого слова посредством суффикса одного из местных падежей **-р/-ие/** представляется **гуйрие** — «осень». Возможно, что с данным словом связаны также формы чеч. **гай**, инг. **гийг** «живот», «брюхо». Слово это должно было оставить след в топонимии. В обществе Тьерлой (горная Чечня) нами обнаружена местность, где до 1944 года было село **Гуйра**. Таким образом, в зависимости от времен года менялись места стоянок первобытных нахских племен. В основе названий этих мест лежат разные понятия и представления, необходимые для жизни первобытного человека: **бла-** (← **mla//ма-** — «солнце», «бог солнца»), **ахк** — «пропасть», «ущелье», **гуй//гий** — кормушка, **хьнегI/геср.**, **Ia** — «пещера»), **I→хь+хI/гI** — детерминант. Впоследствии в результате дальнейшего развития языкового сознания эти названия наполнились новым содержанием — значением времени.

По такому же принципу возникли в нахских языках и названия дней недели (по языческому календарю).

До нас дошло название 10 дней древнего языческого календаря нахов. Из них два названия дней, обозначающих вчера и позавчера и восемь названий дней вперед от сегодня. Эти названия также производны исторически от названий мест, где нахи-язычники совершали языческие обряды, посвященные тому или иному языческому божеству или тотему. Следовательно, в основе названий этих местностей в свою очередь также лежат имена языческих божеств, в честь которых совершались названные обряды.

Перечислим названия дней недели разных нахских языков и диалектов¹.

чеч.	инг.	бацб.	акк.	кист.	русс.
тахана	тахан	тха	таха	дахан	«сегодня»
кхана	кхоана	кха	кхана	кхана	«завтра»
лама	ломма	ломо	лома	лама	«послезавтра»
улла	цIулла	улло	нлла	улла	«на 3-й день вперед»
цIака	цIумоака	цIало	цIакка	цIака	«на 4-й день вперед»
цIаста	цIулцIумоака	цIало	цIука	—	«на 5-й день вперед»
цIулла	—	—	—	—	«на 6-й день вперед»
цIумока	—	кIало	—	—	«на 7-й день вперед»
селхана	селхан	—	—	—	«вчера»
етомара	самар (дийнахъ)	—	—	—	«позавчера»

¹ При этом мы использовали материалы из статьи И. Ю. Алироева «Этимологические заметки по верованиям чеченцев и ингушей». Археолого-этнографический сборник ЧИННИИЯЛ. Т. III. Грозный, 1968.

Таким образом, названия дней языческого календаря нахов связаны с языческими божествами: сколько было божеств, в честь которых совершались обряды, столько было и дней, названия которых восходили в конечном счете к названиям указанных божеств. Порядок расположения названий дней недели соответствовал порядку совершения обряда по отношению к тому или иному божеству. Например, сегодня совершается обряд в честь божества **тха**, отсюда и название сегодняшнего дня, чеч. **тахана**, инг. **тахан**, бацб. **тха**; завтра совершается обряд в честь бога **кха**, отсюда и название завтрашнего дня: чеч. **кхана**, инг. **кхоана**, бацб. **кха** и т. д.

Таким образом, каждое божество имело свой день, в который его почитали и в честь которого совершались обряды.

В то же время для каждого бога имелось определенное место, где в честь его совершались обряды. Что названия дней были названиями местностей, где проводились обряды в честь того или иного языческого божества, говорит также современная топонимия горной Чечено-Ингушетии, где встречается множество топонимов, в основе которых лежат названия языческих культов, в честь которых были воздвигнуты топонимические объекты. Таковы храмы: **Селинг**, **Ауш-Села**, **Тхаба-Ерды**, **Ца-мат** (Ингушетия) и др. **Цлу**, **тха**, **сел** — названия божеств.

О том же говорит также структура названия дней: название божества + детерминант с местным значением **-ка**, **-та**, **-ра**, **-ла**, **-на**.

Этимологический анализ интересующих нас названий выявляет следующие названия божеств языческого пантеона нахских племен, которые легли в основу названия дней недели: чеч., инг. **тахан**, бацб. **тха** «сегодня», **тха** (ср. каб. **тха**) — «бог грома молнии», **-н** — формант с местным значением; чеч. **кхана**, инг. **кхоана**, бацб. **кха** «завтра»; **кха** — бог плодородия» (ср. **кха** — «пашня», бацб. **кха** — «свинья», **на** — детерминант с местным значением)¹; чеч. **лама**, инг. **ломла**, бацб. **лом** «послезавтра». Надо думать, что в основе названия лежит название бога гор «лам» (чеч., инг., бацб. **лам** — «гора»); чеч. **ула**, бацб. **улло**, инг. **цлулла** — «на третий день вперед» (ср. божество **Ила**, **цлу**; ср. **Ила а**, **била а**).

В основе чеченского и бацбийского названия лежит название божества **ула** (ср. акк. **илла**, осет. эли, русск. **Илья**) — бог грома и молнии; в основе ингушского **цлулла** лежит название другого божества нахского языческого пантеона **цлу** — «бог огня и очага», **-л** — детерминант (resp. формант напр. пад.); чеч. **цлака**, инг. **цлу-моака**, бацб. **цлало** «на 4-й день вперед». Здесь также **цлу//цла** —

¹ Чокаев К. З. Образ Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей, (сравнение чеч., инг. **хьакха** — «свинья» и **кха** — пашня и бацб. **кха** — свинья не случайно, если учесть, что нахи в древности в качестве орудия для вспашки использовали предмет, напоминающий по своей форме свиное рыло. Такие предметы для пахоты использовали также древние германцы (ср. рус. **соха** — от **соха** — «оленьи рога»). См. И. Ю. Алироев. Чечено-Ингушская лексика.

название бога огня и очага», -ка — формант с местным значением.

То же название лежит в основе дней чеч. **цласта**, инг. **цлуццү-моака**, бацб. **цлало** — на 5-й день вперед, (-моака, -ло, -аста — детерминанты); чеч. **цлула** «на 6-й день вперед»; (-ла — детерминант); чеч. **цлumoака** «на 7-й день вперед» (-мока — детерминант с местным значением (ср. бацб. мака «на», «над») + цлу).

В основе чеч. селхана, инг. селхан «вчера» лежит имя бога грома и молнии **сел/ха** — время (-н — детерминант). В переводе на русский язык селхана — это «время **Селы/ха**» «время», **Сел** — «бог»/; чеч. **стомара**, инг. **самара** «позавчера», видимо, связаны с именем бога солнца -ма, -са- (**сто-** — «земля», -ра — детерминант с исходным значением).

Как видно, данные названия в настоящее время функционируют как названия астрономических дней, а в функции названий календарных дней выступают иные слова, которые нах частично заимствовали из грузинского или через грузинский язык в связи с принятием христианства, а частично произведены от нахских основ числительных. Таковы дни недели христианского календаря: чеч. оршуот (груз. оршобати) — понедельник; **клирандие** (груз. **кIвири**) — воскресенье; **пIераска** (груз. пIераскави) — пятница; **шуот** (груз. шабатIи) — суббота. Слово **кIира** «неделя» также заимствовано из грузинского (груз. **кIвири**).

Остальные дни недели получили нахские названия, но поскольку в их основе наличествуют не названия языческих божеств, а числа, то они, видимо, возникли в период господства христианства. Вот эти названия: **шинара** (бацб. **шина** — «вторник» от **ши** «два», -на, -ра — детерминант); **кхара** (бацб. **кхо**) от **кха//кхуо** «три», -ра — детерминант, **йнеара** (бацб. **йивI**) «четверг» от **йиь** «четыре», -ра — детерминант; ср. также бацб. **цхъана** «понедельник» (чеч., инг. оршот, груз. оршобати) от **цхъа** «один», -на — детерминант. Примечательно при этом, что если христианская неделя состояла из 7 дней, то неделя языческого календаря нахов состояла из большего числа дней. Нам удалось обнаружить 10 дней. В прошлом, возможно, их было больше, о чем свидетельствует также тот факт, что 10 названий обнаруживается не во всех нахских языках. При этом примечательно, что названия дней охватывают и прошедшие дни, а именно вчера и позавчера — селхана «вчера», стомара «позавчера».

Из остальных названий времен с пространством связаны следующие: чеч. **Iуьйрие**, инг. **Iийра** «утро» (от **Ia// Iуьй//Iий** «находиться в пещере», -р/ие// -ра — детерминант), гесп. формант исходного падежа; чеч. **Iуьйкъа(хан)**, инг. **ийкъа(хан)** «время перед рассветом» («середина нахождения») от **Iий** / ← **Ia** — (находиться в пещере в бездействии); см. выше; **къа** / ← **йукъ** / «середина» (ср. чеч., инг. **Делкъа(хан)** «середина дня», ср. чеч. **цIиенкъа**, инг.

цинйук, «середина дома» (чеч. къа/ — инг. йукъ) «середина» и т. д.; чеч. **суьйрие**, инг. **сайра** «вечер» от **са** «земля», **-рие** // **-ра** — детерминант, формант исходного падежа (букв. «с земли»; чеч. **пхъуьйра** (хан), инг. **пхьер** (ха) «время, когда наступает ночь» т. е. **пхьор** (уу хан (от **пхъуь**//**пхьие**) «—**пхъа**//**пхье**) «поселение», «место поселения» и **пхьор** (ужин), **-ра(а)** — формант исх. падежа; чеч. **малх**.

Глушлакхе болу хан «время, когда солнце поднимается выше листьев» (**малх** — солнце, **глуш** / — **глаш** «листья», **лакхе** «выше, вышина», **болу** «выходящий», **хан** — «время» («солнце выше листьев поднимающееся время»). Так в нахских языках понятия времен года, дней недели и суток проявляют связь с понятиями пространства, которые, в свою очередь, восходят к культовым и другим понятиям: понятиям огня (**цлу/цла**), грома и молнии (**Ила**, **Села**, **Тха**), плодородия (**кха**), солнца (**бла** ← **мла** ← **ма**), а также понятиям, связанным с явлениями природы, животным миром (чеч. **чилла** «холодный период морозов зимы», инг. барзалазала, чеч. бардаллаъза «время устойчивых морозов зимы»), с практической деятельностью нахов (инг. **ардари-бут** — «месяц молотьбы (октябрь) и т. д.

Отдельные названия времен не поддаются этимологическому объяснению в виду затемнения их семантики. Ниже приводим список названий — понятий времен с некоторыми пояснениями их этимологий.

Названия года

чеч.	инг.	русс.
блæуо	блæшу	«век»
шуо	шу	«год»
дахæа шуо	дахашу	«прошлый год»
стохæ	соахка	«прошлый год»
кхушра	укхашара	«этот год»
лурчæ	лурчæх	«позапрошлый год»
йухшара	тæндæогагъшара	«в следующем году»
уиншарахъ	куклий зама	«давно прошедший год»
		инг. «время» (чеч. «год эпидемии»).

Название времен года

чеч.	инг.	русс.
ла	ла	«зима»
блæстие	блæсти	«весна»
æхкне	эхки	«лето»
гуьйре	гийр	«осень»

Зима делится на следующие периоды:

чеч.	инг.	
чилла бардаллаъза	чилла бердаллазал	«самое холодное время зимы» «время самых могучих морозов, последние дни зимы» (связано с названием волка — бурз).
чигеГардиг луо		«начало весны» («ласточкин снег»)

Весна и лето делятся на следующие периоды:

чеч.	инг.	русс.
охан хан асар хан мангал хан	оахам ха оасарха мангалха	«время пахоты» «время прополки» «время покосов» («время косы»).
кламаърса хан	кламаърсах	«время жатвы» («время пшеницы и серпа»).

В вайнахских языках встречаются названия 12 месяцев года. За неимением данных чеченского языка ограничимся примерами из ингушского языка. Встречаются три варианта названий месяцев.

Первый вариант

1. Агой-бутт	— январь (Агой — птица, бутт — месяц)
2. Аккхи-бутт	— февраль (аккхи — чеченское племя)
3. ГлалГай мар- ха-бут	— март (глалГай — ингуши, маҭха)
4. Тушоли-бутт	— апрель (тушоли — удод, осязаем ингушами и чеченцами)
5. Биекарга-бутт	— май (биекарг — кукушка)
6. Эттинга-бутт	— июнь
7. Миа-бутт	— июль
8. Сели-бутт	— август (Села — бог грома и молнии)
9. Миха-бутт	— сентябрь (миха — ветер)
10. Ори-бутт	— октябрь (ори — молоть)
11. Чилла-бутт	— ноябрь (чилла — название птицы)
12. Ножай-Бутт	— декабрь

(Ингушский календарь с 1881 года, сост. Албаст Тутаев)

По другому варианту месяцы имеют следующие названия:

1. Наджиганцхой-бутт	— январь
2. Мархи-бутт	— февраль («месяц поста»)
3. Бекрик-бутт	— март («кукушкин месяц»)

4. Тушоли-бутт	— апрель («месяц удода»)
5. Сели-бутт	— май («месяц бога грома и молнии Сели»)
6. Мангал-бутт	— июнь («косы месяц»)
7. Мятцели-бутт	— июль («месяц бога Мятцели»)
8. Мяцхали-Бутт	— август («месяц бога Мяцхали»)
9. Гау-бутт	— сентябрь («месяц отавы, вторичной травы для покоса»)
10. Ардари-бутт	— октябрь («молотбы месяц»)
11. Орхи-бутт	— ноябрь («в этот месяц баран пускают к овцам»)
12. Огой-бутт	— декабрь (в этот месяц режут овец на зиму, проводится праздник огой)

Третий вариант названий месяцев вайнахского календаря

1. Наж-гоам (лу)	— январь
2. Саь-кур-бутт	— февраль (саь — олень, кур — рога — оленьих рогов месяц)
3. Тушоли-бутт	— март (тушоли — удод)
4. Мутхьал-бутт	— апрель (мут — сок)
5. Бекарг-бутт	— май (месяц кукушку)
6. Завзор-бутт	— июнь (чеч. завзар — соловей)
7. Кхончио-бутт	— июль (кха — пашня, чил чи — медведь)
8. КӀи-марс-бутт	— август (пшеницы, серпа месяц, ср. чеч. кӀамаьрсахан — время жатвы)
9. Гиз-гир-бутт	— сентябрь (гизгир — паук)
10. Мизар-бутт	— октябрь (Мизар — бог)
11. Лайчил-бутт	— ноябрь (лай — снег, чил от чи — медведь)
12. Гоанцой-бутт	— декабрь ¹

Следует отметить, что в чеченском языке древние названия месяцев позабыты в связи с принятием ислама. Ввиду чего месяцы получили мусульманские названия:

ГӀурбан бутт	— месяц Курбана
Мархин бутт	— месяц мусульманского поста уразы (араб. рамазан)
Мовладан бутт	— месяц мовлида и т. д.

Однако и в чеченском пережиточно сохраняются некоторые названия месяцев древнего календаря. Таковы: *ly tleklel vaylla butt* — месяц, когда перевернулся чабан, *kla-maьrsa butt* — ме-

¹ Названия эти записал Ахмет Мальсагов.

сяц жатвы, чилланан бутт — последний месяц зимы, когда стоят сильные морозы и т. д.

Встречаются еще такие названия, как Iаьнан юккьнера бутт — середины зимы месяц; Iаьнан тIаьхьара бутт — конца зимы месяц; Iаьнан юххьнера бутт — зимы начало месяц; аьхкиенан юккьера бутт — лета середины месяц; гуьйренан тIаьхьара бутт — осени последний месяц и т. д.

В прошлом нахи не знали деления суток на часы, минуты и секунды. Этим объясняется тот факт, что слова, обозначающие данные понятия, в чеченском и ингушском заимствованы. Таковы чеч., инг. **сахьт** — «час», «часы», **минуот** (ср. русск. «минута»), **сикунт** (ср. русск. «секунда»).

Как показывает приведенный материал, вопрос о названиях, обозначающих времена, в нахских языках весьма интересный с точки зрения развития мышления народа. Дальнейшее изучение этого вопроса в сравнительном плане с родственными языками иберийско-кавказской семьи призвано обогатить кавказоведение ценными данными.

ТОТЕМИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В НАХСКИХ И ДРУГИХ ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

На начальной стадии своего развития человек ощущал свою связь с окружающей его природой, рассматривал себя как неотъемлемую часть животного мира. А впоследствии род и племя почитали отдельных животных как тотемов и божеств и назывались по их имени¹. «Племенное название, — писал академик Н. Я. Марр, — как известно, одновременно и название божества, вначале тотема»². А понятие «человек» связывалось с именем рода, племени, являлся производным от последнего. «По палентологии речи, — писал Марр далее, — в части семантики «человек» на всех языках — это племенное название»³. Таким образом, слово «человек» в представлении первобытного человека обозначало лишь человека — члена одного конкретного рода или племени и было однокоренным со словом, обозначающим тотемного животного или божества данного племенного образования, которое также носило имя своего тотема, превратившегося впоследствии в божество.

В настоящее время в значении «человек» в нахских языках бытует слово «адам» (в чеченском и ингушском). Оно заимствовано

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1934; Л. Морган. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Изд. 2, Л., 1935.

² Марр Н. Я. Сухум и Туапсе. Избранные работы. Т. 5. Л., 1934. С. 160.

³ Марр Н. Я. Русское слово «человек», абхазское аогое. Избранные работы. Т. 5. Ленинград, 1934. С. 187.

в эти языки сравнительно недавно и употребляется в значении человека вообще. Однако наряду с ним наличествует другое более древнее слово: чеч. **стаг//саг** (ачх-март. **саг**, надтер. **саг**, инг. **саг**, бацб. **стаг**!), употребляемое в значении человека только нахского этноса. Кроме того, слово это в настоящее время имеет значение главным образом «человек-мужчина», но может относиться и к женскому полу. О чем свидетельствуют композиты и словосочетания: чеч. **йолстаг** «девушка-человек»; **йоккхастаг** «старуха»; **Дика стаг ю Малика**. «Хороший человек Малика». В ингушском оно употребляется в значении женщины чаще, чем в чеченском: инг. **сесаг** (инг. **се**, чеч. **стие**, кист. **сева** — «самка», **саг** — «мужчина», «самка-человек»); замужняя женщина ср. инг. **саг йолаяь** «жену человека «привел» т. е. женился на человеке; ср. чеч. **зуда ялийна**. Женщину привел (женился на женщине). Таким образом, в чеченском слово это употребляется в значении «мужчина» чаще, чем в ингушском, где оно функционирует в основном в значении «человек» вообще.

Как бы то ни было, как у чеченцев, так и у ингушей считается оскорблением сказать: **Хьюо стаг//саг вац** «Ты не мужчина». Причем имеется в виду «мужчина» нахского этноса, а не вообще. Однако в прошлом, как видно из приведенного материала, слово это обозначало как мужчин, так и женщин в одинаковой степени. Расщепление его на два значения — результат дальнейшего развития общественного уклада вайнахов, особенно чеченцев. Примечательно, что слово это не имеет формальных признаков множественности, т. е. не изменяется по числам при помощи обычных ныне действующих формантов множественности — **-ш//-ий** и т. д.; в значении собирательной множественности употребляется другое слово — **нах**¹ «люди», которое стало впоследствии общим объединяющим нарицательным названием всех нахских племен и является корнесловом самоназвания чеченцев **нохчи** ← **нахчи** ← **нахча**². Соотнесенная с данным словом форма единственного числа — **мар** (чеч., инг.) «муж», «самец», **маласаг** «самец-мужчина» от **ма** «бог солнца», «солнце». Таким образом **нах**, **мар**, **мала** от одного общего корня, если учесть **м** ↔ **н** (ср. чеч. **нуош**, инг. **муош** «недозревший», чеч. **нар-туол**, инг. **моартуол** «свод башни») и т. д.

Первоначально **нахчи//нахча** — племенное название (так называли чеченцев только Ичкерии), которое впоследствии стало общим названием всех чеченских (без ингушей) племен. Термин **нах** «люди» и поныне покрывает все нахские племена (чеченцев, ингушей и бацбийцев).

¹ Чокаев К. З. К вопросу о древнейших названиях нахских племен, где дана этимология этого термина (в печати). С. 5.

² См. Чокаев К. З. Словообразование имен существительных в чеченском языке с привлечением материалов из бацбийского и ингушского языков. Известия ЧИННИИЯЛЭ. Т. IV, вып. II, Грозный, 1962. С. 15.

Данный факт говорит, по нашему мнению, о том, что слова **нах**, **мар**, с одной стороны, и **саг//стаг** с другой, происходят из разных источников.

Если **нах**, **мар** в основе своей этимологизируются из нахских языков, как название солнца, бывшего тотемом, то **саг**, по нашему мнению, восходит к скифо-алано-осетинскому **саг** «олень»¹ (чеч., инг. **сай**), который также являлся тотемным животным не только у ираноязычных скифов, аланов, осетин, но и у других народов². «Олень, — писал Н. Я. Марр, — это на ранней ступени скифской культуры животное для передвижения. Он был культом, потом таковой стала лошадь»³.

Именно по названию своего тотема называлось одно из скифских племен — **саки**, что было также самоназванием скифов⁴. Следовательно, как указывалось выше, человек этого племени должен был называться по имени своего племени, тотема — **сак//саг/к~г**), которое впоследствии было заимствовано и в нахские и другие горские языки Кавказа, носители которых общались в течение веков с пришлыми ираноязычными скифами и их потомками — сарматами, аланами и осетинами⁵. Надо думать, **саг//сак** — это заимствование, восходящее к скифскому периоду пребывания ираноязычных народов на Северном Кавказе, которое в осетинском сохранилось в значении «олень», а в нахском и в значении **олень** (чеч., инг. **сай**, бацб. **саг**, г→й), и в значении человек (чеч. **саг//стаг**, инг. **саг**, бацб. **стак**)⁶. В прошлом в вайнахских языках слово это в значении «человек» употреблялось также и в виде **сай**, о чем свидетельствует топоним **Сай вийна дукъ** (Чечня) «человек убитый гребень». Что **сай** здесь выступает в значении «человек» говорит показатель грамматического класса мужчин **в** в зачине глагола «**вийна**» «убил». Иначе было бы **Сай бийна дукъ** (**б**) (**бийна**, **вийна**, **ийна**, **дийна**). Возможно, **сай** здесь выступает как собственное имя потерпевшего. Тем более, что в значении собственного имени выступает и слово **саг** (см. ниже).

К последующему периоду относится осетинское **лаг** «человек», которое заимствовано⁷ в горские иберийско-кавказские языки в значении «раб», «крестьянин», «мужчина»; ср. чеч., инг. **лай**, авар.

¹ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Л., 1949. С. 101.

² См. Морган Л. Древнее общество... С. 71.

³ Марр Н. Я. Скифский язык. Избр. работы. Т. 5. Л., 1934, с. 105.

⁴ Абаев В. И. Указ. соч.

⁵ См. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

⁶ Появление т, т1 в данном слове в чеченском плоскостном и бацбийском произошло позже; см. чеч. стим, стигал и прочие. Исходными являются образцы на с.

⁷ Имеется в литературе мнение о принадлежности «лаг» к иберийско-кавказским языком, что не бесспорно.

лагI, «раб», абаз. лаг «мужчина», абх. алаглаж «старик», алаг «мужчина», лезг., дарг. лаг «раб» и т. д.

Как видно, и здесь, как и в вышеприведенных примерах, осетинскому заднеязычному г /лаг/ в исходе слова закономерно корреспондируют звуки: й (чеч., инг.), кI (лезг.), гI (авар.) и т. д. В даргинском и абазинском г остается без изменения. Имеются изменения также по линии гласных, см. лезг. лукI (а→у) и др.

Можно привести еще примеры, которые демонстрируют подобные корреспонденции (й ← г) при заимствовании между вайнахскими и осетино-аланскими языками, например: осет. загал, инг. загал, но: чеч. зайла «сковорода», осет. тагар. чеч. стайра «кизил»¹ и др.

Таким образом, если скифо-алано-осетинские сак//саг//сай «олень-человек», в нахских языках функционируют в том же значении «человек», «олень», то осетинское лаг «человек» (мужчина) в них, как и в большинстве других родственных горских кавказских языках, воспринято как «раб», «крестьянин», «человек низшего сословия», что, по мнению профессора Н. Ф. Яковлева, объясняется тем, что горцы Кавказа добывали рабов из среды пришлых ираноязычных алано-осетин². И действительно, история свидетельствует, что рабы у горцев Кавказа, в том числе у чеченцев и ингушей, были в основном привозные³. До сих пор слово лай у чеченцев и ингушей употребляется в отношении пришлых, поселившихся в данном обществе позже остальных и бывших от первопоселенцев в экономически или политически зависимом положении.

Весьма интересным является также вопрос о том, как одно слово, обозначающее оленя-человека в алано-скифском — саг//сак, в нахских и некоторых других родственных языках не подверглось изменению в семантике, а другое, заимствованное из родственного алано-скифской группе осетинского языка оказалось на иберийско-кавказской почве измененным — лаг «человек», чеч., инг. лай — «раб», абаз. алаг — «крестьянин» и т. д. По нашему мнению, такое явление связано с социальным неравенством (в языковом сознании аборигенов) ираноязычных пришельцев скифов, аланов, осетин: форма саг «человек» в кавказскую среду проникло из привилегированной племенной среды степняков, тогда как лаг//лай, видимо, попало к аборигенам из зависимой социальной среды ираноязычных пришельцев.

Примечательно также то, что в вайнахских языках сай — это

¹ Абаев В. И. Осетино-вайнахские лексические параллели. // Известия ЧИННИИЯЛЭ. Т. I. Вып. 2. Грозный, 1959. С. 105.

² Яковлев Н. Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927. С. 9. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. Грозный, 1968.

³ Умаров С. Т. Памятники башенной архитектуры горной Чечни как источники освещения социально-экономических отношений. Альманах «Орга» № 1, Грозный, 1968 (на чеченском языке).

только олень-самец, а самка обозначается другим словом — **гIала**, точно также, как указывалось выше, слово **саг** употребляется в настоящее время в основном в значении «мужчина» (женщина в чеченском — **зуда**, в ингушском **кхалсаг**)¹ (незамужняя) и **снасаг** (замужняя). Такое явление, на наш взгляд, символизирует господствующее положение мужчины в нахском обществе в момент, когда слово **саг**//**сай** получило в нем свое распространение.

Лама нах бухдуйлу шал шийла шовданах
Шен бекъачу кийранна Іаббалац ца молуш,
Варша йнсте ва йолу маргіала сийна буц
Шен оьздачу зоврханна буззалац ца юуш,

Из горы выходящие холоднее льда источников
Для своего сухого нутра вдоволь не напиваясь,
Возле растущей молодой зеленой травки
Для своей благородной туши досыта не наедаясь,

Таким образом, мы связываем не только слово *саг/сай* «олень-человек» со скифо-сармато-аланской средой, но и культ оленя также склонны рассматривать как результат влияния последних на нахские и другие аборигенные народы Кавказа.

¹ Возможно, это слово состоит из двух компонентов груз. **мәли** «женщина» и **саг** «человек», точно так же **сиесаг** из **сие** — «самка» **саг** — «человек», «самец». Такая структура данных слов говорит также о социальном неравенстве замужних и незамужних женщин у нахов. Возможно, что отклик того времени, когда замуж брали женщин из соседнего общества.

3 гела (— гІала) олень — самка.

Другое дело, что культ оленя у местных племен мог быть менее распространен, чем у степняков. В результате чего исконное слово, обозначающее оленя, оказалось вытесненным соответствующим скифо-аланским. Некоторым основанием для такого вывода мы считаем и тот факт, что фигурки оленей в большой степени археологи находят как раз в тех местах, которые входили в сферу распространения скифо-сармато-аланской культурной среды. Это степная и предгорная полоса Северного Кавказа, горная полоса к западу от реки Аргун¹. Именно здесь локализуется топоним Сема¹ашка, который этимологизируется как место оленьих рогов².

Симптоматично, что в языках Дагестана почти отсутствует слово **саг//сай** «олень-человек», тогда как на западе — в адыгейских языках оно встречается; таковы: кабард. **шыхъ**, адыг. **шыхъэ**, абаз. **шварах**, «олень», которые, по мнению Б. Х. Балкарова, являются однокоренными с осетино-вайнахским **саг//сай** «олень», хотя в адыгских понятие «человек» не связано с последним³. Данная основа, видимо, повторяется также в кабардинском **шыхъу** «конь», абх. **атшы** «лошадь» (ср. **ача** «олень»). В нахской среде этот этноним встречается также как имя мужчины — **саг**, отсюда фамилия — **Сагаев** (чеч.) и **Сагов** (инг.). В науке имеются сведения о проникновении этнонима **сак** в языки других систем. Таковы **сах** (самоназвание якутов), **сакар** (подразделение туркменов), **се**, **сай**, **сагай**, **саяк** (подразделение алтайских и других тюрков); **со** — название прародины тюрков; **секлеры** — название этнографической группы венгров⁴.

В наибольшем распространении у аборигенов Кавказа, в том числе у нахов, был культ медведя, который по времени предшествовал культу оленя.

Надо думать, что если олень, как было указано выше, олицетворял патриархальный социальный уклад, где ведущую роль в хозяйстве играл мужчина, то культ медведя символизировал предшествующий этап развития общества, олицетворял господствующее положение женщины в обществе. О чем свидетельствует также языковой и фольклорный материал нахских и других народов Кавказа. Так, например, если, как было указано выше, **сай//саг//сак//лаг** «олень-человек» обозначает в основном человека-мужчину, то **ча** «медведь», по поверью народа, олицетворяет жен-

¹ Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1966 и др.

² См. Чокаев К. З. Суффиксальное образование топонимических названий в вайнахских языках (Изв. ЧИНИИЯЛ секция этнографии и археологии). Т. I, Грозный, 1964. С. 110.

³ Балкаров Б. Х. Адыго-вайнахские языковые встречи. // Изв. ЧИНИИЯЛЭ. Т. 8. Вып. 2, Грозный, 1966. С. 59.

⁴ Еремеев Д. Е. К семантике тюркской этнонимии. Сборник статей. Этнонимы. М., 1970. С. 140.

щину¹. Приведем фольклорный материал нахов, характеризующий медведя как культ женского пола. Чеч. **тiнeрa цiуoкa яьккхиннa чa чloгlа зудчaх тeрa ю.**

Инг. **тiнeрa цiуoкa яьккхa чa чloгlа кхалсагах тaрa йa.** Шкуру снятый медведь сильно на женщину похож.

Чеч. **Чa кьaнъeллaчу зудчaх хиллa ю.**

Инг. **Чa кьaеннaчa кхалсагах хиннaй.** Медведь от состарившейся женщины произошел.

Чеч. **Чa адамaх хиллa ю.**

Инг. **Чa адамaх хиннaй.** Медведь от человека произошел.

Эти поверья основаны на внешнем сходстве медведя с человеком, особенно с женщиной, а также на сходных повадках медведя — хождение на двух задних лапах, использование передних лап в качестве рук — умение хватать и швырять предметы и т. п.

Подобные факты встречаются и в фольклоре других народов Кавказа. Кроме того, чеченцы и ингуши, как и другие народы, передают многочисленные случаи «человеческих» поступков медведя — случаи похищения и выкармливания детей, проявление заботы о людях и жалости к слабым и т. д.

О том, что медведь был тотемом, свидетельствуют также следующие факты.

В нахской среде отмечено собственное имя женщины — **ча** «медведь» и сложное мужское имя, состоящее в первой части из **ча** «медведь» — **Чабурз** (буорз «волк») «медведь-волк».

Детеныша зверей и животных в вайнахских языках обозначают словами чеч. **кiезa**, инг. **кiаzа** «щенок» и чеч. **кiуорни**, инг. **кiуориг** «детеныш»; см. **берзa кiезa//кiаzа** «волка щенок», **луoьмaн кiуорни//кiуориг** «льва детеныш».

Для детенышей медведя имеется исключение: они в вайнахских языках обозначаются: чеч. **тaл**, инг. **тониг**, которые являются однокоренными с чеч. **йoл** (инг. **йиlиг**) «дочь», **воl** (инг. так же) «сын». При этом в науке доказано, что **т-**, **й-**, **в-**, классные экспоненты², **-г**, **ниг** (инг.) — суффиксы с экспрессией уменьшительности и ласкательности; **oл//aл//o** — корень. Таким образом, понятие «медвежонок» в вайнахских языках обозначается тем же словом, что и

¹ При этом следует отметить, что в значении человек «**чи**» употребляется в близкородственном аварском, тогда как в нахских оно бытует лишь в значении медведь — **ча**. О бытовании этого слова в прошлом в значении человека в нахском не вызывает сомнения, что будет видно из нижеизлагаемого. Надо полагать, что **ча** в значении человек было вытеснено из нахских языков **саг//сaй** «олень — человек», которое имело культовое значение для последующего этапа развития нахов.

² Ошаев Х. Д. Рудиментарные классные показатели в вайнахских языках // Известия ЧИНИИЯЛЭ, Т. 1. Вып. 2. Грозный, 1959. С. 75.

«ребенок» (дочь и сын) ¹. Не является ли этот факт отзвуком того далекого периода, когда первоначальный род и все его члены обозначались именем медведя, почитаемого как тотем и божество.

Ко времени, когда медведь перестал быть тотемным животным, восходят ингушское **черхье ваха** /**черхье** от **ча** «медведь», **-р**, **-хь**, **-ие** — детерминанты с направительным значением и чеч. **ичча ваха**, **ичча** от **ча** «медведь», и — протетическая гласная / «пойти на охоту» (букв. «пойти на медведя»); ср. инг. **эххье ваха** «пойти на зверя» (от **эхха** «зверь», **-ие** — детерминант с направительным значением). К слову «медведь» восходят также инг. **черахь** и чеч. **иччархуо** (**-р**, **-хь** — детерминанты, **-хуо** — словообразовательный суффикс лица) «охотник».

В горных говорах Чечни встречается в значении потомства, поколения слово **ик** — **глахья юсача ика Гайгла йу-кх**. Есть забота об остающемся потомстве. Надо думать: **ик**→**ич**→**ича** (**-й** — протетическая гласная, **к**→**ч** закономерно, ср. чеч. **ичча ваха** «пойти на охоту» (resp «пойти на медведя»), итумк. **икка ваха** в том же значении (**кк**→**чч**); см. также итумк. **хьак**, чеч. **хьач** «слива», майст. **кака**, чеч. **коча** «жидкий» и т. д.

Как тотемное животное медведь известен у многих народов, в частности у американских индейцев, аборигенов Австралии и других, о чем свидетельствует также упомянутое выше исследование Л. Моргана «Древнее общество». «...Волк и медведь, — отмечал Ф. Энгельс, — являются еще родовыми названиями у большинства индейских племен...» ².

Хотя в значении человек слово «медведь» (**чи**) сохранилось лишь в аварском, агульском и табасаранском, в своем первоначальном «медвежьем» значении оно бытует почти во всех иберийско-кавказских языках. Вот эти примеры: чеч., инг., баб. **ча** аварск. **чи** / **ци** (ср. аварск. **чи** — человек, **члужу** — женщина), удин. **шуе**, **сус**, дарг. **синка**, лак. **цуша**, табас. **швеч** (ср. **чи** — человек), лезг. **сев**, рутул **си**, анд. **си** ³; абаз. **мшвы**, адыг. **мышъэ** (ср. адыг. **шъуз** «жена»), каб. **мышэ**, абхаз. **ашму**, убых. **меша** «медведь»; сюда же, как правильно полагает Б. Х. Балкаров ⁴, относится и груз. **татви** (**ч**→**т**). По мнению проф. Г. В. Рогава, медведь обозначается

¹ В этой связи обращает на себя внимание факт из рутульского языка, когда в последнем в словах, обозначающих брата, сестру и медведя представлен, в отличие от других лексем, один и тот же формант множественности — **-ба//**-баь, восходящий этимологически к ограниченному множественному числу, представленного в терминах, обозначающих кровное родство: шу-шуба «братья», риш-ришбаь «сестры», си-сибаь «медведи». (Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. М., 1978. С. 48).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21, изд. 2, М., 1961. С. 87.

³ Бокаров Е. А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. С. 90.

⁴ Балкаров Б. Х. Адыго-вайнахские языковые встречи... С. 90.

общим для всех иберийско-кавказских языков словом¹. Как общий корневой элемент в приведенных примерах следует отметить: **ча, чи, ци, се, шве, ша, шэ, шу, шыэ, швы**; абаз. м, адыг., каб. мы, убых. м — по мнению Г. В. Рогава — классные показатели².

В то же время название «медведь» усматривается в терминах родства почти во всех иберийско-кавказских языках; см. чеч. **ваша**, бацб. **вошо**; удин. **вичи**, рутул. **шу**, аварск. **вац**, анд., ботл., годобер., каратинск., тиндинск., ахвах. **вацци**; чамал. **вац** (ср. чеч. **Ваца** — собственное имя мужчины); дарг. **уци**, кубач. **исде, цахур чож**; абаз. **ашъа**, адыг. **шы**, каб. **къуэш**, беслен. **чъэ**, убых. **джи**, абх. **аша**, хакуч. **чы**, груз. **цма** «брат». Как общий корневой с закономерными звукоответствиями следует выделить: **ша, шо, ц, цци, чо, ша, шы; эш, чы, ци, ща; — ва, — во, а** — классные экспоненты, детерминанты.

Таким образом, как отмечали ученые-кавказеды³, слово «брат» является общим для иберийско-кавказских языков. То же самое можно сказать и в отношении слова, обозначающего сестру; см. чеч. **йиша**, инг. **йуша**, бацб. **йашо**; удин. **хун-чи** (**хуни** — самка + **чи**), авар. **йац** (ср. чеч. **Йаца** — собственное имя женщины), лак. **ссу /шу/**, дарг. **рузи//руцци**, бежит. **ист**, гинух. **эсу**, гунзиб. **ыс**, кубач. **йисде**; абаз. **ахща**, абх. **ахъшъа**, адыг., каб. **шыпхъу**, убых. **джыпхъа** «сестра». Общим корнем в приведенных словах является: **ша, ща, шо, цци, зи, ц, ца, ссу, с, су, шъа, шы, шъа, джы, сле, чи**. Этот же корень Б. Х. Балкаров находит в грузинском **за**⁴, а Рогава — в убыхском **пхеш** «женщина», «жена»⁵. См. также **цахур. ісі**, рутул. **риш**, удин. **хун-ач** «дочь» (**хун** — самка + **ач** — человек) (ср. чеч. **йолстаг** «женщина-человек», инг. **сесаг** «самка-человек»); чеч. **нус**, инг. **нус** «сноха» (ср. авар. **нус** «сноха», арм. **нус** «невестка», груз. **нусадиа** «жена дяди», адыг. **нысэ** «сноха» и др.). Реликт слова «медведь» усматривается также в словах: чеч. **шича** «двоюродный брат», инг. **шуча** «двоюродный брат по женской линии», чеч. **маьхча** «троюродный брат», инг. **мохча** «троюродный брат по женской линии». В последнем примере корень **маьх** (→ **мах**) восходит к другому Божества названию, а именно к названию солнца (**малх**) (см. об этом нашу: К вопросу о древнейших названиях нахских племен...), **ча** — в словах **шича, маьхча** не что иное, как

¹ Рогава Г. В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тб., 1956. С. 210. Здесь же отметим, что иберийско-кавказское **чи/чв** и тюркский суффикс **чи/ча/чу** не одно и то же, так как в первом случае мы имеем знаменательное слово, тогда как во втором — суффикс со значением лица (ср. Кирг. **окуучу-учащийся, колхозчу-колхозница** и т. д.).

² Рогава Г. В. Указ. соч. С. 205.

³ Рогава Г. В. Указ. соч. Б. Х. Балкаров. Указ. соч., Арсаханов И. Г. Аварско-нахские параллели. С. 10.

⁴ Указ. соч. С. 50.

⁵ Указ. соч. С. 210.

«медведь-человек». См. также груз. **клаци** «человек» (в прошлом **кла-ч**, по мнению некоторых кавказоведов¹), ср. анд. **хлекла**, цез. **же-кла** «человек-медведь», удин. **ишкхар** «мальчик» (**иш** — «мужчина»), груз. **деда** — мать (ср. **татви//датови** — медведь) (**ч** ↔ **ц** ← **ц** ← **т** — **д**); **кла-**, **-ма**, **-ви** — классные экспоненты, детерминанты). Ср. также груз. **диац** — «девушка», **мамац** — «мужественный» (ср. **Мамацшвили**), а также чеч. **Мамац** (имя мужчины) и **Бабац** — женское имя, менгр. **ключи**, сван. **члаш** (**члаш** — «человек»), груз. **Бечло** — парень (ср. чеч. **Бичло** — имя мужчины, **Бичлар** — имя женщины). Симптоматично, что, по мнению А. С. Чикобава, др. — груз. **важа** — сын, отсюда **Важа** — собственное имя, восходит к нахскому **ваша//воша** «брат»². Вполне допустимо, что груз. **клач//клаци**, анд. **хлекла**, цез. **жекла** и чеч. **клант** — «парень», «молодец» — также слова общего корня — **кла** + **ци**, **же**, **ч**, **т**, **хле**.

Общими элементами здесь следует считать **ч**, **ссу**, **зи**, **ци**, **цци**, **цо**, **чло**, **чла**, **ша**, **ш**, **шу**, **с**, **же**, **су**; **а**, **йо**, **ру**, **ри**, **йу**, **йа** — классные экспоненты.

О некоторых звуковых корреспонденциях в данных терминах см. также: Б. Х. Балкаров. Адыго-вайнахские языковые встречи³. Симптоматично, наконец, что в цахурском и рутульском формант множественного числа в слове медведь сходен с формантом мн. числа слов, обозначающих разумные существа.

Таким образом, слова, обозначающие братьев и сестер во всех иберийско-кавказских языках оказываются одного корня, который был именем общекавказского рода, восходившего в свою очередь к названию тотемного животного — медведя. Первоначально все члены такого общего рода как в совокупности, так в отдельности назывались одним и тем же словом — **медведь**. Впоследствии, когда общий род стал распадаться на женскую и мужскую линии, для различения членов рода по признакам женского и мужского пола к прежнему общему названию рода стали присоединяться классные детерминанты — см. чеч. **ва-ша** «брат» (**ва** — экспонент класса мужчин), **йи-ша** (бацб. **йашо**) «сестра» (**йи//йа** — экспонент класса женщины); см. также аварск. **вац/ва** — показатель класса мужчин/ «брат», **йац/йа** — показатель класса женщин/ «сестра» и т. д.

«Из восьми племен бассейна Миссури, — писал Ф. Энгельс, — шесть ведут происхождение и признают наследование по мужской линии, а два еще по женской»⁴. К общему корню — названию рода

¹ Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1966. С. 301.

² Чикобава А. С. К вопросу о контакте языков по материалам картвельских бесписьменных языков. Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Орджоникидзе, 1977. С. 16.

³ Указ. соч. С. 95.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 59—60.

могли присоединяться в дальнейшем и другие элементы; см. чеч. **маьхча** «троюродный брат или сестра» /**мах**, — название древнего культа, вероятно, божества солнца (ср. **ма/на/** — бог солнца Древней Передней Азии, **-х** — детерминант). Эта основа отмечена также и в нахских — **Малх** «солнце», **Мальсаг**//**Бальсаг** /**м ~ б/** «солнце-человек», **нах** «люди» и других¹.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Проведенный нами анализ двух названий животных — «медведь» и «олень» показывает, что: 1) медведь являлся тотемом иберийско-кавказских народов в период их общего единого рода, о чем свидетельствует тот факт, что название медведя является общим для всех иберийско-кавказских языков за вычетом, конечно, закономерных звуковых корреспонденций: чеч. **ча**, авар. **чи//ди**, груз. **татви** и т. д.

Название медведя — тотема, именем которого назывался общекавказский род, было в то же время названием человека, мыслящегося как член данного рода. Аварское, агульское, табасаранское **чи** — человек, видимо, отзвук этого периода. В остальных иберийско-кавказских языках данное слово в виде реликта сохранилось или в названиях, обозначающих родственные связи (дарг. **вацци**, авар. **вац**, чеч. **ваша** «брат» и др.), а также в словах, обозначающих человека — груз. **к'лаци**, **цез**, **жек'лу** и т. д. Надо думать, что слово медведь олицетворяло ведущую роль женщины в первобытном роде, что подтверждает историческая наука.

2) После распада общекавказского единства и с развитием и усложнением общественных отношений (приручение диких животных, появление животноводства), каждая этническая группа иберийско-кавказской семьи создала уже свою идеологию и свой тотем. Так, у нахов, возможно, и у адыгов, в этот период возник уже другой тотем — **олень** (чеч., инг. **сай**, осет. **саг**), что, видимо, произошло не без влияния ираноязычных пришельцев — скифов — аланов — осетин, о чем говорят факты языка и археологии. Так как в этот период ведущую роль в хозяйстве (в связи с появлением животноводства) стал играть мужчина, то олень-тотем олицетворяет мужчину. Мужчина так и называется у чеченцев, ингушей и бацбийцев именем оленя — **саг**//**стаг**//**стак** «олень-человек». Слово осет. **лаг** «человек» возможно также восходит к **саг**, но почти во всех иберийско-кавказских языках оно воспринято как раб, крестьянин, что, вероятно, обусловлено изменением общественного положения и роли осетин в исторических судьбах Кавказа. Этим

¹ Чокаев К. З. К вопросу бытования образа Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей. Известия. Т. VI. Вып. 3. Литературоведение. Грозный, 1972. С. 91.

можно объяснить, что слово *саг*, заимствованное из алано-скифской среды, у нахов и других горцев стало символизировать полноценного мужчину, тогда как *лаг*, взятое из осетинского, стало обозначением человека низшего сословия — раба, крестьянина и т. д.

В заключение следует отметить, что отдельные положения выше изложенного являются гипотетическими, в частности, считаем необходимым вести дальнейшие исследования в сторону конкретизации фактов, доказывающих общность терминов родства, обозначающих братьев, сестер, дочерей и сыновей, а также названия «человек» (resp. члена древнейшего общекавказского рода) с названием медведя, являющегося, по нашему мнению, тотемом первоначальной общей родовой ячейки кавказских народов. Нет сомнения, что изложенные факты ведут к доказательству не только генетического родства иберийско-кавказских языков, вернее родства картвельских с одной стороны и горских иберийско-кавказских языков — с другой, но и общности происхождения их носителей.

ПЕРЕХОД ОТГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ВАЙНАХСКИХ ЯЗЫКАХ

К отглагольным в вайнахских языках относятся формы, которые образованы от основ глагола и сохраняют признаки производящей глагольной основы. Таковы деепричастия, причастия, масдар.

Такие формы не только сохраняют признаки глагола, но обладают также особенностями, характерными тем лексико-грамматическим категориям, в разряд которых они перешли.

Так, например, деепричастие как форма глагола унаследует от производящей глагольной основы вид, число, классность, время; см. *Книга йовшуш воглу Ахъмад* (класс й/й, наст. время) «Книгу читая, идет Ахмад».

Газета дешна воглу Ахъмад (класс — д/д, прош. время) «Газету прочитав, идет Ахмад» и т. д.

Те же признаки глагола сохраняются и в причастии; см. *веана клант* (прош. время, ед. ч., класс — в/б) «Пришедший мальчик»; *воглу клант* (наст. время, ед. ч., класс — в/б) «Идущий мальчик» и т. д.

Но непрерывность развития языковой структуры демонстрируют случаи дальнейшего перехода отглагольных форм в разряд других неглагольных форм — в наречии, прилагательные, существительные с предметным значением. При этом они теряют глагольные признаки и приобретают свойства, характерные тем лексико-грамматическим единицам, в разряд которых они перешли — склонение, число, степени сравнения и т. д. Такой переход совершается

не деривационными средствами и путем переосмысления прежней глагольной семантики.

Так, как было отмечено, деепричастие, причастие унаследуют признаки глагола — время, вид, частично число, классность, но при переходе в разряд качественного прилагательного теряют эти признаки и приобретают свойства, характерные последним — склонение, степени сравнения, словообразовательные особенности; см. *могуш стаг* (инг. *саг*) от глагола чеч. *мага*, инг. *мога*, -ш — суффикс деепричастия, чеч. *цомгуш* (инг. *ца могаш*) *стаг* (*саг*) «больной человек» и т. д.

Склонение (чеченский язык)

И. п.	могуш стаг	— «здоровый человек»
Р. п.	могушчу стеган	— «здорового человека»
Д. п.	могушчу стагана	— «здоровому человеку»
Э. п.	могушчу стага	— «здоровым человеком»
инстр.	могушчу стага	— «здоровым человеком»
соед.	могушчу стагах	— «здоровый человек»
ср.	могушчу стагал	—
мест.	могушчу стаге	—

См. также:

И. п.	цомгуш стаг	— «больной человек»
Р. п.	цомгушчу стаган	— «больного человека»
Д. п.	цомгушчу стагана	— «больному человеку»
Э. п.	цомгушчу стага	— «больным человеком»
и т. д.		

Степени сравнения

Могуш стаг, *гIеххьа могуш стаг* «довольно здоровый человек», *чIогIа могуш стаг* «очень здоровый человек», *дикка могуш стаг* «изрядно здоровый человек»: см. также: *гIеххьа цомгуш стаг* «довольно больной человек», *чIогIа цомгуш стаг* «очень больной человек», *дикка цомгуш стаг* «изрядно больной человек», ср. также синтетические формы сравнительной степени: *могушчуо* (-*чуо* — суффикс) «здоровее», *цомгушчуо* «больнее», см. словообразовательная форма от *могаш* как прилагательного: *могушалла* (инг. *могашал*) «здоровье», -*лла*/-*л* — суффикс, ср. *хаза*—*хазалла* «красивый — красота», *дика* — *дикалла* «добрый — доброта» и т. д.; см. также самостоятельные формы от *могуш*, *цомгуш*, свойственные прилагательным: чеч. *могушниг* «тот, кто здоров», *цомгушниг* «тот, кто болен», инг. *могушвер*, *цомгушвер* в том же значении.

Приведенные деепричастные формы перешли в разряд качественного прилагательного в форме настоящего времени (суффикс -ш).

Отмечены случаи, когда деепричастия переходят в разряд прилагательного в форме прошедшего времени. Однако следует оговориться, что такие формы восходят ретроспективно к форме прошедшего совершенного времени глагола и совмещают в себя на морфологическом уровне значения последнего и прошедшего времени причастия и деепричастия. Дифференцировать указанные значения можно лишь на синтаксическом уровне, с помощью контекста; см. *Ас дешна* (газета) «я прочитал газету», *ас дешна* (газета) «мною прочитанная газета» (причастие») и *газета дешна, веанасо* «Газету прочитав, пришел я» (деепричастие). Все зависит от того, с каким словом и как сочетается в составе предложения такие синкретические формы. Показателем такой валентности служит интонация. Когда приведенная многозначная форма выступает в тексте определителем второго компонента в составе устойчивого словосочетания, она воспринимается, с точки зрения современного языкового сознания, как прилагательное; см. *дешна стаг* (инг. дийша *сар*), «ученый человек»; см. еще: *Сийсара цхьа дешна стаг веанера тхьогга* «Вчера вечером один ученый человек приходил к нам». Критерием того, что мы здесь имеем адъектированные формы причастия служит то, что определение *цхьа* — один отнесено ко всему сочетанию «*дешна стаг*». Это на синтаксическом уровне. Морфологически такой переход подтверждается тем, что от дешна в указанном сочетании можно образовать форму сравнительной степени — дешную — «ученее». В то же время данная форма не обладает видо-временными признаками, присущими причастию и деепричастию. Сюда же относятся примеры: устойчивых словосочетаний *кхелина шайлта* «инкрустированный кинжал», *кхелина доьхка* «инкрустированный пояс», «*совсийна бепиг* «сдобный хлеб», *хьийна бепиг*, букв. «мятый хлеб», *дакзийна жижиг*, «вяленое мясо», бук. «сушеное мясо».

В отдельных случаях адъектированные формы причастия, деепричастия мы находим в составе именных композитов в качестве первых компонентов; см. чеч. (*ет шура* ← *етина шура*) инг. *ета шура*) «простокваша» (букв. «свернувшееся молоко»).

Как видно, в чеченском такая форма в отличие от ингушского подвергнута усечению. Таким образом, одна и та же морфологическая форма дифференцируется посредством разноуровневых средств на значения: прошедшего совершенного времени глагола, прошедшего времени деепричастия, причастия, и, наконец, такая форма переходит в разряд качественного прилагательного, употребленного в составе устойчивого словосочетания и именного композита.

Отмечены случаи перехода деепричастно-причастных форм в разряд наречий. Что происходит при сочетании их со звукоподражательными междометиями в составе устойчивых словосочетаний или композитов (критерии разграничения последних не всегда

устойчивы), где такие формы выступают вторыми компонентами; см. *гларчъаьлла* — как следует, *глархъаьлла* — проворно и т. д.

В функции наречия выступают также:

1) Редупликативные образования деепричастно-причастных форм; см. *ведда-ведда длавахара иза* «бегом-бегом ушел он» от *вада* — бежать, *аьлла-аьлла клелвитира цо иза* «сказав-сказав утихомирил он его» и т. д. Хотя такие формы формально совпадают с глагольным повтором, выступают в речи в функции деепричастно-причастных форм, перешедших в наречия.

2) Повторы из деепричастно-причастных форм, где второй компонент редупликатива оформлен суффиксом настоящего времени деепричастия-ш; см. *волу-волуш гена велира иза* «постепенно (букв. отойдя-отойдя) удлился он»; *соцу-соцуш сецира иза* «постепенно (букв. останавливаясь-останавливаясь) остановился он» и т. д. При этом наблюдаются такие особенности:

1. В одних повторах длиннее, чем второй слог, произносится первый слог первого компонента и первый и второй слоги второго компонента: *вобду-вобдуш* «идя-идя», *олу-олуш* «говоря-говоря».

2. Кратко произносятся оба слога первого компонента и протягивается последний слог второго компонента: *соцу-соцуш* «останавливаясь-останавливаясь», *хьожу-хьожуш* «посматривая-посматривая» и т. д.

В функции наречия могут выступать также вторые компоненты приведенных повторов отдельно взятые: *вобгуш кхечира со* «идя, пришел я», *соцуш сецира со* «останавливаясь остановился»; см. пословица *хуьлуш хилла дена вир* «постепенно занял отец осла» и *хуьлу-хуьлуш хилла дена вир* в том же значении¹.

Главным критерием того, что приведенные формы перешли в разряд наречий является отсутствие в них временного признака.

В вайнахских языках различают причастия на несамостоятельные и самостоятельные.

1). Различие это проявляется как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях.

Самостоятельные причастия употребляются вне сочетания с определяемым словом — как имя существительное и образуется от несамостоятельного причастия посредством суффикса *-рз* (инг., итумк. *-р*): *добшу клант* «читающий мальчик», но *добшурз* (инг. дийшар) «тот, кто читает» от глагола *добшу* (инг. диеш) «читает».

Вайнахские причастия как самостоятельные, так и несамостоятельные имеют три формы времени—настоящее, будущее, прошедшее, а также делятся на действительные и страдательные.

¹ Яковлев Н. Ф. Морфология Чеченского языка. Труды ЧИНИИЯЛ. Т. 1. Грозный, 1959.

Чокаев К. З. Морфология Чеченского языка. Ч. II. Грозный, 1970. Джембулатова М. М. Причастия в вайнахских языках. Артореферат канд. дисс. М., 1975.

От всех названных форм самостоятельное причастие образуется посредством суффикса **-рг (-р)**. Имеется субстантивированное причастия, которые подверглись переходу в разряд имени в форме настоящего времени. Таковы: бухку — пояс для носки кувшина с водой, от боьхку — завязывает, доьхку — ремень от доьхку — завязывает (ср. также биехк — запрет от биехка — запретить), а также собственные имена и клички людей: воьлху от воьлху — плачет, воду — от воду — бежит.

Вернее, последние формы первоначально возникли как клички, но впоследствии превратились в собственные имена.

Здесь же отметим случаи перехода самостоятельных причастий в форме настоящего времени в разряд имени существительного, в названии предмета, означенного причастием (ретроспективно). При этом в отдельных случаях наблюдается выпадение из состава суффикса **-рг** конечного заднеязычного (**г**) в чеченском: (*лубттур* ↓ *лубттург*) «цедилка», букв. «цедающей» (ретросп.) от *литта* — цедить; эриг — «валет крестовый», букв. говорящий, от ала — «сказать», *ахкарг*//*ахкар* — «мозоль» от *ахка* — «копать», «рыть», *луьрг* — «дыра», «конура» от *Ia* — «находиться» и т. д.

Чаще такие формы причастия выступают в функции вторых компонентов именных композитов; см. *шикекардуьллург* — «сахарница», букв. «сахар кладущий», *туьхадуьллург* — «солонка», букв. «соль кладущий», *мангалхьокхург* — «косилка», букв. «косу косящий», *цIерийловьцург* — цапля, букв. рыбу ловящий.

Отмечены случаи, когда причастный компонент представлен суф. **-р** (древний вариант **-рг**, совпадающий с ингушским вариантом и горных диалектов чеченского языка, см. выше); см. *лерга-яхар* — заяц, букв. «уши говорящий» (*Iахар*//*бахар* — говорение, б, I — классные экспоненты); *моллайохур* — вид детской игры, букв. «мулла говоримый».

Встречаются примеры такие, где несамостоятельное причастие занимает разные положения в составе устойчивых сочетаний и композитов; см. примеры, где причастие в начальной позиции: *йаахIу-ма* (диал. *йоухIума*, инг. *доахIама* — еда, букв. «съестный предмет», *Иветтуо буц* — вид травы, букв. «травя, вызывающая рвоту», ср. также *Иветтуо молха* — «препарат, вызывающий рвоту», (*молху* ← *молу хи* — «пьющаяся вода»), *дууштуо* (инг. *дуьэст* — кизил, букв. «съедаемый плод») и др. В финальном положении находится причастие в несамостоятельной форме в композите *дуюхьло-цу*¹ — поводок, букв. дуюхь (ср. йуьхь) — лицо, лоцу — держащий.

В интерпозиции находится несамостоятельное причастие в трех-компонентных устойчивых сочетаниях типа: *кIа ору маше* — моло-

¹ Такая форма редко употребляется.

тилка, букв. «пшеницу молотящая машина», хьаьжкIаш йоху чарх, букв. «кукурузу рушащая машина», аннаш доху чарх — лесопилка, букв. «доски изымающая машина» и др.

В нашей кандидатской диссертации были отмечены случаи, когда масдарные формы на основе развития многозначности становятся лексемами, обозначающими различные предметы, при этом некоторые масдары сохраняют свое старое значение, т. е. здесь мы наблюдаем словообразование на базе многозначности; см. диекхар — мщение и диекхар — долг, малар (от мала — пить) — питье и малар — спиртной напиток и др.¹

Другие масдары утратили свое первоначальное масдарное значение и становятся лексемами, обозначающими предметы, явления и т. д.² Что происходит в результате того, что производящая глагольная основа выходит из употребления в самостоятельном значении и лишь в архаичных произведениях чеченского фольклора можно распознать мотивирующую основу таких форм. Таковы формы хелхар — танец от хелха³ — танцевать, см. хелха вала — станцевать и ловза вала — начать играть и т. д., хьацар — пот от хьаца — вспотеть, кхийкхуор — хилый, чахоточный от кхикхуо и т. д.

При этом основным критерием перехода масдарных форм в немасдарные служит утрата ими признаков вида и класса. А на синтаксическом уровне таким критерием служит валентность таких форм с другими словами в контексте.

Отмечены случаи адвербиализации масдарных форм, что происходит посредством суффикса — на: дешарна «за то, что учился», аларна «за то, что сказал».

Эти примеры представляют собой омоформы по отношению к формам дательного падежа собственно масдаров. Различие же этих омоформ возможно провести на синтаксическом уровне посредством контекста.

«ГЛАЗ» И «СОЛНЦЕ» — СЛОВА ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ОБЩЕГО КОРНЯ В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Будь не солнечен наш глаз,
Кто бы солнцем любовался?

(Гете)

Вопросы морфемной структуры слов как в плане этимологическом, так в плане синхронном относятся к малоизученным в нахских языках. Исследование же вопроса путем гнездования одноко-

¹ Чокаев К. З. Словообразование имен существительных в Чеченском литературном языке. Изв. ЧИНИИЯЛ. Т. 4. Вып. 2. Грозный, 1962.

² Чокаев К. З. Морфология Чеченского языка. Ч. II.

³ Такая форма отмечена в Чеченском фольклоре.

ренных слов ставится впервые. Отдельные сведения о морфемной и словообразовательной структуре слов главным образом в плане синхронном можно почерпнуть из разработок Ю. Д. Дешериева¹, П. К. Услара², З. К. Мальсагова³, Х. Д. Ошаева⁴, Ф. Г. Оздоевой⁵, И. Г. Арсаханова⁶, К. З. Чокаева⁷ и некоторых других. Интересующие нас вопросы в этих трудах затрагиваются главным образом в связи со словообразованием. Ответ на вопрос — Что такое словарное гнездо в нахских языках? мы здесь не находим.

«Под лексическим гнездом обычно понимают или синонимные группы слов или любые лексико-семантические группы слов, имеющие смысловую общность»⁸.

«Группа слов, происходящих от одного корня или объединяемых современными морфологическими или семантическими связями»⁹.

Гнездо слов, происходящих от одного корня, можно понимать, как верно отмечено в указанном труде А. Н. Тихоновым, двояко: как этимологическое гнездо и как современные морфологические группы слов, но этимологически также связанных между собой. Примеры: печь, испечь, пекарь; печаль, печальный, печалить составляют одно гнездо, слова эти связаны по происхождению, но в современном русском языке они образуют два гнезда: 1. печь, пекарь, испечь и др. 2. печаль, печальный, печалить и др.¹⁰.

Имеет место терминологический разнобой в определении словарного гнезда: «морфологическое гнездо» (А. А. Реформатский), «словообразовательная парадигма», «семья слов», применяемые как советскими, так и зарубежными лингвистами¹¹.

Думаю, что наиболее подходящим для нахских языков следует считать термин «словарное или словообразовательное гнездо» и определение, данное этому явлению Г. А. Смирновым — «Словообразовательное гнездо характеризуется, с одной стороны, сохране-

---

¹ Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских народов Кавказа. Грозный, 1963; его же. Бацбийский язык. М., 1953.

² Услар П. К. Этнография Кавказа. Чеченский язык. Тифлис, 1888.

³ Мальсагов З. К. Грамматика ингушского языка. Изд. 2. Грозный, 1963. С. 151—154 (приложение) и другие.

⁴ Ошаев Х. Д. Слова пхъа и цъа в чеченском языке. // Известия научного общества Чеченской автономной области. Т. 2. Грозный, 1930.

⁵ Оздоева Ф. Г. Преверб в чеченском и ингушском языках. // Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 2. Вып. 2. Языкознание, Грозный, 1962.

⁶ Арсаханов И. Г. Чеченская диалектология. Грозный, 1970.

⁷ Чокаев К. З. Морфология чеченского языка. Ч. I. Грозный, 1968. Ч. 2. Грозный, 1970.

⁸ Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря русского языка. Самарканд, 1971. С. 25—26.

⁹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 109.

¹⁰ Тихонов А. Н. Указ. соч. С. 27.

¹¹ Там же. С. 28—29.

нием некоего инварианта всех входящих в него слов, с другой — тождеством лексической корневой морфемы, содержащихся во всех этих словах»¹.

Данная статья — первая попытка рассмотреть этот вопрос в нахских языках на примере гнезда слов с этимологически общим корнем **bla//mla/nla** «глаз», «солнце», характеризующихся этимологической общностью семантики «светило», но материально различавшихся классными экспонентами **б, м, н, а** в дальнейшем также словообразовательными суффиксами и разного рода фонетическими процессами как по линии гласных, так и по линии согласных звуков, что, безусловно, привело к обособлению членов гнезда как семантического, так и в материальных аспектах.

Вот те словообразовательные элементы, посредством которых произошло образование рядов лексем, составивших гнездо однокоренных слов с предметным значением этимологически восходящих к общему корню **bla//mla//nla**; (**-рг** бабб. **-рkl** (**г—**), **-лх** (бабб. **тх**); **-г, -х, -л, -на** — суффиксы): **bla—blarg** (солнце—глаз» (инг. **bla—blaьрг**, бабб. **bla—blarkl**; ма-малх, «солнце, светило» — «солнце—лучи» (инг., также бабб. **ma—matx**); ср. ла — орган слуха, но **ла—лерг** (инг. **лерг**, бабб. **ларkl** «ухо»); «часть тела» (**а—е**); ср. чеч., инг., **ладуorla** «наострить, букв. поставить ухо»; ср. чеч. **лере gluo** «пойти на слух» (**-рие** — суффикс напр. пад.); чеч., инг., **це//ца**, бабб. **ца «кус», церг** (инг. **царг**, бабб. **царkl** «зуб»; ср. чеч. **циетуоха** (инг. **цатуоха**) «ударить кус» (зуб); чеч., инг., бабб. **ка—хьатка, куьг** (инг. **кулг**) «рука» (**а—уь—у**), **-рг, -г-лг** — исторически словообразующие суффиксы.

В настоящее время в чечено-ингушском языке суффикс **-рг, -г, -лг** продуктивно используют для образования новых слов с экспрессией уменьшительности, ласкательности и пренебрежительности, а также служат в чеченском литературном для образования субстантивированных прилагательных, причастий, порядковых числительных, т. е. в последнем случае сохраняют в значительной степени функцию и значение, близкие к приведенным выше древним образцам — предметность, субстантивность².

Все слова, составившие гнездо родственных этимологически по корню слов образуют по степени близости в структурно-семантическом плане несколько групп и подгрупп. Всего нами выделено 3 группы, исходя из их структуры классного показателя — **bla, mla, cila**, а внутри каждой из групп намечены подгруппы.

I группа гнезда делится на следующие подгруппы:

а). К данной подгруппе относятся слова на **bla**, образованные

¹Тихонов А. Н. Указ. соч. С. 29.

²Чокаев К. З. Об одном индоевропейском суффиксе в нахских языках. Сб. Материалы 6 региональной научной сессии по изучению ибер.-кавказ. языков. Орджоникидзе, 1974.

исторически от одного общего корня различными способами — суффиксами и словосочетаниями.

Чеч. **б1а** — **б1аьрг** (инг. **б1а**—**б1арг**, бацб. **б1арк1** — «светило, глаз»; чеч. **б1аь-лла** (инг. **б1а-гал**) «видный», «заметный»; чеч. **б1аьрзие** (бацб. **б1арце**) «слепой», чеч. **б1арлар1а** (инг. **б1алг1а**) — «призрак, привидение; чеч. **б1аьца** (инг. **б1аса**) — «знак моргания глаза», чеч. **б1анг1ар** (инг. **б1аг1ара**) — «косой, косоглазый», чеч. **б1аьрмециг** (инг. **б1Гармециг**) — «ячмень на глазу», чеч. **б1аьрхьажа** (инг. **б1архьажа**) — «уставиться глазами» на кого-либо; чеч. **б1аьрхи** (инг. **б1аргхий**) — слеза, букв. «глаза слеза»; чеч. **б1аьрса** (инг. **б1арга са**) — «зрение, букв. глаза свет».

Все приведенные лексемы исторически производны от корня **б1а** посредством суффиксов: **-рг** (бацб. **рк1**); **-л/а/**, **-г1а**; **-ца** (инг. **са**); **-зие** (бац. **це/з→ц1/**; а также посредством сращения компонентов **хи** (инг. **хий**) — «вода»; **мециг** — «голодный»; **хьажа** «посмотреть», «уставиться» и т. д. Суффиксы **-лг1а**, **-ца** (**-са**), **-зие** (**-це**) восходят исторически к разным формантам местных падежей и подверглись лексикализации. Кроме того, наблюдаются разные фонетические процессы в составе производящей основы (**а→аь**). Отдельные из приведенных суффиксов представляют собой исторически сложные образования: **л+г1а**, **за+ие** и т. д.

Данная подгруппа отличается максимальной семантической близостью ее членов к исходному корню **б1а**.

б). Большему семантическому обособлению подвержены члены следующей подгруппы гнезда, и смысловая связь их с исходным корнем едва улавливается. Вот эти примеры, образование которых произошло путем словосложения, суффиксаций:

1. Словосложение: чеч. **б1агуор** (инг. **б1агор** — «головокружение») (**гуор** от **гуо** — «круг», **-р** — детерминант — «кружение»);

чеч. **б1уобуола** — «надеяться»; **б1а+буола**, букв. «глаз войти». В бацбийском и ингушском не обнаружено.

чеч. **б1уокъажуо** (инг. **б1окъажо**) — «оробеть», букв. «глаз прищурить»; **б1уо** — «глаз» (**а-уо**), **къажуо** — «прищурить».

Суффиксация и словосложение **б1аьштиг** — часть темени (**б1а+ш ← са**), **т—т1е** «на», **-иг** — суф., **б1армециг** — скупость: **б1а+меца + суф. -г**.

в). К третьей группе гнезда отнесены слова с общим этимологическим корнем **б1а**, возникшие в результате переносного употребления по внешнему сходству с исходным понятием «глаз», но оформившимися первоначально теми или иными падежными формантами, которые впоследствии подвергнуты лексикализации.

Таковы:

чеч. инг. **б1а -л** (**л** — формант. напр. I падежа), инг. **б1оал** — (**а→оа**) — «ком»;

Уменьшительная форма:

чеч. **б1оал—б1ал-г** (**оа→а**) — «ком—комочек»;

чеч. **бIар//балар**, инг. **bla-p** — «орех», «колбаса» (-р — историч. формант исх. падежа); ср. безаффиксное образование:

чеч. инг. **баI** — «репей», где айнированный звук **I** при этом перешел в конец формы, ср. чеч. **балар** — «орех».

г). Следующую подгруппу составляют слова, подвергшиеся еще большему обособлению в плане семантики и образованные различными способами. Налицо также переносное употребление исходного корня **бIа** по функции. Примеры:

чеч. **бIов** (инг. **blow**) — башня. Надо думать, что [**в**] в исходе формы не что иное, как классный экспонент, обозначающий мужской класс, а [**в**] в начале ингушского примера — результат полной дистантной регрессивной ассимиляции [**б**] под влиянием исходного сонорного [**в**] в функции классного показателя (ср. чеченск. **бIов**). Данная лексема производна от **бIа** посредством указанного классного показателя и ассоциирована с понятием **глаз** по семантике, так как вайнахские башни строились в основном, как сторожевые, наблюдательные пункты, с которых удобнее было обозревать, «глазеть» окружающую местность. В чем и проявилась связь производного слова **бIов** с производящим **бIа** — «глаз». Наличие в исходе производного классного экспонента [**в**], символизирующий мужской пол, лишь подтверждает производный характер **бIов//вIов** именно от **бIа**, т. к. функцию сторожей на башнях выполняли в основном мужчины-стражники. В свою очередь от **бIов//вIов** производно слово чеч. инг. **бIуо** — «войско», «стража», т. к. воины-стражники в те времена выполняли сторожевую функцию, являясь стражниками, что отмечено в трудах историков.

Здесь же отметим превращение при этом конечного нисходящего дифтонга **ов** в восходящий дифтонг **уо**: **бIов-бIуо** как результат слияния краткого [**а**] и сонорного [**в**].

От того же корня **бIуо** производны:

а) числительные чеч. инг. **бIаь** — сто (уо→аь) безаффиксным путем, а также чеч. **бIаьхуо** (хуо — суф. лица), а также онимы чеч. **бIаьвла** (ла — суф. места), инг. **вIовнушка** — к башням (нуш — формант мн. ч., ка — формант напр. падежа) производны от **бIов//вIов** — башня. От топонима чеч. **бIавла** производно этноним **бIавлуой** (уо — суф. лица ед. ч., й — формант мн. ч.) — «**бIов-лойцы**» — жители села «Башенное».

В результате переосмысления формы **бIов** (инг. **blowk**) образована лексема **бIов-в**, служивший в прошлом боевым кличем вайнахов и означавший «я — лучший, смелый, кто со мной (или с нами) осмелится тягаться?» «**РегIаний, ламаний юккъехь бIов-в**» — «В пространстве между горами и терским хребтом **бIов-в**», — изрекали чеченцы, когда в результате долгой, упорной борьбы, длившейся веками, с кабардинскими, кумыкскими и другими князьями они завладели плоскостной Чечено-Ингушетией.

Данный клич символизировал первоначально наличие башни,

от названия которого он произведен безаффиксным путем и как социальный термин, т. к. построить башню имели право только состоятельные члены общества. Даже не всякий состоятельный в материальном смысле мог построить башню. Требовались еще юридические, моральные, нравственно-этические предпосылки. Все это говорит о социальной дифференциации вайнахского общества в прошлом. В ингушском языке данная лексема представлена в форме **бловк** (г→к) — суффикс.

От основы **блүо** образованы формы чеч. **блүоба** (/б/ /а/ — кл. рудиментный показатель), «пугало» и **блүотла** (**тла**—суф., из **тла**—на, ср. **блүотла** вьоду суо. Иду туда, где войско). «Сильный, смелый человек» («бутуз).

Все рассмотренные подгруппы гнезда носят исторический характер. Как отмечалось выше, в современных вайнахских языках в значении «глаза» бытует исторически производная от **бла** форма чеч. **блаьрг**, инг. **бларг**, бацб. **бларкI**, которая в свою очередь образует новое гнездо в синхронном аспекте. Между словами данного гнезда ощущается словообразовательная связь: см. чеч. **блаьргане-глар**, инг. **бларгноглар** «ресница», букв. «глаза крышка», чеч. **блаьргтуоха**, инг. **бларгтуоха**, бацб. **бларктеххиар**—«понаблюдать», букв. «ударить глаз». Чеч. **блаьргхила**, инг. **бларгхила**, бацб. **бларкIба** — «сглазить», букв. чеч. инг. «глаз случиться», бацб., «глаз сделать»; чеч. **блаьргтало**, инг. **бларгтувса**, — «моргнуть», букв. чеч. «глаз давить», инг. «глаз бросить» и другие.

В бацбийском языке слова данной подгруппы расходятся с чечено-ингушскими образцами в структурно-семантическом, в фонетическом плане: см. чеч.-инг. **бларгтуохар**, бацб. **бларкIте-ххиар** — «обозревать», «глаз ударить», чеч. **блаьрзие**, бацб. **баркIице** — «слепой».

б) когда **бла** (**бларк**) сочетается с иными лексемами, чем в чечено-ингушском; см. бацб. **бларкIбехкбалар** — наступление темноты, букв. «глаза закрывание», чеч. **бодабуолар** или **садар** «наступление темноты», бацб. **бларыхар** «встречаться», букв. «на глаз идти», чеч. **дуьхьалвахар** букв. «на лицо идти», бацб. **блардар** «свети», букв. «глаз сделать» и т. д.

Имеются расхождения между словами данного типа, чеченскими с одной стороны, ингушскими — с другой:
чеч. **блаьргтало**, инг. **бларгтувса** — «моргнуть» и др.

В ингушском языке как намечается также возникновение третьей хронологической ступени на **бла**, когда от **бларг** образуется новая, экспрессивная (уменьшительно-пренебрежительная) форма **бларгилг** «глазок». В чеченском и бацбийском такая форма отсутствует.

в). Отдельную подгруппу образуют лексемы на рассматриваемый корень, который функционирует без айна (I) — **ба**. Вот эти лексемы: **буос** «цвет», «вид»; **с** — реликт другой основы — **са** —

«место», «земля», следовательно, — **буос** этимологизируется как «солнечное место, земля», т. е. место, освещенное солнцем.

Предложенная этимология подтверждает следующий пример, взятый из чеченского фольклора: «**бIа сийна буйда Терк**», т. е. «цвет синий влажный Терек». В современном чеченском языке тоже выражение будет «**Буос сийна буйда Терк**» в том же значении; (ср. **бIа сийна** и **буос сийна** — синонимы). В эту же подгруппу относятся слова **беса** (**бе** ← **ба**, **са** — место или **с** ← **са**, суф. **а** с отрицательным значением) «бледный», «бесцветный»; **басуо** — «солнечный склон»; (**ба**+**с**+**уо** — суф.), а теневая сторона горы обозначается словом **хьайхне** (от **хьех** — пещера), букв. «теневая, бессолнечная сторона»;

чеч. **бесние**, инг. **бесинг**, «щека», букв. «возле глаза место» (**бе** ← **ба** — «глаз», **с** ← **са** — место, — **-н**, **-не** — суфф. места, **г** (инг.) — суф. с уменьш. или предметным значением).

II. Группа гнезда на **мIа//ма** — «солнце».

Как было отмечено, **мIа** — «солнце» внешне отлично от **бIа** — «глаз» маркированностью иным классным экспонентом — **мI//м**. Отличие в плане семантики также налицо, хотя не всегда закреплено в языке; см. **Мальсаг—Бальсаг** — «солнечный человек»; **бIаьстие** — «солнечное место, время года» (от **бIа**) и т. д.

Важно отметить, что общего между понятиями **бIа** — «глаз» и **мIа** — «солнце».

Для первобытного человека общим у этих слов-понятий было то, что оба они обозначали реалии, которые, во-первых, светили, хотя в разной степени; во-вторых внешнее, бросающееся в глаза сходство. Общность происхождения обоих форм подтверждают данные языка. Так, например, в родственном чечено-ингушскому бацбийском языке **бIар** — «петля для ловли лошадей»; **-р** — суффикс; в современном чеченском **мIа-р** (**-р** — суффикс) — «крючок для ловли рыбы и других живых существ», а также «вилки». У этих примеров сходство и в структурном, и в семантическом плане налицо; см. также имя фольклорного героя **Мальсаг//Бальсаг** — «солнечный человек» и т. д.

а). слова на **мIа** — составляют отдельную подгруппу рассматриваемого гнезда. Образуются эти слова посредством разных суффиксов с последующим обособлением. Причем данный корень, как и **бIа**, функционирует и без айны (**I**) (арабское **Σ**), см. ниже. Вот эти примеры: **мIа** — «светило», **малх** — «солнце»; см. рядом расположенные два общества горной Чечни **МIайста** и **Маьлхаста** /**мIа**, **малх**; **с** ← **са** — «место», **та-тIа** — послелог в значении русск. — **на**. Достоверно известно, что жители этих обществ в бытность свою язычниками поклонялись солнцу как божеству. Здешние башни, склепы, которые называются «**маьлхан кешнаш**» — «солнечные могилы» испещрены солярными знаками. Отсюда все предметы и явления, имеющие особо важное значение в жизни общества получа-

ют метонимические названия с корнем **mla** — «солнце»; см. **mlaйт-та** — «общество», **mlaйтсуо** — житель этого общества; **-уо** — суффикс лица;

maIa (инг. **mul**) — рог; ср. инг. **maIa sag** «мужчина», букв. ретроспективно «солнечный человек»;

чеч. **mlaьma** — вид травы, **mlaь** + **ma** (неизвестного происхождения или компонент повтора).

б). Отдельную подгруппу составляют слова на данный корень без айны (**I**); см. **мас** — «волос» (**ма** + **с** ← **са** — «место», **моьлкъа** — «ящерица» — **моь** ← **ма** (**а-оь**), **л** — детерминант, **къа** — «детеныш, сын», букв. ретроспективно — «солнечный сын» / вспомним особую склонность ящериц к солнцу; ср. чеч. выражение: «**Моьлкъа кулла тIе боллучу хенахь веана хьо**» — «Ты пришел, когда ящерица поднимается на куст» / что значит: пришел, когда уже солнце высоко поднялось: ср. синонимное «**Малх гIушлакхIе боллуш**» — «Когда солнце выше листьев поднялось/, ср. также **моста-гIа**, инг. **moastagIa**, бацб. **мастхов (мастаха ва)**, которое реконструируется как **ма** — «солнце», **с** ← **са** — «место», **-та** — послелог в значении «на поверхность», **-ха//гIа** — формант иллитива, **[в]** в исходе бацб. примера классный экспонент, обозначающий мужчину (ср. также **мастваккха**) — «сделать врагом», а также **бIаста-ваккха** в том же значении.

Дело в том, что был у вайнахов обычай, согласно которому провинившийся в чем-либо член общества отверженным уходил в специально отведенное для таких место под названием **ма-са-та** — «на место бога солнца». Подобный обычай отмечен и в Древней Греции¹. Нелишне отметить здесь, что антонимичное данному слову чеч. **дуоттагIа** (диал. **дуоттаха**), реконструируемое гипотетически как **да-та-х//да-та-ха** или **дал-та-ха** — «на божественное место» (**дал//ди** — «божество, олицетворявшее гром и молнию» ср. инг. **дитоха** — «ударить молнии»), — **та** — послелог со значением «на поверхность», — **ха** — формант иллитива (ср. **ДайделитIи**, **ДолтIа**, отсюда фамилия Долатов). Таким образом, данная лексема этимологизируется аналогичным с **мастаха** образом, хотя в основе их лежат разные, но во многом сходные теонимы — **ма**, **да//дал**. См. также инг., чеч. **MarIa** /**ма** — теоним, — **гIа** — суффикс места; ср. также ойконим **Моьгуста** (**мо** ← **ма**, **гIа**, — **с** ← **са**, **-та**), букв. «на солнечное место»; инг. **malasag** — «лучший, мужественный»; респ. солнечный ср. чеч. **MaIa Макажуо**, **ЦIие Цикаруо** (Макажа, Цикара от ЦIу — верх. божество огня); Макажа от **ма** — бог солнца. Смысл такой — «лучший, «бравый» (ретроспективно «солнечный»), «солнечно божественный мажакоевец», «огненно-божественный цикароевец». Даже во втором звукоэлементе слова **лам** — «гора» — в **[м]** нам видится реликт **-ма** — «солнце». Примечательно

¹ Чокаев К. З. Язык и история вайнахов. Грозный. С. 56.

при этом, что в языке Урарту гора и солнце были однокоренными¹. Если вспомнить версию о генетическом родстве нахских языков с Урарто-хурритским, такое сравнение не беспочвенное, особенно, если учесть, что Ма было верховным божеством в странах Древней Передней Азии, в частности Урарту². К данной подгруппе гнезда мы относим с большой долей вероятности и следующие слова-этнонимы: мулкьюй /му ← ма, -л — детерминант, кья — сын, -уой — суффикс лица (-й — формант мн. ч.); от топонима Мулкья, чиермуой /чие ← ча — медведь — тотем, -р — детерминант м ← ма — «солнце», -уой — суффикс лица мн. ч. (й — формант мн. ч.) от топонима чиерма, ср. чиермуой лам, «гора Чермоев»; меша-хи (гидроним), (ме-ма, ша-са «место, страна», хи — вода, речка), «речка, текущая в стране солнца» или «солнечная речка». Примечательно, что речка, действительно, протекает по стране, названной «солнечной» — Маълхиста (см. выше).

III. Особую группу составляют слова гнезда, где исследуемый корень представлен с классным экспонентом нI//н.

а) к первой подгруппе мы отнесем слова с айнированным классным показателем — нI ← нIа — «солнце»; см. чеч. нIаьна — «петух», «червь», инг. нIана — «червь», бацб. нIан — «червь», также чеч. нIаьвла — «жаворонок», ср. также регIанIаьвла — «жаворонок хребта». Метонимический перенос понятий солнца в данных формах подтверждается тем, что все названные понятия — предвестники солнца или дня (солнце и день понятия также родственные).

Сюда же мы относим следующие названия продуктов животноговодства, знакомые вайнахам издревле и изготавливаемые ими: чеч. инг. на-л-ха — «сливочное масло» (л-, -х — детерминант, см. выше); чеч. нехча — «сыр», ср. кист. нечха, бацб. начх (нашх). Следовательно, названия этих продуктов от названия места их изготовления — Нашх (ср. бацб., кист. начх (чх ← шх). Такое явление не противоречит общелингвистическому положению о производности названий продуктов питания, а также других предметов от названия мест их первоначального изготовления, ср. сыр кобийский от ойконима Коби (Казбекский район, Груз. ССР), сыр осетинский, шампанское вино от области Шампань (Франция), вино Мадера (Испания), херес (Испания), и т. д.; ср. в этом плане понятие маша (инг. также, кист. маш) — молочные продукты; ма — солнце, земля, место — «солнечная земля» — омонимия на базе многозначности), а также чеч. инг. машадаьтта, кист. машдетт — животное масло (детт — масло, маша, см. выше, ретроспективно ма+ша —

¹ Мальсагов Д. Д. Непонятные места в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 2. Вып. 2. Языкознание. Грозный, 1959; Чокаев К. З. К бытованию образа Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей. // Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 3, вып. III. Грозный, 1972.

² Чокаев К. З. К этимологии этнонима-самоназвания чеченцев-нохчуо «чеченец».

солнечная земля). Уместно здесь же отметить о развитом животноводстве нахских племен в древности¹.

Ср. также другую группу слов: того же корня чеч. моша — «курпатка», басар моша, хьайхе моша, соответственно, «солнечного склона моша», «теневого склона моша»; инг. моаш, кист. мош, итумк. басуомоша, хьавхье моша; чеч. масар, бацб. масор, инг. мосар, — «серна», ма//мо//ба — корень, ретроспективно «солнце»; са/суо «земля», «угол», -р — суф. Следовательно, «солнечной земли птицы животные».

Таким образом, словарное гнездо на этимологический корень **bla**, **la**, **la** и его варианты без айн (**I**) распадается, соответственно, на несколько групп, которые в свою очередь в зависимости от фонетико-семантической структуры распадаются на подгруппы.

Каждая группа описана как в плане этимологии, так и в плане синхронии, описаны процесс словотворчества собственными средствами языка — яркое свидетельство развития языковой системы, в частности, лексики нахских языков по своим внутренним законам в тесной связи с историей развития общества носителей нахских языков. Однако, в то же время, для непосвященного читателя может оставаться непонятной идея связи «солнца и глаза», выразившаяся в плане языкового мышления, в наличии исторически общего корня для выражения этих двух понятий.

Когда данная статья была уже написана, нами обнаружена работа академика Вавилова С. И., в которой обосновывается закономерность с точки зрения первобытного мышления человека, наличие связи между «солнцем и глазом». Вот что писал об этом академик: «...К вопросу о связи «глаза и солнца» поучительно подойти сначала с точки зрения детских, первобытных и поэтических представлений»². И далее: «Неразрывной и сложной предполагалась связь глаза и солнца в египетских мифах, изображениях и гимнах... Древний религиозный символ «всевидающего ока» имеет вид глаза, окруженного лучами. Глаз здесь одновременно сияет и видит. В одном образе слиты **глаз и солнце**»³ (выделено нами — К. Ч.).

Приведенный нами материал вайнахских (нахских) языков подтверждает наличие такой связи между глазом и солнцем.

¹ Очерки истории Чечено-Ингушетии, т. I. Грозный, 1968.

² Вавилов С. И. Глаз и солнце. М., 1976. С. 5.

³ Там же. С. 29.

ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН ЛЮДЕЙ, ПРОИЗВОДНЫХ ОТ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПОНЯТИЯ ФЛОРЫ И ФАУНЫ В ВАЙНАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Собственные имена и фамилии, производные от слов, обозначающих понятия флоры и фауны (названия растений и животных) встречаются в языках различных семей (в тюркской, индоевропейской и т. д.). Широко развито это явление в иберийско-кавказских языках, в частности в дагестанских, нахских, картвельских языках.

Замечено, что в собственные имена в вайнахских языках превращены главным образом названия тех зверей, птиц и растений, которые олицетворяли силу, ловкость, благородство, крепость и красоту и освящались господствовавшим в нахской среде в ту или иную эпоху религиозным культом.

В связи с изменением образа жизни и идеологии народа может измениться его отношение к отдельным животным (птицам, зверям и т. д.). Так, например, животные, освящаемые при господстве христианской религии или язычества, переходят в разряд неосвящаемых при господстве ислама.

Отсюда понятна непродуктивность в нахской среде, но пережиточно сохраняющихся в наши дни у отдельных стариков, имен чеч. хьакха, инг. хьакхи (от хьакха «свинья»), чеч. херси, инг. хюрсиг «поросенок», унаследованные от периода господства языческой и христианской религий. То же можно сказать и в отношении некоторых имен, восходящих к таким животным, как чеч. цхьуогаг «лиса»; пхьаггал «заяц», которые в прошлом, при господстве язычества, были освящаемы, а ныне утратили это свойство, а слово «пхьаггал» даже табуизировано.

Период окончательного установления у вайнахских народов мусульманской идеологии ознаменовал собой появление новых, арабских имен. В этот период становятся уже «немодными» собственные имена, производные от названий тотемизированных животных и птиц, характерных периоду язычества. Широкое распространение получают такие арабские имена, как Мохьмад, Ахьмад, Зайндин, Сираждин, Муслим и другие. А в последнее время в чечено-ингушской среде имеют широкое распространение русские и интернациональные личные имена, как-то: Нина, Люба, Наташа, Ира, Анатолий и другие, которые употребляются в основном в неполной форме — Наташа, Люба, Маруса и т. д.

В результате всего этого в чеченской среде в наше время продуктивно употребляются лишь отдельные личные имена, восходящие к названиям животных и растений. Таковые мужские имена: Куьйра (от куьйра — кобчик), Леча (от леча — сокол), Олхузур (от олхузур — птица), Луоьма (от луом — лев), женские имена: Кхокха (от кхокха — голубь), Тлаус (от тлаус — павлин), Полла

(от полла — бабочка). В ингушской среде приведенные имена почти не сохранились.

Непродуктивны, хотя и сохраняются пережиточно, в чеченской среде, также следующие личные имена:

Мужские: Чабуорз («ча» — медведь, буорз — волк), Барза (от буорз — волк), Хьоза (от хьоза — воробей), Маккхал (от маккхал — коршун), Херси (от херси — поросенок), Нал (от нал — кабан) и другие.

Женские: Зиезаг (зиезаг — цветок), Заза//Зазу (от заза — цвет), ЧИегIаг ((чIегIаг — сорока) и другие. Эти имена в настоящее время не даются детям и встречаются лишь у глубоких стариков.

Превращение нарицательных названий животных и растений в личные имена в вайнахских языках происходит двояким путем:

1. Путем переосмысления нарицательного названия без изменения его фонетической структуры. Таковы мужские имена: Леча (от леча — сокол), инг. Лаьча (чаьча — сокол), чеб. лачи (лачи — сокол), акк. Леча (леча — сокол); чеч. Куьйра (куьйра — кобчик), чеб. Куори (куори — кобчик), акк. Куьйра (куьйра — кобчик), чеч. Маккхал (маккхал — коршун), инг. Маккхал (маккхал — коршун), чеб. Маккхал (Маккхал — коршун), акк. Маьккхал (маьккхал — коршун); чеч. Аьрзу (аьрзу — орел), инг. Аьрзи (аьрзи — орел), чеб. Арзав (арзав — орел), акк. Арзув (арзув — орел); чеч. Олхузур (олхузур — птица), акк. Алхазар (алхазар — птица).

Женские имена: чеч. Кхокха (кхокха — голубь), инг. Кхакху — голубь, акк. Кхокха (кхокха — голубь); чеч. ТIаус (тIаус — павлин), чеб. ТIаус (тIаус — павлин), акк. ТIаус (тIаус — павлин); чеч. Масар (масар — серна), инг. Мосар (масар), акк. Масар (масар — серна); чеч. Заза, акк. Заза (заза — цвет); чеч. Зиезаг (зиезаг — цветок), инг. Зиезаг (зиезаг — цветок) и т. д.

2. Путем изменения фонетической структуры основы — нарицательного названия животного или растения.

Таковы: а) мужские имена: чеч. Луоьми (луом — лев), чеб. Луоми (уом — лев), акк. Луоьми (луом — лев); чеч. Барза (буорз — волк), чеб. Буорзик (буорз — волк), акк. Буорзй (буорз — волк).

б) женские имена: чеч. зазу (заза — цвет), чеб. Зазов (заза — цвет), акк. Зазу (заза — цвет).

Как видно, наблюдаются следующие изменения в структуре основы нарицательных названий по диалектам при переходе их (названий) в собственные имена людей. Почти во всех диалектах, в отличие от нарицательных названий, собственные имена даны в форме косвенного падежа (с формантами -й, а, -у; -ов, -ик), отсюда разные переогласовки чеч. $уо \rightarrow \overline{уоь}$ (луом — луоьми), $уо \rightarrow \overline{а}$

(буорз — Барза); чеч. $\text{yo} \rightarrow \text{yo}$ (луом — луоми). В некоторых примерах такие переогласовки отсутствуют: чеч. Заза—Зазу, чеч. Заза—Зазов, буорз — Буорзик, акк. заза—зazu, буорз — Буорзи.

Кроме того, имеются случаи расхождений диалектов по характеру изменений структуры основ нарицательных названий при их переходе в собственные имена: см. чеч. Буорз—Барза ($\text{yo} \rightarrow \text{a}$),

акк. буорз — Буорзи ($\text{yo} \rightarrow \text{yo}$); чеч. буорз—Буорзик ($\text{yo} \rightarrow \text{yo} + \text{ик}$);

чеч. луом—Луоьма ($\text{yo} \rightarrow \text{yo} + \text{а}$), чеч. Луом—Луоми ($\text{yo} \rightarrow \text{yo} + \text{й}$),

акк. луом—Луоьми ($\text{yo} \rightarrow \text{yo} + \text{й}$);

Наблюдаются расхождения диалектов в грамматических формах нарицательного названия — собственного имени.

Так, например, в чеченском плоскостном языке и чеберловском диалекте нарицательное название Наж — дуб дано в именительном падеже, а производное от него собственное имя оформляется с формантом, а в чеченском и у в чеберловском: чеч. Нажа (наж — дуб), чеч. (наж — дуб) — Нажу. В аккинском нарицательное имя и собственное имя даны в одинаковой форме косвенного падежа: Нажа — имя, нажа — дуб.

Кроме того, следует отметить, что в целом фонетическая структура как нарицательного, так и производного от него собственного имени имеет значительное различие в разных вайнахских диалектах и представлена в ингушском и горских диалектах чеченского языка, в частности в чеберловском, где отсутствуют палатализованные звуки (аь), (уь), (уь): ср. чеч. Арзавл//арзавал, Луоми//луом, Куори//Куори; чеч. Аьрзу//аьрзу, Луоьма//луом, Куьйри//куьйри; инг. Арзи//арзи, Кер, луом и т. д.

Независимо от фонетических расхождений в структуре производящая основа — нарицательное название и производная основа — собственное имя во всех диалектах склоняются по принципу двух основ (вторая основа — форма родительного падежа), различаясь лишь характером переогласовок и наращений. В отдельных случаях собственные имена, в отличие от производящих основ, склоняются по принципу одной основы. Имеются случаи, когда имена, в отличие от соответствующих производящих основ, отнесены к слитному типу склонения¹.

1. К полному типу склонения личных имен по принципу двух основ относятся личные производные имена с согласным исходом основы именительного падежа (чеч. Зиезаг, инг. Зиезаг, чеч. Мак-

¹ Говоря о типах склонения, мы исходим из классификации типов склонения личных имен существительных, данной Н. С. Бибулатовым в его кандидатской диссер. «Типы склонения имен существительных в говорах плоскостного диалекта чеченского языка». Тбилиси, 1966.

кхал, инг. Маккал, акк. Маьккхал, чеб. Маккхал; чеч. Тлаус, акк. Тлаус, чеб. Тлаус; чеч. Олхузур, акк. Алхазар; чеч. Цхуогал, инг. Цуогал и т. д.).

По данному типу склоняются также соответствующие нарицательные названия (Зиезаг — «цветок», Тлаус — павлин, Цхуогал (Цуогал — «лиса» и т. д.). Собственное имя и нарицательное название различаются формами эрг. падежа, в котором собственное имя имеет окончание -а, нарицательное имя — окончание -уо.

К слитному типу склонения по принципу двух основ происходит слияние конечного краткого гласного основы именительного падежа, а с формантом родительного падежа -айн: — Лечи→Лечайн (й ← айн), вторая склоняемая основа — основа родительного падежа — отнесены личные имена с кратким гласным исходом основы именительного падежа: чеч. Кхокха, чеб. Кхакху, акк. Кхокха; чеч. Леча, чеб. Лачи, акк. Лечи; чеч. Куьйра, чеб. Курри, акк. Куйьра, а соответствующие производящие основы — нарицательные названия отнесены к полному типу склонения по принципу двух основ в чеченском и аккинском, а в отдельных случаях — в чеберловском. В ингушском как личное имя, нарицательные названия отнесены к слитному типу склонения по принципу двух основ: (см. образцы склонения ниже). Таковы: чеч. Куьйра//куьйра, чеб. Куори//куори; чеч. Лечи//лечи, чеб. Лачи//лаци, инг. Ляьча//ляьча; чеч. Кхокха//кхокха, чеб. Кхакху//кхакху, инг. Кхокха//кхокха и т. п.

Нарицательные названия данного типа во всех чеченских диалектах и ингушском при склонении наращиваются элементами -н// -нна, тогда как личные имена индифферентны к данному явлению. В эргативе личное имя во всех диалектах имеет формант -с, а нарицательное название — уо: Эрг. чеч. Лечас//лечануо, чеб. Лечас//Лечинуо, акк. Леча-с//Лечан-уо, инг. Ляьча-с//Ляьчан-уо. Как видно, в ингушском в отличие от остальных диалектов, наращение -н в эргативе отсутствует.

III. К упрощенному типу склонения по принципу одной основы отнесены личные производные имена с долгим гласным исходом основы именительного падежа: чеч. Аьрзу, инг. Аьрзи, акк. Арзу;

чеч. Зазу, акк. Зазу, чеб. Зазоу; чеч. Херси, инг. Харси, Попи (от пуоп — кряж) Хьакхи (от хьакха — свинья)¹. При этом долгий гласный исхода основы именительного падежа в чеченском диалекте в форме родительного падежа приобретает назальный оттенок:

чеч. им. Зазу, род. Зазу̃, акк. им. Зазу, род. Зазу̃; чеч. им. Аьрзу, род. Аьрзу̃, акк. им. Аьрзу, род. Арзу̃о, и т. д. в ингушском назальность в данных формах отсутствует. Здесь происходит дифтонгиза-

¹ Последнее имя в чеченском оканчивается на краткий гласный Хьакха, а предыдущее имя не обнаружено.

ция конечного гласного род. падежа: им. Аьрзи, род. Аьрзие, им. хьакхи, род. хьакхий.

Соответствующие нарицательные названия в чеченском плоскостном склоняются по принципу двух основ и отнесены к полному типу склонения. В ингушском и аккинском они отнесены к упрощенному типу склонения. В эргативе собственное имя в чеченском плоскостном имеет окончание -с, а нарицательное имя -уо, в ингушском и аккинском как личное имя, так и собственное имя в эргативе оканчивается на -уо, // -вуо (-вуо — в ингушском).

Например: чеч. личное имя: эрг. Аьрзус, нарицательное название — Аьрзуонуо, кк. Ахрзуо//арзуо, инг. Аьрзуо // хьакхие-вуо.

Как было указано, структура личных имен и соответствующих нарицательных названий неодинакова в разных диалектах. Этим объясняется то, что одни и те же слова в разных диалектах отнесены к разным типам склонения.

Так, например, в чеченском плоскостном личное имя Барза отнесено к слитному типу склонения по принципу двух основ;

слитный тип склонения:

им. п. Барза, род. п. Барзийн (← Барза-йн). А нарицательное название — к полному типу склонения: им. п. буорз, род. п. берзан.

В чеберловском же как личное имя Буорзиг, так и нарицательное название — буорз отнесены к полному типу склонения по принципу двух основ.

Личное имя: им. п. Буорзиг, род. п. Буорзиган.

Нарицательное название: им. п. буорз, род. п. барзин.

В чеченском плоскостном личное имя Аьрзу (от аьрзу — орел) отнесено к упрощенному типу склонения по принципу одной основы: им. п. Аьрзу, род. п. Аьрзун. Соответствующее нарицательное название аьрзу — орел отнесено к полному типу склонения по принципу двух основ: им. п. аьрзу, род. п. аьрзуонан. В аккинском как личное имя, так и нарицательное название отнесены к упрощенному типу склонения по принципу одной основы;

Личное имя: им. п. Арзу, род. п. Арзуон

нарицательное название: им. п. арзу, род. п. арзуон.

В чеберловском диалекте как личное имя, так и соответствующее нарицательное название отнесены к полному типу склонения по принципу двух основ:

Личное имя: им. п. Арзавл, род. п. Арзавле

Нарицательное название: им. п. арзавл, род. п. арзавле.

Ниже даются образцы склонения личных и соответствующих нарицательных имен.

Образцы склонения личных имен и соответствующих нарицательных названий с согласным звуком в исходе основы именительного падежа

Полный тип склонения по принципу двух основ.

ЧЕЧЕНСКИЙ ПЛОСКОСТНОЙ ДИАЛЕКТ

Нарицательное название

Личное имя

Им	маккхал	ястреб	Маккхал
Род.	маккхалан		Маккхалан
дат.	маккхална		Маккхална
эрг.	маккхалуо		Маккхала
напр.	маккхалие		Маккхалие
совм.	маккхалца		Маккхалца
срав.	маккхалал		Маккхалал
вещ.	маккхалах		Маккхалах

Нарицательное название

Личное имя

Им.	тIаус	павлин	ТIаус
род.	тIаусан		ТIаусан
дат.	тIаусана		ТIаусана
эрг.	тIаусуо		ТIауса
напр.	тIаусие		ТIаусие
совм.	тIаусца		ТIаусца
срав.	тIаусал		ТIаусал
вещ.	тIаусах		ТIаусах

АККИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

Нарицательное название

Личное имя

Им.	маьккхал	ястреб	Маьккхал
род.	маьккхала		Маьккхалан
дат.	маьккхална		Маьккхална
эрг.	маьккхал-уо		Маьккхал-а
совм.	маьккхалца		Маьккхал-ца
сравн.	маьккхалал		Маьккхалал
напр.	маьккхалие		Маьккхалие
вещ.	маьккхалх		Маьккхалх

Им. п.	тIаус	павлин	ТIаус
род. п.	тIаусан		ТIаусан
дат. п.	тIаусана		ТIаусана
эрг.	тIаус-уо		ТIауса
совм.	тIаусца		ТIаусца
срав.	тIаусал		ТIаусал
напр.	тIаусие		ТIаусие
вещ.	тIаусах		ТIаусах

ЧЕБЕРЛОВЕСКИЙ ДИАЛЕКТ

Нарицательное название

собственное имя

Им.	Маккхал ястреб	Маккхал
род.	маккхалиен	Маккхален
дат.	маккхална	Маккхална
эрг.	маккхалуо	Маккхала
совм.	маккхалце	Маккхалце
срав.	маккхалал	Маккхалел
напр.	маккхалие	Маккхалие
вещ.	маккхалах	Маккхалах

нарицательное название

личное имя

Им.	буорз «волк»	Буорзиг
род.	барзин	Буорзиган
дат.	барзана	Буорзигана
эрг.	барзуо	Буорзигас
совм.	барзаце	Буорзигац
срав.	барзал	Буорзигал
напр.	барзие	Буорзигие
вещ.	барзах	Буорзигах

ИНГУШСКИЙ ЯЗЫК

нарицательное название

личное имя

им.	Маккхал «ястреб»	Маккхал
род.	маккхала	Маккхала
дат.	маккхала	Маккхала
эрг.	маккхалуо	Маккхала
совм.	маккхалца	Маккхалца
соед.	маккхалал	Маккхалал
напр.	маккхалга	Маккхалга
срав.	маккхалал	Маккхалал

нарицательное название

личное имя

им.	цуогал «лиса»	Цуогал
род.	цуогала	Цуогала
дат.	цуогала	Цуогала
эрг.	цуогалуо	Цуогала
совм.	цуогалца	Цуогалца
соед.	цуогалах	Цуогалах
напр.	цуогалга	Цуогалга
сравн.	цуогалал	Цуогалал

Как видно, основное различие между нарицательными названиями и личными именами при их склонении во всех диалектах сводится к наличию разных формантов в эргативном падеже:

нарицательные названия имеют окончание **-уо**, личные имена **-а** (чеч., акк., чеб., инг.) и **-ас** в чеберловеском для личного имени Буорзиг и чеченском плоскостном диалекте для личного имени Нал (эрг. Нал-ас) от нал — «кабан» (эрг. нелца).

Отдельные различия в падежных формантах наблюдаются и между другими диалектами: см. инг. род. пад. **-а**: Маккхала, цхьогала (чеч. **и**, **а**, **е**, чеч., акк. **а**) дат. пад. **-а**: Маккхала, Цуогала (чеч., чиб., акк. **-на**), напр. пад. **-га**: Маккхалга, Цуогал-га (чеч., чиб., акк. **-не**), чиб. совм. пад. **-це**; Буорзигаце // барзаце, Маккхалце (чеч., акк., инг. **-ца**).

II. Образцы склонения личных имен и соответствующих нарицательных названий с кратким гласным в исходе основы **-на** именительного падежа

ЧЕЧЕНСКИЙ ПЛОСКОСТНОЙ ДИАЛЕКТ

Полный тип склонения
по принципу двух основ

Слитный тип склонения
по принципу двух основ

Нарицательное название

Личное имя

Им.	Леча — сокол	Заза «цвет»	Леча	Заза
род.	лечанач	зазанач	Лечин	Зазин
дат.	лечанна	зазанна	Лечина	Зазина
эрг.	лечануо	зазануо	Лечас	Зазас
напр.	лечение	зазание	Лечие	Зазие
совм.	лечанца	зазанца	Лечица	Зазица
срав.	лечанал	зазанал	Лечиел (ил)	Зазиел (ил)
вещ.	лечанах	зазанах	Лечиех (их)	Зазиех (их)

АККИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

Полный тип склонения

Слитный тип склонения

нарицательное название

личные имена

Им. п.	Леча — «сокол	Заза — «цвет»	Леча	Заза
род.	лечанач	зазанач	Лечин	Зазин
дат.	лечана	зазана	Лечина	Зазина
эрг.	лечануо	зазануо	Лечас	Зазас
напр.	лечение	зазание	Лечие	Зазие
совм.	лечануо	зазанца	Лечица	Зазица
срав.	лечанал	зазанал	Лечил	Зазил
вещ.	лечанах	зазанах	Лечих	Зазих

Как видно, как в чеченском, так и в аккинском нарицательное название отнесено к полному типу склонения, а личное имя отнесено к слитному типу. В эргативе личные имена имеют формант **-с**, нарицательное название **-уо**. В обоих диалектах нарицательное название наращивается **-н**.

ЧЕБЕРЛОЕВСКИЙ ДИАЛЕКТ

слитный тип склонения		слитный тип склонения	полный тип склонения	полный тип склонения
нарицательное название		личное имя	нарицат. название	личное имя
им.	Лечи «сокол»	Лечи	куори	Куори
род.	лечин	Лечин	куоринин	Куорин
дат.	лечина	Лечина	куоринна	Куоринна
эрг.	лечинуо	Лечис	куоринуо	Куорис
совм.	лечице (инце)	Лечице	куоринце	Куорице
соед.	лечиних	Лечих	куоринах	Куорих
срав.	лечинил	Лечил	куоринал	Куорил
напр.	лечиние	Лечие	куориние	Куорие

Как видно, здесь, в отличие от чеченского плоскостного и аккин-ского «Лечи» как в значении нарицательного названия, так в значении личного имени, склоняется по слитному типу склонения, различаясь лишь формантами в отдельных падежах: личное имя: эрг. Лечи-с, нарицательное название: эрг. лечинуо. Кроме того, нарицательное название наращивается элементом **-н**. Другая основа куори в значении нарицательного названия отнесена к полному типу склонения, а в значении личного имени — к слитному типу склонения, различаясь также формантами в эргативе: личное имя: эрг. Куори — с, нарицательное название: эрг. куори-уо. Кроме того, нарицательное название также наращивается звукоэлементом — **-н**.

ИНГУШСКИЙ ЯЗЫК

полный тип склонения		слитный тип склонения
нарицательное название		личное имя
им.	Лаьча «сокол»	Лаьча
род.	лаьчана	Лаьчин
дат.	лаьчанна	Лаьчана
эрг.	лаьчуо	Лаьчас
совм.	лаьчанца	Лаьчаца
соед.	лаьчах	Лаьчих
срав.	лаьчал	Лаьчиел
напр.	лаьчага	Лаьчага

Здесь мы наблюдаем отнесенность к разным типам нарицательного и личного имени: формант **-уо** в эргативе у нарицательного названия, формант **-с** — в эргативе у личного имени, а также наращение к основам нарицательного названия звукоэлемента **-ни// -н** в отдельных падежах.

III. Образцы склонения личных имен и соответствующих нарицательных названий с долгим гласным в исходе основы именительного падежа.

ЧЕЧЕНСКИЙ ПЛОСКОСТНОЙ ДИАЛЕКТ

полный тип склонения
по принципу двух основ

Упрощенный тип склонения
по принципу одной основы

нарицательное название

личное имя

им.	аьрзу «орел»	Аьрзу	Зазу
род.	аьрзуна ¹	Аьрзу (yo)	Зазу ¹
дат.	аьрзунна	Аьрзуна	Зазуна
эрг.	аьрзунуо	Аьрзус	Зазус
напр.	аьрзунне	Аьрзуна	Зазуна
совм.	аьрзунца	Аьрзунца	Зазуца
срав.	аьрзунал	Аьрзуол	Зазул
соед.	аьрзунах	Аьрзух	Зазух

Как видно, собственное имя и соответствующее нарицательное название различаются также формантами эргативного падежа: у собственного имени -с, у нарицательного названия -уо. Наричательное название наращивается звукоэлементами -н/-нн.

АКККИНСКИЙ ДИАЛЕКТ

Упрощенный тип склонения по принципу одной основы.

нарицательное название

собственное имя

им.	арзу «орел»	Арзу	Зазу
род.	арзуон ¹	Арзуон	Зазуон
дат.	арзуона	Арзуона	Зазуона
эрг.	арзуо	Арзуо	Зазуо
напр.	арзуога	Арзуога	Зазуога
совм.	арзуоца	Арзуоца	Зазуоца
срав.	арзуол	Арзуол	Зазуол
сред.	арзуох	Арзуох	Зазуох ¹

Примечательно, что в аккинском диалекте, в отличие от чеченского плоскостного, основы данного типа как в значении личного имени, так в значении нарицательного названия отнесены к упрощенному типу склонения по принципу одной основы, а также в обоих значениях склоняются одинаково с одними и теми же формантами и без наращений. То же отмечается в ингушском.

¹ Здесь, как и в чеченском плоскостном, производящая основа — нарицательное название Заза «цвет» по характеру гласного исхода (краткий а отнесено к другому, полному типу склонения, потому мы в данном разделе опускаем ее).

СЛИТНЫЙ ТИП СКЛОНЕНИЯ

ЛИЧНОЕ ИМЯ

им.	аьрзи орел	хьакхи свинья	Аьрзи	Хьакхи
род.	аьрзие	хьакхи	Аьрзие	Хьакхие
дат.	аьрзиена	хьакхина	Аьрзиена	Хьакхиена
эрг.	аьрзиева	хьакхивуо	Арзиева	Хьакхие
совм.	аьрзица	хьакхица	Аьрзица	Хьакхица
соед.	аьрзиех	хьакхиех	Аьрзиех	Хьакхиех
срав.	аьрзиел	хьакхиел	Аьрзиел	Хьакхиел
напр.	аьрзиега	хьакхига	Аьрзиега	Хьакхиега

Как видно, и данные основы в разных диалектах отнесены к разным типам склонения. Так, например, в чеченском плоскостном диалекте нарицательное название отнесено к полному типу склонения по принципу двух основ, а личное имя — к упрощенному типу склонения; в аккинском и ингушском же как нарицательное название, так и личное имя отнесены к упрощенному типу склонения. В чеберловском подобные имена нами не обнаружены.

Кроме того, диалекты различаются также падежными формантами: чеч. плоск., эрг. п. **-уо, -с**, инг. **-ва// -вуо// -ие**, акк. **-уо**; чеч. плоск., напр. п. **-ние// -га**, акк. инг., напр. п. **-га** и т. п.

Мы продемонстрировали различие между собственными именами и нарицательными названиями, имеющее место в их склонении в разных диалектах.

Кроме того, собственные имена и соответствующие нарицательные названия различаются тем, что первые служат базой для образования форм множественности — собирательности со значением «некто со своими сторонниками, единомышленниками, семьей» с помощью суффикса чеч. **-гIар// -ар**, инг. **gIар, -ар**, акк. **-ар**, чеб. **-гIар**: чечен. АрзугIар//ар, «Аьрзу и его сторонники», семья; инг. АьрзигIар -ар, акк. Арзувар, чеб. арзавлгIар и т. д.

Форма же множественного числа от соответствующих нарицательных названий образуется посредством обычных формантов множественности — **-ш// -нш// -еш// -наш// и -луой**: чеч. пл. аьрзу-ш, «орлы», акк. арзуош, инг. арзиеш, чеб. арзавл-еш, чеч. пл. куьйра-наш, «кобчики», акк. куьйра-нш, чеб. куори-ниш, чеч. пл. берзалуй, «волки», акк. берзлуой, чеб. барзи-луой и т. д.

Эти особенности личных имен и нарицательных названий распространяются на все языки и диалекты нахской группы.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ ИЗ НАХСКОГО (ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОГО) И ХУРРИТО-УРАРТСКОГО ГЛОССАРИЕВ

Вопрос о генетическом родстве неиндоевропейских и несемитических языков Древней Передней Азии, в частности хуррито-урарт-

ско^{qo} ¹ с иберийско-кавказскими языками, не может считаться на сегодня решенным, хотя все новые и новые факты структурно-грамматического и лексико-семантического характера вселяют уверенность в перспективность постановки данного вопроса.

Вот что по этому поводу пишет профессор И. М. Дьяконов: «...Вероятность отнесения Северо-восточнокавказских и хуррито-урартских к одной семье... не только с 1954 года, когда эта мысль впервые была сформулирована, но и с 1972 года несомненно возросла...» ².

Разумеется, окончательное решение такого сложного вопроса немислимо оперируя данными лишь одного языка или одной группы иберийско-кавказских языков. Тем не менее наше внимание в данной статье обращает на себя поразительные, на наш взгляд, сходства отдельных глосс из хуррито-урартского и нахских языков. При этом мы в определенной степени руководствуемся версиями последних лет о наибольшей близости хуррито-урартскому нахских языков — цова-тушинского, чеченского и ингушского языков. Вот что об этом писал академик А. С. Чикобава: «Уже сейчас можно сказать, что некоторые стороны языка урарту объясняются с помощью иберийско-кавказских языков, в особенности нахских (чеченского, бацбийского) языков...» ³.

И далее: И. М. Дьяконов: «...лексические изоглоссы с хуррито-урартским падают в большинстве на вайнахскую (чечено-ингушскую) подгруппу, несколько реже на лезгинскую и аваро-андо-цезскую» ⁴.

Предметом данного сообщения явились два хурритских топонима **hurri** и **Seri**, названия двух гор, поддерживающих, по хурритской мифологии, небесный свод и переводимых хуррито-урартологами соответственно как «утро или восток» (**hurri**) и «вечер» (**Seri**), а по другой версии соответственно, как «день» и «ночь» ⁵. При этом горы эти были освящаемы и символизировали собой бога грозы и неба, олицетворением коего считался бык, который подпирает якобы небесный свод ⁶. Отметим здесь же чеченскую легенду о том, якобы земля держится на рогах быка, которому стоит повернуть голову, как происходит землетрясение. Бык у нахских племен так-

¹ Признано, что хурритский и урартский языки относятся к одной группе и представляют собой диалекты одного общего языка.

² Дьяконов И. М. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки. Сб. Древний Восток. Ереван, 1978. С. 38.

³ Чикобава А. С. Проблемы родства иберийско-кавказских языков. Тезисы докладов. Махачкала, 1965. С. 7.

⁴ Дьяконов И. М. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки. С. 30.

⁵ Гери О. Р. Хетты. «Наука»: М., 1987. С. 127; Дьяконов И. М. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки... С. 32.

⁶ Гери О. Р. Хетты. С. 127.

же, как в Древней Передней Азии, Египте, освящался. Отметим также, что в функции бога грозы и неба, а следовательно, и повелителем суточного движения солнца в нахской мифологии выступал Сиел (ср. урарт. **Seri** — ночь), ср. нахск. **Диел**, а также греч. **дзе-вс** в той же функции) ¹.

У чеченцев и ингушей до недавнего времени были освящаемы и почитаемы горы, урочища и горные вершины. Таковы: **Мят-лам** (русск. Столовая гора), **Эрд-корта** «гора Эрд» (Эрд — святоша, святое) — Ингушетия; **Дакох-корта** (груз. **Дикос-мта** «гора бога добра **Дако**//**Дика** (-х — формант падежа) — об-во Майста; **Эр-тин-корта**, **Эрдсан-корта** «священные горы» — Веденский район, **Гелин-корта** «гора бога солнца **Гели** (ср. греч. **Гелиос** — бог солнца) — об-во **Зумс** (горная Чечня).

На некоторых из этих гор до наших дней сохранились храмы, святилища, посвященные языческим божествам **Гал**, **Эрд**, **Цлу**, **Мят** и др. ², которые в представлении древних вайнахов являлись покровителями неба, солнца, природных явлений и т. д. Были божества, символизирующие времена года и суток и соответственно приуроченные к горам, урочищам. Таковы: **Бласта-лам** «гора весны» от **bla**//**mla** — бог Солнца (ср. урарт. **Ma**), **-с** (← **са**) — пространство, земля, **-та** — формант локат. падежа (ср. хур.-урарт. **-та**//**тта** в той же функции) — об-во Мелхиста; **Ахка-чу** — урочище (**ахка** — лето, **-чу** — «в»); **Гийр-чу** — урочище осени (**гийр**//**гуьйр** — осень, **-чу** — «в»); **Юнга-чу** — урочище (от **la** — зима, место нахождения, **-ча**, **-чу** — форманты местных падежей) — горная Чечня. Отмечены также горы, символизирующие утро и вечер.

Во всем этом мы видим сходство образа мышления, в т. ч. религиозного мышления хурр-урартийцев и нахов в историческом аспекте.

Остановимся на идентификации интересующих нас глосс с соответствующими нахскими лексемами.

Хурритск. **hurri** — утро и название горы. Отсюда хуррит. (**hurrit**), хоррит (от **hogi** — др. евр.). Исходная форма **hurri huri** — (в Египетских источниках): производная форма — прилаг. **hurwo-he hurro-he** (ср. чеч. **hurwa**) — хурритский (чеч. тот, кто из **hurri**) ³.

В урартском хурритской форме должна соответствовать (если глосса эта там сохранялась — **hur(i)** или **khur(i)** с учетом звуко-

¹ Чокаев К. З. Образ Прометея в фольклоре чеченцев и ингушей. Изв. ЧИНИИЯЛ. Т. 6. Литературоведение. Грозный, 1972.

² Шамилев А. И. Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный, 1963; Б. Далгат. Древняя религия чеченцев. Владикавказ, 1895.

³ Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии. «Наука»: М., 1967. С. 115—117.

соответствия между хурритским и урартским, согласно мнению И. М. Дьяконова¹.

В нахских языках и диалектах глосса образует обширное гнездо слов разных лексико-грамматических категорий, что свидетельствует о древности данного жорнеслова; см. чеч. (лит.) **Иуьйрие** — утро, **Иуьйррие** — утром (рано), **Иура** — утром, инг. **Иуьйрис** — утро, **Иура** — утром, **Иуррие** — утром (рано), кист. **Иуьрие** — утро, **Иуррие** — утром (рано), чеб. **Ииврие** — утро, бабб. **Иурдние** — утро; см. также чеч. **Иуьранна** (-нна — формант падежа) — утром, **Иуора** — оголение, **Иу** — пастух (ср. адыг. **Иахью** — пастух)² и т. д.

Данный корень встречается также, как отмечалось, в нахской топонимии; см. **Иийрие дукъ** — букв. хребет утра. Место это, по рассказам здешних обитателей, примечательно тем, что сюда первыми приходят солнечные лучи, оно было освящаемо по этой причине предками горцев-язычников (общество **Тьерла**). Кроме того, гора эта характеризуется как ровное красивое плато; см. также мест. **Иур(а) тлехьал** — букв. «за хребтом **Иура** (утра) (общество Чента); **Иийрачие** — урочище в обществе **Тьерла** букв. «в утре» (**чие** — «в») и т. д.

Для полной идентификации сравниваемых глосс остановимся на их фонетико-грамматической структуре.

Так на базе современных нахских языков лексема членится на следующие морфемы в историческом аспекте: **Иу** — корень, **-р(-рра)** — формант исходного падежа (см. **Ца** — **це-ра** «дом — из дома», **лам**—**лома-ра** «гора — с горы», **ниекъ** — **новкъа-ра** «дорога—с дороги» и т. д. Формант этот отмечен в топонимии; см. **Ша-ра**, **Хьача-ра**, **Шикъа-ра** (общества в горной Чечне); **Цюьнта-ра** (село). Во многих случаях формант этот трудно вычленишь с точки зрения современного языкового сознания (**Ша-ра**, **Шикъа-ра** и др.), но встречаются и в «живом» виде³; конечный звукоэлемент **-ие**—формант напр. падежа; см. **хан** — **хен-ие** «время — ко времени», **дечиг** — **дечгие** «дрова — за дровами» и т. д. Отмечен и в топонимии: **Новр** — **Невр-ие** «Наур — в Наур» (село), **Галан** — **Галн-ие** «Галан — в Галан» (село), **Гизлар** — **Гизлар-ие** «Кизляр — в Кизляр» (город) и т. д.⁴

Корень **Иу** отмечен с разными огласовками — **Иу/Иа/Иав/Иай/Иой/Иов**, архетипом следует считать — **Иа/Иав/Иай**, **Иу** вторичен и результат слияния **а** и **в**: **ахв**—**у**⁵; ср. **Иавла** (жхуор) — «зимняя (груша)», **Иавла** (Иаж) «зимнее (яблоко)»; **Иавла** **Иахар** — «ягненок зимнего окота» (отсюда **Иавларг** в том же значении). Поскольку

¹ Там же.

² Адыгейско-русский словарь. Майкоп, 1975. С. 426.

³ Чокаев К. З. Аффиксальный способ образования топонимических названий в вайнахских языках. Сб. статей. ЧИННИИЯЛ. Грозный, 1964.

⁴ Там же.

⁵ Чокаев К. З. Морфология чеченского языка. Ч. II. Грозный, 1970. С. 17—25.

первичное значение данного корня «пребывать, жить в состоянии покоя», то связь *Ia/Iai/Iav* «зима», «зимой», *Ia* — «жить, находиться» с указанной семантикой легко просматривается; ср. также *Iai-la* — место проживания, нахождения (в состоянии покоя), *Iiелие* (*a*—*ie*) — «потусторонний мир (в смысле вечный покой)». Таким образом первооснова глоссы *Ia/Ia/Iav/Iai* относится к древнейшему слою лексики иберийско-кавказских языков. Такие слова были односложными и индефинитными, когда еще не были дифференцированы на части речи¹, что хорошо усматривается в корне *Ia/Ia* «зима» и «жить, пребывать в состоянии покоя». Разные огласовки, сочетающиеся подчас с формантами — результат дальнейшего развития и дифференциации их на части речи; см. *Ia* — зима, *Ia* — жить, находиться, пребывать, *Iуьра/Iуора* — босой, голый, оголение, *Iуьйра* (ламаз) — утренний намаз, *Iуьйррие* — утром (рано) и др. Мы склонны сюда же отнести *Iу* — пастух, *Iуьрг* — дыра, инг. *Iул* — табун (крупного рогатого скота) и т. д.

Остановимся на структуре хурр.-урартского варианта глоссы — *hurri//khur(i)*. Членима ли данная глосса? На этот вопрос можно ответить положительно, исходя из исследований урартологов, которые отметили, что как в хурритском, так урартском древнейшие корни были односложными, как и в иберийско-кавказских языках, в частности в нахских, типа согласный + гласный (СГ) или гласный + согласный (ГС)². И если такая основа была осложнена вторым согласным, то этот последний представлял собой формант. Таких формантов было от двух до пяти³. Такое положение мы имеем и в нахских языках; см. древние нахские топонимы: *МIай-с-та*, *Маь-л-ха-ста*, *Бла-с-та-л-Ia* и др.⁴. Все эти форманты несли этимологически определенные грамматические нагрузки. Следовательно, хурр. глосса *hurri* можно членить *hu-rr-i* (*hu* — корень, *-rr*, *-i* — суффиксы).

Остановимся на фонетической структуре хурр. глоссы, к которому ближе всех прочих стоит вариант *Iуррие* (инг., мелх. и др.), т. к. чеченское палатализованное (*уь*) вторично по отношению к непалатализованному (*у*) в ингушском, мелхинском и других вариантах горских чеченских диалектов. Начальные (*h*) в хурр. и (*I*) в нахских неадекватны. Нахское (*I*) — смычная гортанная (ларингальная) согласная фонема приблизительно соответствующая арабскому *Σ* (айн), отмеченный также в хурр.-урартском как сла-

¹ Яковлев Н. Ф. Материалы для кабардинского словаря. Вып. I. М., 1927; Чокаев К. З. Морфология чеченского языка. Ч. I. Грозный, 1968; Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских народов Кавказа. Грозный, 1963.

² Мешанинов И. И. Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка. Наука: М., 1975. С. 14; Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии... С. 132. Мешанинов И. И. Грамматический строй урартского языка. Ч. II. М., 1962.

³ Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии.

⁴ Чокаев К. З. Морфология чеченского языка. Ч. II.

бoпpoизнoсимый cпиpaнт — *ṣagī* — зaмoк др.¹, нo в интepecующeй нaс глoccе *hurri* дpyгoй звyк, пo мнeнию иccлeдoвaтeлeй, a имeннo: глyxoй и звoнкий язькoвoй пpидыxaтeльный cпиpaнт². Нo aртикyляция дaннoгo звyкa нe дo кoнцa eщe выacнeнa. C yчeтoм paзныx мнeний ypaтoлoгoв мoжнo oтмeтить, чтo знaк пepeдaвaл щeлeвoй звyк зaднeгo рядa. Cxoдныe звyки имeютcя в нeмeцкoм, грeчecкoм и имeлeя в хeтcкoм, гдe oн xapaктepизyeтcя кaк лaрингaльный (cр. нaxcкий)³. В ypaртcкoм eмy cooтвeтcтвyeт звyк, пepeдaвaeмый чepeз (*hu*)⁴.

Таким образом, звук этот в хурр. был близок к нахскому (*j*), если учесть слабо выраженную смычность последнего. Не исключена здесь также возможная неточность, допущенная хурритским писцом при передаче данного звука аккадо-ассирийским силлабарием. Вот что по этому поводу пишет И. И. Мещанинов: «В ассирийском силлабарии почти каждый слоговой знак имеет несколько значений, в уартском же его использовании учитывается только одно из них»⁵. Сказанное, надо думать, относится и к хурритскому, учитывая близкое родство последнего с уартским и то, что уартийцы заимствовали систему письма у хурритов. Небезынтересно отметить здесь же, что звук, передаваемый через (*h*) в хеттском, как отмечалось, был ларингальным, как в нахском (см. выше). Гортанные звуки были также и в хуррито-уартском⁶.

В хуррито-уартском (*y*) и (*o*) не различались и передача корневого гласного через (*y*) в хурритском *hurri* условно, т. к. здесь

мог быть и (*y*) и (*o*)⁷ ср. др.-евр. *ḥorī*. В нахском этот звук верхнего подъема, заднего ряда. Вибрант (*ṛ*) в хурр. был глухим и в начале слова, как и в уартском, не встречался, как и в нахском, произносился со слабым дрожанием, встречался в удвоении⁸. Так что здесь мы имеем довольно убедительное сходство в нахских и хуррито-уартском.

Мы пока затрудняемся объяснить функционально-грамматическое сходство (*p*), (*pp*) и конечных (*и*), (*ие*) в хурритском и нахских, хотя в последнем все ясно, как уже указывалось. Однако, можно предположить, пользуясь данными уартологов и имея в виду односложный характер структуры хуррито-уартских основ, что (*p*) (*pp*) мог быть формантом, как в нахских (см. выше), ср. формант комитативного (совместного) падежа в хурритском -а⁹

¹ Мещанинов И. И. Грамматический строй уартского языка...

² Мещанинов И. И. Аннотированный словарь... С. 14.

³ Герни О. Р. Хетты, С. 109.

⁴ Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии... С. 128.

⁵ Мещанинов И. И. Аннотированный словарь... С. 59.

⁶ Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии... С. 128.

⁷ Там же. С. 124, 125.

⁸ Там же. С. 128; Мещанинов И. И. Аннотированный словарь... С. 157.

⁹ Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии. С. 107—110.

(возможно, здесь имеем не совместный, а исходный, как в нахском, который не засвидетельствован урартологами); см. в этой связи форманты напр. падежа в хуррито-урартском и нахском: ед. ч. **da** < **ta**, мн. ч. (a) **šta** (хурр.), — **da** (е. ч.), — (a) **šda** (мн. ч.) в урартском, — **ta**, **да** (е. ч.)¹, — **ашда**, — **ашта** (мн. ч.) в чеченском и пр. Здесь налицо материальное совпадение формантов не только напр. падежа, но и формантов мн. ч. (a) **sta** (в хуррито-урарт.) и — **ашда** (в чеч.). Конечный гласный (дифтонг) в нахских -ие — формант напр. падежа. По мнению урартолога профессора И. М. Дьяконова² и других, дифтонги передавались в урартском хурритскими монофтонгами, т. к. имело место монофтонгизация дифтонгов; имелись случаи **y/o**, **и/e/a**³ и т. д. Отсюда закономерно соответствие нахскому [-ие] [i] в хурритском. Таким образом мы имеем почти полное материальное сходство вариантов глоссы в хурритском и нахских. Однако о функциональном сходстве составных частей вариантов глоссы в сравниваемых языках не все ясно. В бацбийском варианте мы имеем форманты -д и -ние, которых нет в других нахских. Это форманты направ. падежей, одновременно присоединившиеся к корню. Возможно, [-Т] в хурритском **хуррит/хоррит** имеет сходство с указанным бацбийским -д. Пока этот вопрос остается открытым. Однако наличие локативно-напр. формантов в бацбийском указывает на оттопонимический характер глоссы.

В нахском языке-основе корень-архетип глоссы выступал а + ав — с огласовкой — **la//lav**. В хурритско-урартском корень этот мог иметь такую же фонетическую структуру, если иметь в виду, что там имелись случаи **a/y**, хотя грамматическая нагрузка такого перебора нам не совсем ясна. Надо полагать, что именно указанная структура отразилась в производных формах **Арарат /Айрарат/ Ауарат** (вариант **Урарат**) даже в др. римском **Аврора** — богиня утренней зари. Было отмечено на нахском материале (см. выше) закономерность а—у: слияние **а** и **в** (ср. чеч. **lavla** (ав—у)). Возможно, пример **Аврора** из римского будучи более архаичным и отражает сочетание -ав, давшее -у. Отсутствие согласного в начале производных форм объяснимо с учетом неоднократных транслитераций, ср. также урарт. **Hald /Ald** — верховный бог и т. д. см. также **Ура//урра** в области между верховьями Тигра и Евфрата⁴, а также **Урарат/Урарту/Арарат**. Думается, что архетип основы нахского **la//lav** представлял собой indefinitную основу со значением «находиться», «пребывать» вообще безотносительно ко времени: ср. хуррито-урартское **aie//aia** «находиться», «пребывать»; **eir**

¹ Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии. С. 138.

² Там же. С. 131.

³ Дьяконов И. М. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки... С. 30.

⁴ Меликишвили Г. А. Урартские клинописные надписи. М., 1960. С. 46; Мещанинов И. И. Аннотированный словарь.. С. 205; Арутюнян Н. В. Топонимика Урарту. Ереван, 1983. С. 211.

(чеч. **luer**) «пребывание», «нахождение»¹. Временное значение (значение времен суток) он (архетип) приобрел после перехода **a > y**. Отсюда хур. **hurri**, чеч. **луьррие**, инг. **гуррие** — название горы и «утро, утром рано (именно), герр «именно на горе».

Что же касается ударения в глоссе. в ее хурритском варианте, то вопрос этот остается не до конца изученным в исследованиях урартологов², в нахских же оно стоит на первом слоге.

Хуррит, **seri** — вечер, ночь, урарт. **siel** — **ночь**. Расхождение между хурритским и урартским вариантами закономерны: **s ~ s** имело место между родственными хурритским и урартским (см. ниже) **г ~ l** также имело место в этих языках; ср. чеч. Суьр-корта//Суьла-корта, выпадение конечного (**i**) после сонорных также отмечено³. Таким образом, идентичность хурр. **šeri** и урарт. **siel** не подлежит сомнению.

Остановимся на идентификации хуррито-урартских и нахских вариантов глоссы; см. чеч. **сара/сарахь** — вечером, **суьйрие** — вечер, инг. **сайрие** — вечер, кист. **сейр**, чеб. **сиврие** — вечер, акк. **суьрие**, бабб. **псарло** в том же значении.

Наибольшую близость к хурритскому проявляет кистинский вариант — **Сейр**, если учесть возможность выпадения конечного (**i**) после сонорных в хурритском и эпентетический характер (**й**) в кистинском (ср. также чеб. **сиврие** (**в**)).

Объясним некоторые расхождения: **š** (шипящая) в урартском читалась как **s** (**с**) (свистящая). Вот что по этому поводу пишет Г. А. Меликишвили: «Следует особенно оговорить произношение **s** и **š**. В эту эпоху, когда урартийцами была заимствована клинопись у ассирийцев (по другой версии у аккадцев — К. Чокаев), у этих последних **š** (**ш**) произносится, как **s** (**с**), поэтому естественнее предположить, что знаки, содержащие **š**, урартийцами переняты в значении **s**»⁴.

О том же пишет профессор И. М. Дьяконов: «Если в новоассирийской клинописи знаки, содержащие **š** читались через **s**, то надо думать, что таково должно было быть положение в урартской клинописи, имея в виду происхождение последней»⁵. А вот в хурритском, по мнению И. М. Дьяконова, урартскому должен соответствовать то ли шипящая аффриката (**дж**), то ли свистящая аффриката (**дж**), то ли свистящая аффриката (**тс**) или что-то в этом роде⁶. В чеченском чередование свистящих и шипящих аффрикат также отмечено; ср. **суьйрие** — вечер, но **джиерриа(хь)** — вечером (рано)

¹ Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии... С. 126, 127.

² Там же, С. 131.

³ Там же, С. 123.

⁴ Меликишвили Г. А. Указ. соч. С. 46.

⁵ Дьяконов И. М. Материалы к фонетике урартского языка. Сб. Вопросы грамматики и истории восточных языков. М., 1958. С. С. 27, 38, 53.

⁶ Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии. С. 127.

(ср. — **джие́ра хенахь**), ср. также **цвел/сиел** — мотыга, **бетгаса** (инг. **бетгаза**) — лунный свет и т. д. Так что в любом из приведенных случаев близость нахского и хуррито-урартского вариантов глоссы не исключается. Что касается **i/ие** в хуррито-нахских, то возможность такого перебоя была оговорена выше.

С точки зрения морфемного анализа нахский вариант глоссы членится так: **се/са/сей/сив** — корневая морфема, **-р** — формант исходного падежа (как и в **hurri//jyrie**), **-ие** — формант направительного падежа (см. также выше). В бацбийском варианте — **псарло п-** — рудиментарный классный экспонент, **-ло** — формант направительного падежа, синонимичный **-р**, свойственного всем нахским языкам, в т. ч. бацбийскому. Такое членение допустимо и в хуррито-урартском, памятуя отмеченную выше односложность корня в последнем, хотя пока мы не можем окончательно решить вопрос о грамматических функциях составляющих морфем глоссы, что особенно относится к формальным морфемам.

Остановимся на этимологии корня **са/се** (**а/е** допустимо и в хуррито-урартском). В нахском **са** — пространство, земля, страна, внешний мир (ср. корреляция: **ia** — внутри, внутренний мир, **са** — внешний мир); см. топонимы чеч. **Саятта (-тта)**, **Сан-та**, **Сада (-та/-да** — послелог, ср. **-та/да** в той же функции в хуррито-урартском) ¹.

Данный архетип отмечен в хуррито-урартском в самостоятельном употреблении в значении пространство, страны, как и в нахском (ср. урарт. **Алусе** — правитель страны, **Алу** — правитель, /местность, место, почва, страна) ².

Отсюда допустимость, как и в нахском, корреляции в хуррито-урартском **хи** — внутренний мир, **се** — внешний мир, что наталкивает на мысль о сходстве функций остальных морфем обеих глосс, вернее сходстве морфем хуррито-урартских вариантов с нахскими.

Кроме того, звукоэлемент **са//се** отмечен в сходном значении во всех иберийско-кавказских языках и топонимии и, видимо, относится к отмеченному выше древнейшему слою общекавказской лексики, см. груз. **Саспер-а** — страна сперов ³, **Сакартвели** — страна картвелов и др.

Таким образом, если глосса хурритское **Hurri** и нахские **Iurrie//Iuryrie** выступала в функции названия горы, по которой определяли восход солнца и наступление утра, то **ḫerī** и **Суьрие/сейр** функционировали как название горы, по которой определяли заход солнца и наступление ночи. Горы с первым названием на территории Нахистана мы уже приводили. Отметим горы с названием «вечер».

¹ Халатьян Г. А. О некоторых географических названиях Древней Армении в связи с данными ванских надписей. ВДИ № 2, 1949; Арутюнян Н. В. Топонимика Урарту. Ереван, 1985. С. 211.

² Голловлев Л. М. Царство Алзи во II половине II тыс. до н. э. Сб. Древний вестник. Ереван, 1976.

³ Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии. С. 117.

Сайр — горная вершина (возле с. Гучум-Кале. Отсюда название обитателей этих мест — **Сайр-уой** (-уой — суф. лица); **Сайриехънх** — склон горы Сайр (общество мулкъ) и т. д. Так же названы две рядом стоящие горы на плоскости Чечни — **Суър-корта** и проход между ними — **Шина Суъра юкъ** (букв. «Между двух суър»).

Мы поинтересовались у местных горцев о том, как они определяли времена суток. Служили ли для них горы определителями суток. Житель Шароевского общества (с. **Бути**) **Мажиев Умархаджи** (60 лет) нам рассказал по этому поводу следующее.

По горной вершине **Кхачкарие**, возвышавшейся над селом, мы, мол, определяли времена года и суток. На горе была отметина — **Кхаълие** (от **кхаъл** — коренной зуб). Когда утром солнце своими лучами освещало указанное место, говорили **Малх Иуиренан кхаъле балле** — «Солнце вышло к утреннему кхаъле». Вечером, когда солнце идя на закат бросало свои лучи на указанное место, говорили «**Малх сиврание кхалие балле** — «Солнце вышло на вечернее кхаъле».

На наш вопрос: Можно ли гору, по которой определяли восход или закат солнца назвать соответственно **Иуриена лам** «гора утра» или **сурена лам** — «гора вечера»? — **Мажиев** ответил положительно. Все это не может не пролить свет на этнокультурные и языковые связи нахов (как и других народов Кавказа) с народами Древней Передней Азии, и в частности с хуррито-урартийцами.

Если приведенный нами материал окажется достоверным (о чем судить специалистам), то мы убеждены в том, что сделали еще один шаг на пути к окончательному решению проблемы родства хуррито-урартского и нахских языков.

ОБ ОБЩИХ ЯЗЫЧЕСКИХ КУЛЬТАХ ХУРРИТОВ И ВАЙНАХОВ

Одной из особенностей известных нам религиозных культов является их интернациональность. Сказанное относится не только к монотеистическим религиям к таким, как иудейство, христианство, магометанство и буддизм, но и древнейшей религии — язычеству, при которой первобытный человек поклонялся не только одному-единственному богу, а множеству божеств, олицетворяемых различные явления мироздания и общества природы. Так, мусульмане, в том числе вайнахи, почитают пророков иудейской и христианской религии, как **Моисей** (чеч. **Муса** — пайхамар), **Авраам** (чеч. **Ибрех-Им-пайхамар**), **Соломон** (чеч. **Сулима-пайхамар**), **Мария** (мать **Иисуса**, чеч. **Марьям**), **Ной** (чеч. **Нохъ-пайхамар**), **Адам** (чеч. **Адам-пайхамар**), **Иисус** (чеч. — **Иса-пайхамар**). Примечательно, что иудейство, христианство и магометанство считаются родственными как в генетическом, так и типологических аспектах. По времени возникновения иудейство древнее, чем христианство и мусульманство, и послужило подосновой для последних.

Типологически общими особенностями отличались и языческие верования у разных народов. Что хорошо прослеживается на примерах сходства функций и имен языческих культов народов Древней Передней Азии — хурритов, урартов, хеттов и других, с одной стороны, вайнахов (чеченцев, ингушей) — с другой.

Так, в мусульманской мифологии широко известно имя языческого божества древних евреев — **ПирІун**. Отношение к нему у мусульман резко отрицательное, так как он яркий противник монотеистической религии — иудейства. Симпатии верующих мусульман, в том числе у вайнахов, на стороне Муса-пайхамар (Моисея), который в жестокой борьбе с грозным ПирІуном закладывает основы новой монотеистической религии.

Безусловно, здесь мы имеем дело с Перуном, широко известным в мифологии славян, в том числе русских, как грозный громовержец. Образ этот известен не только у семитов, славян и нахов, но, надо полагать, всему христианскому и мусульманскому миру.

Безусловно, этот образ зародился первоначально в древнееврейской культурной среде, в связи с нарождающимся иудейством как следствие борьбы новой религии со старой. И уже отсюда распространился среди носителей прочих религий — мусульманства, христианства, возникших, как было сказано, на иудейской основе. Здесь мы имеем дело с распространением приведенного образа путем заимствования из одной среды в другую.

Иначе следует рассматривать пути распространения языческих божеств и их названий, встречающихся у народов Древней Передней Азии, а также и вайнахов.

Здесь мы имеем дело с генетическим родством народов Месопотамии, в частности хурритов, урартов и вайнахов.

Остановимся в основном на сравнении теонимов из урарто-хурритского и вайнахского, так как, во-первых, на сегодня в науке имеются достаточные обоснования наличия генетического родства между этими языками, во-вторых, в Древней Азии, начиная с середины III тысячелетия д. н. э. до конца I тысячелетия н. э. хурриты были тем народом, культурное влияние которого на остальные народы данного региона, вплоть до Египта и Северного Средиземноморья, было доминирующим¹. Значительное количество топонимов в хеттский, ассирийский, фригийский и другие языки Древнего Востока проникли именно из хурритского языка. Хеттские цари в частности носили хурритские имена и проповедовали языческие верования хурритского толка. Хурриты в одно время завоевали Египет и установили там свою царствующую династию. В продолжительное время египетские фараоны брали в жены хурритских девушек. Есть мнение (пока окончательно не установленное), что

¹ Хачикян М. Л. Хурритский и урартский языки. Ереван, 1985; Марр Н. Я. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры. М.-Л., 1933.

известная египетская красавица Нефертити, мумию которой обнаружили в недавнее время, была хурриткой по происхождению. Хурритское влияние, согласно исследованиям ученых, распространилось к Западу вплоть до Апеннин и Корсики. (см. об этом ниже).

Древнейшим божеством языческого пантеона всей Месопотамии являлся **Ану** (шумерское — **Ан**, этруск. **Ани**), олицетворявшее небо, небесный свод. В вайнахских мы имеем ему полную параллель — **Ан**. Например, до сих пор в чеченском и ингушском языках есть выражение **Ан-юх** — **горизонт**, место, где небо сходится с землей, где в фонетическом и семантическом плане присутствует данный теоним. Надо думать, что данное божество берет свое начало в Шумере. Но было широко распространено в хурритском, из которого оно заимствуется в другие языки Месопотамии и родственный этрускский язык.

Как правило, теонимы со временем трансформируются в собственные имена женщин и мужчин. Это доказано в науке. Не является, вероятно, исключением и данный теоним. Надо полагать, что в женском имени Ану (чеч.), бытующем в наше время, мы имеем подтверждение такой трансформации. Божество это было свойственно и хеттам, но как хурритский по происхождению.

Вот что по этому поводу писал известный ученый О. Р. Герни: «Такие месопотамские божества как Ану и Анту, Энлиль и Нинлиль, Эа и Дамкина были известны хеттам через хурритскую религию и часто упоминаются в текстах и считались чужеземными»¹.

Наличие данного божества у Этрусков не должно нас удивлять, имея в виду генетическое родство последних с хурритами.

Если Ану функционирует как имя женского божества, то родственное ему Анту, видимо, представлено в мужском имени Анта, бытующего у чеченцев в настоящее время, но в значительной степени устаревшего.

Во всей Месопотамии распространен был бог грозы Хьадод (русс. транскрипция Адод). Бронзовая статуя этого грозного бога была выставлена в Дамасском историческом музее в Сирии.

В чеченском языке имя этого бога бытует как мужское имя Гадод/І-хь/.

Другой бог грозы у хурритов носил имя Тешуб, которое использовалось с разными приращениями и как имя царя и его приближенных — Урхе-Тешуб, Лиги-Тешуб, Ник-Тешуб и другие.

Думаю, что корневая часть этой глоссы **-Теш** имеет аналогию с вайнахскими **Туш**, **Тушол**, **Тушоли** и др. (л, г — детерминанты) со сходной функциональной нагрузкой, которая была исторически переменчива. Довольно убедительную этимологизацию из нахского находят и другие компоненты этой глоссы.

Супругой божества **Тешуб** считалась **Хепа** (Хепат). Глосса эта

¹ Герни О. Р. Хетты. М., 1987. С. 22.

сохранилась в чеченском как собственное имя **Хепа**. В древности это имя встречалось с приставкой — **Пуду-Хепа**, семантика коей неизвестна.

В лувийском языке богом грозы выступал **Датта**. Имя это встречается с приставками: **Урха-Датта**, **Манана-Датта**. Видимо (см. выше), божество это хурритское по происхождению. Что подтверждает наличие его имени в чеченском, но уже в функции собственного имени; см. **Датта** — мужское имя, **Датта-маъ** — женское имя (**Маъ** — слово, обозначающее женский пол; ср. **Меъ** — молодая курочка). Хурритское **Эа** — было богом подземного царства, потустороннего мира вообще. В вайнахском языческом пантеоне это божество отмечено — **Ие**.

У хурритов богиней весны и возрождающейся природы выступала **Сауска**. Имя это, видимо, сохранилось в современных вайнахских языках в значении замужней женщины — **Снесак**.

Хаци — священная гора в стране хурритов; ср. чеч. мужское имя **Хаци** (отсюда фамилия **Хациев**).

В IX веке до н. э. упоминается вавилонянка **Шаммурамат**, жена царя **Шамшиада** У. Под ее влиянием в Ассирии был введен культ бога **Набу**¹. Выше мы указывали то культурное влияние хурритов на все Переднеазиатские и другие государства и народы. Поэтому не должно казаться парадоксальным наличие этого слова в функции женского имени в чеченском (**Набу**), имея в виду родство хурритско-урартского с нахскими языками.

Очень часто, как отмечено выше, цари древних месопотамских цивилизаций носили имена хурритских богов. Так, цари небольших государств, расположенных в I тыс. до н. э. в бассейне реки Евфрат, носили имена **Сангара** и **Лагаш**. Обращает на себя внимание сходство этих имен с ныне существующими, хотя довольно устаревшими чеченскими именами **Сангара** (фамилия **Сангариев**). **Лагаш** (г↔к).

Возлюбленным богини весны **Иштар** являлся некий **Таммуз**; сравните чеченское женское имя **Тамуса**.

Известно, что в основе некоторых вайнахских тайповых названий лежат имена культов; см. ц|уонтарой (от названия др. культа **Ц|у**, -н-, -т- -руо, -й — суффиксы); эрсануой (← эрдснуой) от имени культа **Эрд** (ср. **Эрdb|orlam** — священный столб). Отсюда вполне вероятно, что в основе названия чеченского тайпа **тумсуой** мы имеем указанный теоним **Таммуз** (с↔з).

Выше отмечалось о влиянии хурритской духовной культуры на государство Передней Азии, Египет, но этим не ограничивалось это влияние, оно распространилось к западу вплоть до Эллады, Кипра, Лемнос и т. д., а этруски, согласно мнению многих ученых — от-

¹ Садаев Д. Ч. История Древней Ассирии. М., 1979. С. 91.

ветвление хурритов, мигрировавших далее на запад вплоть до Корсики, Сицилии и оказавших большое влияние на римлян, древних греков, а поэтому названные учителями учителей (имеются в виду древние греки) Европы. По некоторым данным Рим основали именно этруски, они же заложили фундамент Римской Империи как в идеологическом, так и в экономическом плане.

Остановимся на некоторых сравнениях словесного материала из этрусского и современных вайнахских языков.

этриск.

деси
стари «яловая корова»

вуне
тали (на)
Тина — имя бога, говорившего
молниями
Ани
гур
Елий (топоним)
Боссар — одежда бога

вайнахск.

деза (с=эз) «любовь»
стери//стари (чеч.) — форма род. п.
от сту «бык»
вуйо (чеч.) — очень
тела — дать
Тина (чеч.) — имя мужское (ср.
Тини Вуьса — фольклорный герой).
Ана — бог неба
кхиер — камень
Целий — топоним
Боссар (инг.) — в том же значении;
ср. Боссар духа и многие другие.

Значительное было влияние этрусков (и урарто-хурритов) на древних греков. Вот что по этому поводу писал академик Марр: «В греческом такие простые слова, как душа, брат, море являются яфетическими¹ (читай: кавказскими и прежде всего нахскими и родственными хурритскими, урартскими и этрусским (К. Ч.))» И далее: «Названия богов, героев, селений, рек, гор Греции являются яфетическими». **Яфет** — библейский предок кавказцев как живущих ныне на Кавказе, так их ответвление в виде хурритов, урартов, этрусков (примечание автора).

Культурное влияние предков нахов, урарто-хурритов на европейские народы не ограничивались данными языка. Такие мировые произведения литературы и фольклора как «миф о сотворении мира», «миф о Пигмалеоне», «миф о Прометее» и другие (по мнению большинства ученых возникли впервые у Древних народов Месопотамии, ныне представленных на Кавказе, в т. ч. и в нашем крае. Именно здесь, в Месопотамии, и в частности в Хурритии, первые зародилась школа и университет, где питомцев обучали различным наукам, письму, счету, геометрии, алгебре. Были найдены клинописные таблички, отражающие знания древних в математике и геометрии. В одной из них доказывается теорема о подобии прямоугольных треугольников, которую приписывают греческому ученому Евклиду. Оказалось, в Шарупуме (город в Месопотамии) ее

¹ Марр Н. Я. Армянская культура, ее корни и доисторические связи по данным языкознания. Сб. Язык и история. М., 1936. С. 80.

применяли за 17 веков до Евклида. Найдены также математические таблицы, с помощью которых можно умножать, извлекать квадратные корни, возводить различные степени, выполнять деление и вычислять проценты¹.

Таким образом, Месопотамия с ее народами — хурритами, шумерами, хеттами и другими, явилась по сути древней колыбелью человеческой цивилизации. Здесь зародились почти все атрибуты европейской цивилизации — и письменность, и наука, литература, искусство и многое другое. То, что сегодня самая влиятельная цивилизация Месопотамии хуррито-урартская, обнаруживает органическую связь с коренными народами нашей республики — вайнахами, должно, казалось бы, стать предметом нашей гордости. Однако предубежденность, скептицизм, неверие в творческие возможности народа или даже пренебрежение к историческому прошлому народа власть имущих — все это оказывало в застойное время тормозящее влияние на развитие исторической и лингвистической науки в республике.

Пережитки такого отношения еще не преодолены. Когда в 1972 году автор этой книги выступил со статьей о Прикованном Прометее, где лишь в гипотетической форме была высказана мысль о заимствовании древними греками мифа из нахского фольклора, причем имелся в виду фольклор исторический, восходящий своими корнями к периоду хуррито-урартской цивилизации, мне очередной раз пытались навесить ярлык националиста. Как-будто текст легенды мое или чье-то сочинение, лишенное исторической основы. Причем предубежденность об извечном обитании нахов в горных трущобах, в изоляции от остального мира, мешала скептикам вчитаться в текст легенды и статьи и разобраться в существе дела.

Что миф о Прометее мог быть заимствован в греческий из хуррито-урартской или родственной ей этрусской цивилизации доказываются и другими названиями божеств, наличествующих в греческом и вайнахских, что Прометей /чеч. Пхъармат или Пхъари/ являлся богом человечности известно в науке; (см. об этом и приведенные выше работы академика Н. Я. Марра). А вот еще примеры:

греч.	чеч.
Зевс	Снез (вс -л — детерминанты основы греч. зе, чеч. сие) — бог неба
Кибела «бог плодородия» (хурр. также)	Кебила — имя женщины
было это божество и у этрусков	
Паллада — имя бога	Паллада — имя женщины
Дике — бог правды и справедливости	Дика — (ср. инг. Дик-села)
Медя — волшебница в греческих мифах	Меда — имя женщины
Сивиллы — легендарные женщины-пророчицы	Сибилла — имя женщины

¹ Садаев Д. Ч. История Древней Ассирии. С. 117.

Выше отмечалось что имена божеств со временем трансформируются в имена людей, что наблюдается и в данном случае.

В современных нахских языках сотни слов полностью или частично совпадают с соответствующими латинскими словами. Такие совпадения — результат влияния этрусской культуры, родственной хуррито-урартской и нахской, как было отмечено, на итальянские племена Аппенин, в частности на латинян. Вот эти слова:

лат.

сонтис (с — детерминант)
— виновный, подлежащий наказанию
х'инк — сейчас, с этого момента
стелла — звезда

васте — неуклюже, грубо, обширно,
широко

верзум — обращать, поворачивать
дицор — возвещать, провозглашать,
предрекать, говорить, сказать

чеч., инг.

сонта — человек дурного поведения

х'инц — в том же значении
стиела — бог неба, см. стигал — небесный свод

васта (е) — развязно, грубо

верзуо — поворачивать, обращать
дицар — говорить, возвещать, сообщать, сказать

и многие другие.

Впоследствии в связи с победой монотеистической религии и крушением язычества, боги языческого пантеона превращаются в нечистые силы, демоны, ведьмы и т. д. Так например, боги грозы **Хьадод** (русская транскрипция **Адод**), **Тешуб** как у хурритов, так у других народов превращаются в злых демонов с безобразной внешностью, с крыльями, рогами, когтями вместо ног и т. д. То же мы наблюдаем и у вайнахов. Так богиня грозы **Химеха-нана**, превратившись в **Хемхиг** (чеч.) ассоциируется со старушкой с отвратительной внешностью. Те же превращения наблюдаются и у других народов, в частности у славян. Так, русские Кикимора, Манья и другие, безобразные по внешности и деяниям — порождение указанных превращений.

В заключении хотелось бы отметить тот немаловажный вклад, который призваны внести в мировую культуру изучение нахских языков.

К сожалению, в республике еще пережиточно возобладает предубеждение, укоренившееся в застойное время. по отношению к культуре коренных народов республики, еще не созданы условия для развития языкознания, духовной и материальной культуры чеченцев и ингушей.

К ВОПРОСУ ЭТИМОЛОГИИ ТЕРМИНА «АЛАН»

Известно, что аланы и аборигенные народы Кавказа веками жили вместе и сообща творили историю Кавказа, роднились между собой, в результате они создали общую культуру, быт, черты ха-

рактера и даже антропологический, так называемый кавказионский тип. Очень много общих элементов и в языках алано-осетинском и иберийско-кавказских, в частности нахских. И данное наше сообщение посвящается этимологии этнонима **алан** с точки зрения нахских языков.

Профессор В. И. Абаев связывает происхождение этого этнонима с иранским ариан¹.

Имеются и другие попытки объяснить этимологию этого термина из разных языков.

Однако до сих пор в науке не предпринята попытка объяснить этимологию интересующего нас термина с помощью нахских языков. Этому посвящается данная статья. Думаю, что мы не погрешим против истины, если за корень данного термина возьмем **ал**, отбросив **он** как детерминант, что подтверждают также нахские языки, где в словах аналогичной структуры выявляется как корневая часть **ал//Iал//Iиел**, а иногда в более архаичном виде даже **Ia//a**.

Известно, что кавказские этнонимы производны от топонимов или других слов, выражающих понятия пространства.

И термин **алан** мы также возводим через ряд ступеней к архаичному слову **а** — «степь», «равнина», «плоскость». Ныне это слово вышло из употребления нахов, но оно сохранилось во фразеологическом сочетании: «*A a вац хьуо, лам а вац хьуо*». Не степняк ты, ни горец ты. Буквально «Ни степь ты, ни гора ты». Симптоматично, что аланы, как и сарматы, скифы, характеризуются в исторической науке как степной народ, степняки и видимо представляли собой симбиоз разных этнических обществ, куда входили и предки вайнахов.

Но **а** здесь приведен как первичный корень интересующего нас термина, как архетип **ал//Iал**, который представляет собой уже последующий этап развития своей морфологической структуры (детерминант **-л**).

В данном обличье с наращением протетического **I** (айн) корень этот выступает в словах, выражающих в большинстве случаев понятия, связанные с плоскостью, низиной, а иногда с подземным миром (ср. **Iиел** (инг.) «потусторонний мир»).

Чеченцы, как и другие народы Кавказа, на зиму скот перегоняли на плоскость, что называлось по-чеченски Дахан **Iиелие** лахкар «Перегон скота на равнину, плоскость» (**Iиелие** — пребывание на плоскости, **Iиел** — корень, **-ие** — детерминант со значением места). Отсюда жителя плоскости называли **Iалуо** (**-уо** — суффикс лица; ср. **Бен-уо** от названия села Бена, **Эрса-нуо** от названия села Эрсана и т. п.). Ср. также собственное имя мужчины **Iалуо**. У нахских народов распространена привычка давать имена детям по названиям

¹ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.

племен, народов и стран (ср. имена **Нохчуо** — чеченец, **Гуьржие** — грузин, **Суьли** — дагестанец и т. п.). Следовательно, **Іалуо** — имя, надо думать, производно от **Іалуо** — житель плоскости, равнины.

Поскольку пребывание на плоскости у нахов связывалось с зимним периодом, можно думать, что и понятие зима (чеч. — **Іа**) также связано с **а//Іал//Іиел** «плоскость». **Іа** «зима» в свою очередь производно от глагола **Іа** «находиться, пребывать». Что **Іа** «зима»

генетически связано с **Іа̃** «находиться, пребывать» говорит фразеологическое сочетание **Іа** чудирзина «собрались пребывать (на зиму)», **Іа** чудирзина **ха** «зима (пребывать) собравшие время».

И наконец корень **Іа** ← **а** прослеживается в современной топонимии Нахистана. Таковы: **Іалара** (село, **-ра** — детерминант со значением места); ср. **Ціуьнтара** — название села, **Хьачара** — название общества и т. д. Отсюда название тайпа **Іаларуой** (**-уой** — суффикс лица множественного числа, ср. **Ціуонтаруой**, **Хьачаруой** — название тайпов от **Ціуьнтара**, **Хьачара** — топонимы и т. д.). Отсюда фамилия **Іалероев**.

Алхаста — название села в Ингушетии, отсюда и имя **Іалхаст**; **Алда** — название села возле г. Грозного (**да** — детерминант). **Алкун** — название двух сел в Ингушетии. См. также имя фольклорного героя чеченцев **Іалхаштуой** **Іалха** «Алхастоев Алха» (**Іалхаштуой** — видимо, название тайпа, общества, откуда родом данный герой).

Симптоматично, что большинство приведенных топонимов локализуется на плоскости или близко к плоскости. Тем вероятнее, что этноним **алан** в вайнахских языках означал те, которые на плоскости, плоскостные, степные: **а** — корень — архетип, («равнина») **-л** — суффикс напр. — местного падежа в нахских языках, **ан//он** — в передаче осетинского языка суффикс лица (ср. **Макхалон** «ингуши», те, кто живут по речке Макхал «коршун»), вероятно, восходит к вайнахскому **-уо**.

Таковы некоторые показания нахских языков в отношении этимологии **алан//алон**. Дальнейшее исследование вопроса может дополнить приведенный нами здесь материал.

АГУЛЬСКО-НАХСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ

Агульский язык принадлежит к лезгинской подгруппе дагестанских языков. Он проявляет наибольшую близость, по свидетельству А. Дирра, к табасаранскому языку. Носители агульского языка проживают в Кюринском районе Восточного Дагестана. Живут агульцы также в Казикумухском районе в ауле Буркихан. Агульский язык разделяется на два наречия: на собственно агульское и кошанское.

Изучением агульского языка занимались А. М. Дирр¹, Р. Эркерт² и другие.

Сопоставляя лексические данные нахских языков с одним из мало распространенных языков, мы исходим из того общепризнанного положения в языковедении, в частности Кавказоведении, согласно которому в установлении генетического родства языков той или иной языковой группы или семьи большое значение имеют привлечение данных диалектов и языков мало исследованных, в которых в законсервированном виде сохраняются наиболее архаичные черты. Важно сравнивать между собой не только данные литературных языков, но и сравнение данных литературного (письменного) языка с диалектными показаниями родственного языка или данными бесписьменного языка с письменным. Чеченский и ингушский языки являются, как известно, письменными, а агульский язык бесписьменный, но тем не менее сравнение лексических данных этих языков может дать ценные результаты для Кавказоведения.

Агульский	Чечено-Ингушский	Русский
рахь	хьер, инг., бац. хьайр	мельница
зун	сан (ср. дат. п. суна)	мой
сус	нус	невеста
цѐйе	цѐни	новый
цѐлаувар	цѐлетухург	огниво
цѐла	цѐие, инг. цѐи	огонь
сад	цхьаь	один
са-д	цхьа	одинокый
илгвас	виса	оставаться
хьаре	ири	острый
дар	да	отец
тѐу	тѐлг (бацб. тѐод «нога»)	палец
кѐлж	гѐлж	палка
рук	йукъ	пепел
тѐара	къарз//къорза, чѐб. къорзу	пестрый
тѐутѐу	туй, бацб. туг	плевок
екѐ	кѐла	пшеница
баллай	илли, чѐб. иллай	песня
аре	эрна, чѐб. арни	пустой, зря
	(ср. чѐч. Арие «пустыня», «степь»	
лукѐ	лай, бацб. лаг	раб
Дувла	кѐулла	родник
тур	тур	сабля

Агульск. карцас «искать», чѐч. карус «найти». Агульск. зивз «комар», чѐч. моз(а) «муха». Агульск. вав «крикнуть», «крик», «кричать», чѐч. вай (отклик), «ответ на зов». Агульск. гѐутѐ «муха»,

¹ Дирр А. М. Агульский язык. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVII. Тифлис, 1907.

² Р. Эркерт. Die Sprachen des Kaukasischen Stammes I Theil. Wörterverzeichnis. II Theil. Sprachproben und grammatische skissen. Wien, 1855.

Под (инг., чсб. мелх) «комар». Агульск. чинчIал «неспокойный», чеч. чинчIал «капризный», агульск. жадв «птичка», чеч. жагIжагI «галка». агульск. кхани «потом», чеч. кхана «завтра», агульск. сул «рожь», чеч. сула «овес», агульск. хинкI «хинкал», чеч. хингал «пирожок с тыквенной начинкой», агульск. ципцип «ресница», чеч. цлоцкьум «бровь», агульск. ку́ре «тупой» чеч. кура «гордый», агульск. акъв «блеск», чеч. къаьгна «блестящий; светлый», агульск. хъач «яблоко», чеч. хъач «слива».

Мы привели не все случаи лексических схождения в агульском и нахских языках. Список таких схождения можно продолжить.

При этом наблюдаются следующие звукосоответствия: й—н, с—ц, д—I, д—д, в—п, кI—I, тI—къ, кк—кI, кI—й//г, д—къ, тI—т, тI—т, тI—й, цI—зз//дзз, р—н, ф—хI, ж—з, з—с, з—тт, х—кх, в—г, р—й, р—кI, ц—х, р—хъ, хъ—р, с—н, тI—д.

Мы перечислили лишь основные звукосоответствия, наблюдающиеся в различных позициях слов — в начале, середине и исходе. В нашу задачу и не входил исчерпывающий анализ всех случаев звукосоответствий между сравниваемыми языками в данной работе, являющейся первым шагом сравнительного анализа лексики агульского и нахских языков. Если нам здесь удалось обратить внимание на случаи лексических схождения между территориально отдаленными друг от друга языков — агульского и нахских — как признака их генетического родства, то мы будем считать нашу задачу выполненной.

ИЗ ИРАНСКОЙ ТОПОНИМИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Ираноязычные народы — скифы, сарматы, аланы и осетины оставили глубокий след в истории, антропологии, духовной (нартский эпос, общность дохристианских религиозных верований), материальный (склепы, башни и др.) культуре, языке вайнахов¹. Было и обратное влияние.

Еще Б. Плечке² отмечал заметное отличие горных чеченцев, живущих к западу от **Шаро-Аргуна**, в антропологическом (высокий рост, светловолосость и др.) отношении от остальных чеченцев. Они же отличаются также в языковом отношении — (наличие фрикативного звука [ф], в отличие от остальных чеченских диалектов и др.). Что сближает их в то же время с ингушами. Все это не случайность: очерченный ареал входил в прошлом в сферу политической экспансии алан³.

¹ Крупнов В. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; Абаев В. И. Осетино-вайнахские лексические параллели. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. I. Вып. II. Грозный, 1959.

² Плечке Б. Чеченцы. Гамбург, 1928.

³ Кузнецов В. И. Аланские племена Северного Кавказа. МИА № 106. М., изд-во АН ССР, 1962;

Гаглоев Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1964.

Сказанное документируется также археологическими находками, а также топонимией (см. гидронимы: **Мартан, Фартанга, Танга**, ойконимы: **Алкун, Фаранз-Кхелла** и др.)¹.

Если сюда же присовокупить легенды о происхождении отдельных вайнахских племен очерченной территории от осетин (часть Терлойцев и т. д.), а также общность некоторых фамилий вайнахов и осетин **Галаевы, Дударовы, Льяновы, Габисовы, Плиевы** и др., то вопрос о наличии с древнейших времен тесных культурных и даже интимных кровно-родственных связей между вайнахами и алано-осетинами приобретает убедительную аргументацию. Вопросы эти с разных сторон освещены рядом ученых-кавказоведов².

Данную статью мы посвящаем изучению одного из компонентов приведенной аргументации — иранской топонимии Чечено-Ингушетии.

Прежде чем приступить к разбору топонимов, остановимся на этнонимах, относящихся к разным ираноязычным пришельцам и бытующих в вайнахских языках с древнейших времен.

В науке отмечены факты, когда этнический термин со временем превращается в социальный³.

Видимо, таков термин чеч. **Эла**, инг. **аьла**, князь по всей вероятности, восходящий к этнониму **алан**. Возможно, что чеч., инг. **ала** — сказать также производно от данной основы (в противовес **баха** — **йах** — (инг.) говорить, от исконно нахского **ах** в том же значении (**б, й** — классные экспоненты). Подобные случаи, когда социальный термин функционирует в значении говорить, «сказать» также известны в науке⁴. Возможно, сам этноним **алан** восходит к нахскому **ала** — сказать, а не наоборот. В любом случае связь здесь налицо.

1 Алборов Б. О. Осетинские названия местностей к востоку от осетин; Сб. научного общества при горском пединституте. Т. I. Владикавказ, 1929; Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии. Сб. статей и материалов по вопросам нахского языкознания. Т. VIII, вып. II. Грозный, 1966. В данной статье мы останавливаемся на тех топонимах, которые не были освещены в последних двух статьях. Абаев В. И. Осетино-вайнахские лексические параллели. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. I. Вып. II. Грозный, 1959. С. 89—119; Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. Сб. статей, посвящ. 60-летию Е. И. Крупнова. Грозный, 1964. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963.

2 Цагаева З. М. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971; Сб. Происхождение осетинского народа. Материалы сессии, посвященные происхождению осетинского народа. Орджоникидзе, 1967; Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских народов Кавказа. Грозный, 1963; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960;

3 Чокаев К. З. Язык и история вайнахов. Грозный, 1977; Яковлев Н. Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. 1927.

4 Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 5. М.-Л., 1935.

Чеч. **цIармат**, инг. **цIаьрмат**, (ср. кабардин. шармат), функционирующий ныне в чеч. в значении «безобразный», «неприглядный», а в ингушском значении «немой», «безъязыкий» (ср. русск. немец от немой). По всей вероятности, данное слово восходит к этнониму **сармат** и его переосмысление на чечено-ингушской почве вполне допустимо, не говоря уже о том, что **с→цI** закономерно.

Мы склонны видеть в чечено-ингушском **саг** (стаг) — «человек» ту же основу, что и в этнониме, покрывающем одно из скифских племен **сак** (и) и, видимо, связанный с осетинским **саг** — олень, который был тотемом ираноязычных пришельцев (ср. чеч. **сай**, инг. **сей**, туш. **саг**).

Думается, что чеченское тайповое название **Iаларуой** (-руой — словообразовательный суффикс мн. числа (й — формант мн-ти), **I** — протетический звук, как первичная основа выделяется **ал(а)**; связан также с **алан//алон**. Ср. также однокоренные ойкони́мы **Iалара**, (-ра, — суффикс, топоформант), **Iалоруой-Эвла**. Видимо, этимоном приведенных чеченских названий является **Iалие** (-лие, —суф., места, восходящий к формантам местных падежей (**а** — равнина, плоскость, отсюда — **Iалуо** — имя собственное (resp. степняк). Таким образом, первоначальной, древнейшей основой здесь является **а**. Что подтверждается таким древним изречением из чеченского фольклора — **А** а вац хьо, **лам** а вац хьо — не степняк ты, не горец ты (букв. не степь ты, не гора ты).

Современное название осетин в вайнахских языках бытует: чеч. **Xирий**, инг. **Xирие** от **ир**. (ср. осет. **ирон/-он**, — суф.), чеч. — инг. **XI** — протеза; чеч. **дугаруой** (от **Дигора**, -уой — суф. лица мн. ч) — дигорцы, инг. **дугаруой**.

Вайнахам известны также этнонимы, относящиеся и к другим осетинским обществам. Однако здесь мы ограничимся таким весьма древним этнонимом, относящимся к иранцам: чеч. **парцуой** от **фарс** или **перс** (**ф—п**, **е—а**, -уой — тот же словообразовательный вайнахский суффикс лица). Ср. совр. название персов: чеч. **персанаш**, инг. **персавнаш** в том же значении (-аш—формант мн. числа).

Приступая к топонимии, отметим, что иранские топонимы Чечено-Ингушетии редко встречаются в «чистом» виде, т. е. состоящим только лишь из иранских элементов. Чаще всего мы имеем здесь гибридные образования, состоящие из элементов разных языков — тюрских и иранских, нахских и иранских и т. д.

Интерес в этом плане представляет в частности топоним чеч. **ДегIаста**, инг. **Даякъасте** — «Дагестан», который этимологизируется как «горная страна» и состоит из тюрского **даг//таг//тау** — и иранского -**стан** — в значении «места». Отметим фонетические изменения: **г→гI** (чеч.), **г→къ** (инг.), **а→аь** (инг.), а также редукция конечного носового **н** как в чеченском, так в ингушском; -**ие** в исходе ингушского примера — суффикс места, направления, ср. чеч.-инг. **Мазлаке** «Моздок», **Гизларие** — «Кизляр» и др.

Как чеченцы, так и ингуши, особенно старшее поколение, данным термином обозначают свою страну — Чечню и Ингушетию, хотя имеет место параллельные синонимные названия — **Нохч-муохк** — Чечня, **ГалгIай-муохк** — Ингушетия или **Нохчичуь** — Чечня, **ГалгIайчие** — Ингушетия. Надо думать, что данный топоним пришел в вайнахские языки из иранского через посредство дагестанских языков.

В научной литературе 20—30 годов XX века распространился термин **Нахистан**, который покрывал собой территорию распространения нахских языков и производный от **нах** «люди» (нахского этноса) посредством того же ираноязычного — **стан**¹.

Фаранз-Кхелла. Ныне заброшенное башенное поселение, крепость в горном обществе Чечни **МIайста//MaIаста**, бывшего в прошлом религиозно-культурным Центром. По преданию, крепость охранялась войском в 1500 человек, но была разрушена какими-то пришельцами до основания и более не заселялась, хотя чудом уцелевшее святилище — «Фаранз-кхеллара цIив» было почитаемо майстинцами до последнего времени. Думается, то **Фаранз-кхелла** была крепостью-убежищем разбитых на плоскости **алан**, остатки которых искали спасения, пользуясь тесными дружественными связями с вайнахами, в этих труднодоступных местах горной Чечни от новых, более могущественных пришельцев-монголов.

По нашему мнению, этимологию первого компонента топонима следует искать в алано-осетинском: **фарн** — общеиранское, полурелигиозное понятие, которое будучи дериватом неба — солнца, обозначало то благое, источником чего древние мыслили небо—солнце (небесная благодать)²; второй компонент **-з**, надо полагать, восходит к нахскому **са** в значении «земля», «места», «угла» и **с→з**, или **з ← с** вполне закономерно, также закономерна редукция данного компонента на стыке двух наиболее значимых компонентов — **фарн** и **кхелла**. Кстати, последний, по всей вероятности, восходит к арабо-персидскому **кхала//Кала** в значении город, укрепление. Так топоним переводится на русский язык как «город, крепость земли солнца, солнечной благодати». Подтверждением данной этимологии служит то, что сам ойконим локализуется в обществе с названием сходной этимологии. Но уже идущий из языка аборигенного чеченского племени **МIайстуой: MaIаста** — значит «На солнечной земле». **Ma//maIa** солнце, **с ← са** «земля» угол, страна», **-та** — посделог, равнозначный русскому «на». Ср. также в контексте генетических связей нахских языков с языком Урарту верховный бог, олицетворяющий солнце-небо Урарту-хурритов — **Ма**³. Кстати, эта

¹ Мальсагов З. К. Ингушская грамматика. Грозный, 1963.

² Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 163—164., 195—196, 258.

³ Дьяконов И. М. Языки Древней Передней Азии. М., 1967.

же основа нам видится в названии средневекового города, предполагаемой столицы Восточной Алании **Маас**, (с — реликт, са — земля), предположительно локализуемого некоторыми учеными-кавказоведами в Чечне, там, где Алхан-Калинское городище (возле г. Грозного) ¹. Думается, что **Маас** этимологизируется как «земля солнца, солнечной благодати».

Возвращаясь к интересующему нас ойкониму, в подтверждение предложенной этимологии его, отметим, что именно неподалеку от места локализации топонима расположены отмеченные выше общества **Перла** и **Хьачара**, часть жителей которых, согласно народному преданию, происходит от осетин.

Близ этих же мест локализуются истоки рек **Марта**, **Танга**, **Фар-танга**, **Рошни**, которые также этимологизируются из алано-осетинского ². Все это повышает акции предложенной этимологии **Фаранз-Кхелла**. Слово **фарн** в виде **фар**//**xIyp**//**xIap** (**ф**→**xI** на почве чеч. языка закономерно) бытует в вайнахских языках и в наши дни; см. инг. **фаър хьаьзилг** — птица счастья, чеч. **xIypцaьлдиг** (**xI** ← **ф**) — синица. (Эта же основа нам видится и в арштхоевской фамилии **Фаргиев**; **фарн** — корень, суф. **г**, русск. — **ев**) и т. д. Примечательно то, что фрикативный [**ф**] утерян в горных диалектах Чечни во всех прочих словах, за исключением топонимов и заменяется **фарингальным xI** и губно-губным глухим **п**. В ингушском он сохраняется повсеместно и был заимствован из алано-осетинского. Более того. Имеет место связи древних верований вайнахов, в частности майстинцев и алано-осетин. Так, весьма почитаемым было в Майсты еще в начале XX века божество **хуоца**//**хуоцуо**. Ему майстинцы поклонялись и в честь его строили храмы. Были места, которые назывались его именем; см. **хуоца** — ровная местность, весьма почитаемая, где стояло святилище, посвященное богу **Хуоца**; **Хуоца Ийна** — ущелье **Хуоцы** и т. д. и т. п. Мы склонны видеть в основе **хуоца** имя осетинского божества **Хицау** (см. осет. **Хицавинн** равардта савегти аервиаз «Бог послал нам стадо оленей»), которое (имя) на почве чеченского языка подверглось изменению в результате обратной губной гармонии: под влиянием конечного лабиализованного **-у** корневой переднего ряда краткий (и) трансформировался в **-уо**. Впрочем, теоним отмечен и в виде **хуацау**//**хуцау** (осет.), см. также вайнах **Гальберд**, осет. **Аларды**; осет. **Илий**, чеч. **хИлий** — Илья-громовержец и т. д. Осет. **Хоск**, вайнах. **хуоск**//**хуьск**, нах. **Тба**, осет. **Тба уацилла**. По мнению отдельных ученых, большинст-

¹ Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушетии, Грозный, 1966. С. 66;

В. А. Кузнецов. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971;

Минорский В. Ф. Очерки истории Чечено-Ингушетии. Ч. I. Грозный, 1967. С. 43. История Ширвана и Дербенды. М., 1963.

² Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Иранские элементы. С. 85—87.

во этих теонимов идет из Кавказского субстрата¹. Небезынтересно отметить также общность тотемных животных и их названий, в частности осет. **саг**, чеч. **сай**, инг. **сей**, туш. **саг** — олень, легкого, как было сказано, в основу скифского племени **саков**.

Отмечена также общность звериного стиля, характерный скифам и их потомкам.

Дергла//Даьргла (первый на веденском говоре, второй — на плоскостном). Данный ойконим локализуется в Восточной Чечне, в Веденском районе и, по нашему мнению, восходит к алано-осетинскому **дарг** — длинный, долгий. Имеет общеевропейскую основу; ср. курд. **дарг//дерг**, др.-персид. **дарга**, ст. слав. **дльгъ**, русский **долгий** и т. д.².

Предложенную этимологизацию подтверждают следующие факты. Село с таким названием действительно имеет продолговатую форму, растянувшееся на 5—6 км в полосе между горным хребтом и речкой Аксай. Надо полагать, название в значении оронима бытовало в языке задолго до возникновения поселения и отражало физико-географические особенности местности, а именно — продолговатость. О чем говорят также следующие факты.

В топонимике отмечено, что во многих языках ороним преимущественно представляет словосочетание, которое состоит из двух и более компонентов, один из которых — последний аппелатив, обозначающий географический объект — город, ущелье, бугорок и пр., а другие — первый или второй или оба одновременно, если определение сложное, — обозначает характерную особенность оронима — форму, цвет, свойство грунта и т. д., и данный ороним не исключение, так как в языке местных жителей ойконим (resp. ороним) так и называется **Дергла Ведана** «Длинная плоскость, равнина» (**Ведана** — плоский, **-на** — послелог со значением места. Ср. **Ца Ведана** букв. «священная плоскость» — ойконим (resp. ороним); **Дишний Ведана** — Дишининская плоскость (**дишний** — этноним) — ойконим (resp. ороним), **Бений Ведана** — Беноевская плоскость (**бений** — этноним) и т. д. Таким образом, первоначально **Дергла Ведана** означало «Длинная плоскость», что соответствовало действительности. Данное название перешло на село, возникшее здесь в последующем. Но так как язык стремится к экономии, в процессе долгого употребления второй компонент редуцировался и ойконим бытует в языке преимущественно в виде **Дергла**.

Кроме того, оронимы с первым компонентом **дергла//дарг** встречаются и в других районах Чечни, а также в Северной Осетии; см. чеч. **Дергла дукъ** — название хребта, протянувшегося между **Шаро-**

¹ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. Т. М.-А. 1958. С. 340—345. По мнению В. И. Абаева, термин идет из кавказского субстрата (См. его Дохристианская религия алан. М., 1960. С. 11).

² Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1977.

Аргуном и **Чанты-Аргуном** от места их слияния до **Вердий-Эрк** и **Хьакой-лам**. Имеет продолговатую форму, что отразилось не только в разбираемом названии, идущем из алаано-осетинского, но и параллельном Чеченском названии — **Деха дукъ** — **Длинный хребет** (**деха** — длинный, **дукъ** — хребет) или **Блен-Дукъ** «Войска хребет». Последний вариант возник, по преданию местных аборигенов, в период монгольского нашествия. Согласно этой легенде, на этом хребте, имеющем стратегическое значение, расположились монгольские войска, контролировавшие выходы из гор на плоскость. Здесь же говорится о борьбе с этими войсками местных героев. Примечательным здесь является то, что одна и та же особенность топонима получила точное обозначение в языковом мышлении разных социумов, но средствами двух неродственных языков — алаано-осетинского и чеченского. О фонетических изменениях.

На почве чеченского языка заднеязычный звонкий [ɣ] в основе топонима трансформировался в фрикативный гортанный звук [ɣ̞], близкий фрикативному [ɲ] в украинском. Последний наличествует также в некоторых вариантах интересующей нас основы; см. пехл. **дарI** — длинный, авест. **дарIa**, осет. **дарI** в том же значении. То же можно сказать о палатальном [a] и [e], которые представлены не только в чеченском варианте основы, но и в вариантах из разных иранских языков, ср. курд. **дарг**//**дерг** и др.

См. также параллели из топонимии Северной Осетии. Ойконим **ДаргkIax** «Длинная роща» (чеч. к̂ях — заросли), **Даргавс** (Даргавское ущелье)¹ и др., в составе которых нам видится та же основа — **дарг** — длинный.

Улус-Кьерт. Село с таким названием расположено в Шатойском районе, в междуречье Шаро-Аргуна и Ваштара, приблизительно в 1 км выше места их слияния. Ойконим состоит из двух компонентов, восходящих к разноструктурным языкам: первый — к монгольскому улус — племя, орда, народ, удел, владение, поселение, становище, аул, государство². Второй — к скифскому в значении двор, усадьба (ср. осет. карт — двор). Отмечен также и в других иранских и угрофинских языках; см. пехл. карт. арм. керт, др.-иран. крта — сделанный, построенный, венгер. керт, коми карта — загон для скота; морд. (мокша) карда — хлев и т. д. Основа отмечена и в армянском, а также в русских диалектах по Волге: карда — огороженное место для загона скота; см. также в груз. (запад. диал.) — Карта кала.

Профессор Абасв В. И. пишет: «Существует несколько важных культурных терминов, которые являются общим достоянием осетинского, некоторых кавказских языков. К их числу относятся и карт. Происхождение некоторых из слов не установлено с достовер-

¹ Цагаева А. З. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1972.

² Калмыцко-русский словарь. М., 1977. С. 552.

ностью, но весьма вероятно, что при их распространении скифо-сарматская среда служила посредником между угро-финским и кавказским миром»¹.

Мы вполне разделяем мнение маститого ученого. Термин мог попасть в вайнахские только через посредство скифов, алан. В настоящее время данный термин имеет широкое применение в номенклатурном значении в современных вайнахских языках: чеч. киерт, инг. каэрт — двор, усадьба, загон для скота (чеч. дохна киерт — загон для скота, букв. скотины загон) и т. д. Встречается оно и в других топонимах, ср. чеч. Стерчкиерташка — к воловьим загонам (-ка, — суф., -ш — формант мн. ч.) — Ножай-юртовский район и др.

Рошни. Речка с данным названием является притоком реки **Сунжа** и течет параллельно указанным выше речкам с названиями **Танга** и **Марта(н)**, которые этимологизируются из алано-осетинского — первое как «маленькая речка», второе как «речка мертвых»². Рошни протекает в пространстве между ними и название ее также этимологизируется из алано-осетинского как «светлая», «прозрачная», ср. осет. **рухс//рохс** — свет, светлый³; перс. **рухш**, «сияние», «блеск», **рушан** — светлый, пехл. **рошан**, парф. **рошн** — светлый. Русск. **роса**, **русый** по мнению отдельных ученых увязывается с данным гидронимом. Сохранилось в топонимии Таджикистана — **Рушан** — название района в Припамирье, ср. название сарматского племени **Роксоланы** — светлые аланы⁴, а также алано-осетинское и армянское женское имя **Роксана** — света, светлая.

Эта же основа нам видится в чеченском женском имени **Рашан** и мужском **Раша** в переводе соответственно «светлая» и «светлый»; ср. руск. Валентина и Валентин, Федора и Федор и т. д. Употребление в ономастике слов со значением цвета — распространенное явление, свойственное многим языкам; см. русск. фамилии Черный, Чернова, Белов; а также гидронимы Черная речка, Белая речка; тюрк. **Сарысу** — желтая речка, **Ак-су** — Белая речка, чеч. **Иаржа Ахх** — черная речка; китайск. **Хуанхе** — желтая река и т. д. Все это повышает акции предложенной нами этимологии **Рошни** как «светлая», «прозрачная речка». Если учесть, что вариант одного из иранских языков — парфянск. **рошн** (resp.) почти полностью совпадает с чеченским вариантом Рошни, то говорить о сколько-нибудь заметном изменении гидронима за многие века употребления в иноязычной (чеченской) среде не приходится.

¹ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I, 1958. С. 586.

² Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Иранские элементы... С. 82—88.

³ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь. Т. II, М.-Л., 1973. С. 436.

⁴ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь. Т. II. С. 586—587.

Разобранными примерами не исчерпываются иранские элементы в топонимии Чечено-Ингушетии. Широкое распространение в топонимии республики имеет алаано-осетинское **Шавдон** (чеч. **Шовда**), которое функционирует в современных нахских и как номенклатурные слова в значении источник, родник. Надо думать, что иранские элементы содержат также топонимы (ойконимы) **Фуртан-кхелла** (об-во Чиннахой), **Най-Бьора** (ныне пос. Новогрозный), **Ригаха** (общество Чеберлой), **Фуртовг** (Ингушетия), **Герзел-Эвла** (или в речи старшего поколения Гезел-Эвла; ср. осет. Гизел, Гизелдон), а также гидронимы **Асса** (инг. Iаьс), **Яьсса** и др.

Все это, надо полагать, должно стать в будущем предметом отдельного, совместного исследования ученых-нахovedов и иранистов.

О ТОПОФОРМАНТЕ -Н/А/- В ВАЙНАХСКИХ ЯЗЫКАХ

О значении и функции топоформантов в вайнахских языках в последние годы написан ряд работ¹, в которых топоформанты квалифицируются как форманты (resp.) послеложных падежей с пространственным значением, перешедшие в составе соответствующих форм в разряд названий разных топообъектов; см. ойконимы **Хьайбах** (-х), **Чемулга** (-га), **СемаIашка** (-ка) и т. д.²

Многие из этих топоформантов сочетаются с послелогом с пространственным же значением. Таковы **Киел** (инг. **КIал**) «под», **чу//ча** (инг. также) «в», **диехьа** (инг. также) «по ту сторону», **юххие** (инг. юхие) «около, рядом», **тIиехьа** (инг. **тIехьашка**) «за, позади», **йистие** «на краю»³.

В нашей статье «О топонимизации послелогов в вайнахских языках»⁴ отмечалось, что при сочетании с указанными послелогам топоформанты, как правило, отбрасываются. Сказанное относится и к интересующему нас топоформанту (resp. форманту дат. падежа) (-на вариант -нна); см.

им. п.	говр	лошадь	дат. п.	говрана	лошади
им. п.	хи	речка	дат. п.	хи-на	речке, воде
им. п.	арие	поле	дат. п.	арие-н/на	полю и т. д.

¹ Чокаев К. З. О грамматическом способе образования топонимических названий в чеченском языке // Изв. ЧИНИИЯЛ. Т. 3, вып. 2. Грозный, 1962; Его же. О суффиксальном способе образования топонимических названий в вайнахских языках. Сб. статей, посвященный 60-летию Е. И. Крупнова. // Изв. ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1964; Его же. Из вайнахской топонимии. Сб. Ономастика Кавказа. Т. 1. Махачкала, 1976; Его же. Географические названия Чечено-Ингушетии. Рукопись, 1967. Архив ЧИНИИИСФ.

² Чокаев К. З. О суффиксальном способе образования топонимических названий. С. 159.

³ Чокаев К. З. Географические названия... С. 47.

⁴ Чокаев К. З. О топонимизации послелогов в вайнахских языках. Сб. Система перевербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983.

Следует подчеркнуть, что подавляющее большинство послелогов вайнахских языков употребляются с дательным падежом.

Топоформант **-на** диахронно употреблялся лишь в сочетании с послелогами **-tġe// -tġie// -ta// -да, -чу// -ча// -ч(а), -kġiel// -kġal, -юххие// -юхие, -йистие** и главным образом в усеченном виде **-н**; см. примеры из горной полосы Чечено-Ингушетии: Тугġан-чу от Тугġġe — лощина «в лощину», Шоранчу от шера «равнинный», Цунта от Цу — бог огня «на место бога Цу», Чан-чу от ча — «медведь», Эртинтġа от эрд — «святой, священный» и т. д.

Отмечено сочетание топоформанта **-на** с другими топоформантами **-х, -ра** и пр.: см. Кġеганнех от кġега — «горящий уголек», Мельнех от маъ «ольха», Цюьнтара от Цу «божество огня» и т. д.

В отдельных случаях как формант, так послелог невозможно вычленили ввиду опрошения основы (десемантизация); см. Тутанда, Ожанчу, Хуланда, Гуьна и т. д.

Примечательным с точки зрения языкового мышления является то, что употребляясь первоначально в сочетании, как было отмечено, в сфере топонимии лишь с указанными послелогами, формант **-на** впоследствии приобрел статус «самостоятельности», когда он стал выполнять функцию сочетающегося с ним в составе топонима послелога со значением направления на поверхность, во внутрь, около предмета. В результате отпадает послелог за ненадобностью.

В этом факте наиболее наглядно проявилась характерная сущность языка — стремление к экономии средств. Так возникли такие топонимы, как Ведана, Эрсана (ойконимы), Эртина (ороним) и др. Имеются однако случаи вариативности топонимов, когда в составе одной и той же топоосновы, но отнесенной к разным объектам, выпадает то послелог, то формант; см. Ведана//Ведачу, Белġата//Белġани, Сесана//Сесачу и т. д., т. е. здесь налицо одна и та же основа, употребленная в разных вариантах в зависимости от топообъекта.

Наблюдается также вариативность, обусловленная употреблением разных послелогов и топоформантов при одной и той же основе, употребленной также применительно к разным топообъектам; см. Ценчу//Цунта//Цюьнтара от Цу — бог огня; Кġегинах//Кġегиние от кġега — горящий уголек, Буни//Баначу от бун — балаган, шалаш; ġамга//ġамтġа//ġамиечу от ġам — озеро; Хьеришкне//Хьеринчу от хьера (инг. хьайра) — мельница и т. д.

Имеет место употребление названных послелогов вне сочетания с **-на** (вследствие выпадения) не только в топонимии, но и в другой сфере лексики; см. топонимы: Гюйтġа//Гюйчу (ойконимы) от гюй//хуой — стража, пост; Гихтġа//Гихчу (ойконимы) от Гиха — гидроним; Мартантġа//Мартанчу (ойконимы) от Мартан — гидроним; см. также ġамтġе (вм. ламантġе) // ламчу (вм. ламанчу) «в гору»,

но **лома** в том же значении от **лам** — гора; **хитла** на речку *вм. хина-тис*, *хичу* — в речку *вм. хиначу* и т. д. См. еще примеры: *Со Ламтле* *воьду*. — Я иду на (в) гору; *Со ламчу* *воьду*. — Я иду в гору и *Со лома* *воьду*. — Я иду на (в) гору. Подобная вариативность есть результат развития языковой системы по своим внутренним законам, имеет предел во времени и подвержен изменению в процессе употребления и функционирования.

ИЗУЧЕНИЕ ТОПОНИМИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Топонимия Чечено-Ингушетии таит в себе ценные сведения по истории вайнахского (чечено-ингушского) языка и его носителей — чеченцев и ингушей, их прошлой культуре и религиозным представлениям.

Ранние записи вайнахских топонимов и производных от них этнонимов отмечены еще у античных исследователей, такие, как Птоломей¹, Плиний², Страбон³ и других. Таковы топонимы: *Соды*, *Исонды*, *Хамекиты*; топоним: *Керавнские (горы)* (чеч. *Коьри-лам*) и др.

В средние века интерес исследователей к вайнахской топонимии усиливается. Название разных географических объектов, особенно горной Чечено-Ингушетии, мы встречаем в «Армянской географии»⁴ VII века н. э., где отмечены топонимы горной Чечено-Ингушетии и Тушетии: *Цховата* (от *нахского* *Ца* — название древнего божества, *-та* — послелог), *Керавнские (горы)* (чеч. *Коьри-лам*), а также топоним *кусты* (от с. *Кей+са* — земля, *-ты* — послелог и др. Особенно много сведений о нахской топонимии мы находим в грузинских источниках средних веков: (Картлис *Цховреба* «История Грузии»⁵ и других. Таковы: *Тушети*, *Кистети*, *Джариехи*, *Цовата* и многие другие.

Следует отметить, что античные и средневековые авторы не шли дальше фиксации названных топонимов. Структурный анализ их дан уже в наше время⁶.

Широко представлены нахские топогидронимы в сочинениях исследователей народов Кавказа новейшего времени (А. Гильден-

¹ Птоломей. Географическое руководство, V, 8, 17—25.

² Плиний. Естественная история, VI, 29.

³ Страбон. География XI, V, 7—8.

⁴ Армянская география, приписываемая Моисею Хоренскому. Русский перевод К. П. Патканова. СПб, 1887.

⁵ Картлис Цховреба. Тифлис, 1906.

⁶ В. Б. Виноградов, К. З. Чокаев. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. Археолого-этнографический сборник. // Известия ЧИНИИЯЛ. Т. VII. Вып. I, Грозный, 1966.

штедт¹, А. Дирр², П. К. Услар³, В. Миллер⁴, Н. Семенов⁵, С. Рос-
сикова⁶, Н. Я. Марр⁷, К. Ган⁸, П. Г. Головинский⁹, С. Бронев-
ский¹⁰, А. Берже¹¹, У. Лаудаев¹², Ч. Ахриев¹³, И. Попов¹⁴, Вахуш-
ти Багратиони¹⁵ и другие).

Фиксируя те или иные топонимы Чечено-Ингушетии, дореволю-
ционные исследователи в основном не задавались целью их науч-
ного изучения и, в подавляющем большинстве своем, не зная мест-
ного языка, приводят топонимический материал с грубыми ошиб-
ками в транскрипции. Особо «страдают» при этом такие специфиче-
ские кавказские смычно-гортанные согласные звуки, как **кI**, **къ**,
кх, **чI**, **цI**, **тI**, а также палатализованные и дифтонгические гласные
уь, **аь**, **ие**, **уо** и другие.

Как следствие такой записи и незнания языка выглядят отдель-
ные дилетанские попытки этимологизировать некоторые топонимы
горной Чечни. Так, например, Н. Семенов, основываясь на созву-
чии, обусловленном неверной записью, «этимологизирует» топо-
ним название села МахкатIне (по записи Семенова Махкеты)
как «страна кетов»¹⁶.

Те же причины лежат в основе тех случаев, когда те или иные
дореволюционные исследователи «подхватывают» народные эти-
мологии того или иного топонима, выдавая их за научные. Так, на-
пример, в указанной выше работе «Чечня и чеченцы» А. Берже
приводится название чеченского села Майр-туп, этимологизируя по
созвучию его и следуя народной этимологии, как «храбрый стан»
(**майр** — храбрый, **туп** — стан)¹⁷. При этом не учитывается возмож-
ное изменение топонима (восходящего к кумыкскому майрам-тубе

¹ Путешествие в Россию и Кавказским горам. СПб, 1787—1791 (на нем. яз.);
Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб, 1809.

² Современные названия кавказских племен. СМОМПК. Вып. XI, отд. III.
Тифлис, 1909.

³ Этнография Кавказа. Чеченский язык. Тифлис, 1888.

⁴ Археологические экскурсии. Материалы по археологии Кавказа. Т. I. М.,
1888.

⁵ Туземцы Северо-восточного Кавказа. СПб., 1895.

⁶ Путешествие по горной Чечне. Тифлис, 1869.

⁷ К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа,
ИАН, № 15, 1916.

⁸ Путешествие в страну пщавов, хевсур, кистин и ингушей. КВ, 1900, № 6.

⁹ Чеченцы. ССТО. Вып. I. Владикавказ, 1877.

¹⁰ Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, Ч. II. М.,
1823.

¹¹ Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

¹² Чеченское племя. Тифлис, 1872.

¹³ Ингуши. ССКГ, вып. VIII, Тифлис, 1875.

¹⁴ Ичкерия. Сб. материалов и сведений о кавказских горцах. Владикавказ,
1872, вып. IV.

¹⁵ География Грузии. Тбилиси, 1904.

¹⁶ Указ. соч. С. 76.

¹⁷ Указ. соч. С. 51.

«праздничный холм») в устах местных жителей, носителей чеченского языка.

Подобное объяснение нередко в дореволюционной кавказоведческой литературе¹.

Определенную ценность для нахской топонимии представляет список названий сел и деревень плоскостной Чечни, составленный бывшим начальником Чеченского округа (сороковые годы 19 века) генерал-майором Пулло, где приведено около 200 географических названий.

Разумеется, приведенный список не свободен от неточностей и ошибок в транскрипции названий. Однако то, что благодаря списку сохранилась и дошла до нас определенная часть топонимов, которые под воздействием времени могли быть безвозвратно утеряны для науки, заслуживает одобрение.

После Октябрьской социалистической революции, в связи с созданием письменности и письменной литературы на языках чеченцев и ингушей, работа по собиранию и изучению топонимов Чечено-Ингушетии усиливается.

Первоначально топонимические названия приводятся специальным разделом в национально-русских словарях. Таковы: 1) словарь З. К. Мальсагова, приложенный к его «Грамматике ингушского языка», где приведен ценный материал по топонимии и этнонимии (названия ингушских тапов) горной Ингушетии²; 2) «Чеченско-русский словарь» А. Г. Мациева³, где приводится наряду с другими значительный материал по топонимии Чечено-Ингушетии и другие.

Значительный материал по нахской топонимии представлен в исследованиях, посвященных чеченским диалектам И. Г. Арсаханова⁴, А. Д. Тимаева⁵, Д. Д. Мальсагова⁶, К. З. Чокаева⁷.

В названных исследованиях собран диалектный материал по топонимии соответствующих регионов, что представляет особый интерес.

Материалы по нахской топонимии и гидронимии с некоторым эти-

---

¹ Кстати, неверной этимологией топонима Майр-туп пользуются в своих сочинениях и современные исследователи. Например, археолог В. Б. Виноградов часто оперирует указанной этимологией в своих многочисленных газетных выступлениях.

² Грамматика ингушского языка. Владикавказ, 1925.

³ Чеченско-русский словарь. М., 1961.

⁴ Чеченская диалектология. Грозный, 1970.

⁵ Шатоевский говор горно-чеченского диалекта. Тбилиси, 1968, канд. дисс.

⁶ Мальсагов Д. Д. Чечено-Ингушская диалектология и пути создания единого литературного (письменного) языка. Грозный, 1941.

⁷ Веденский говор чеченского языка. Грозный, 1967; Итумкалинский говор чеченского языка (архив ЧИНИИИЯЛ); Майстинский говор чеченского языка (архив ЧИНИИИЯЛ).

мологическим анализом содержится в трудах Н. Я. Марра¹, А. Генко², Л. Семенова³, Е. И. Крупнова⁴, А. И. Шавхелишвили⁵, Макалатия⁶ и других. В 1963 году вышел в свет фундаментальный труд профессора Ю. Д. Дешериева⁷, посвященный сравнительно-исторической грамматике нахских языков. Это первое в своем роде исследование, посвященное сравнительно-историческому изучению одной из групп иберийско-кавказских языков, где впервые поставлены и более или менее удачно рассмотрены некоторые вопросы топонимики Чечено-Ингушетии. Здесь, в частности, дана классификация топонимов с точки зрения их принадлежности к тому или иному языку. Так выделяются топонимы, принадлежащие к языкам:

1. нахским; 2. картвельским; 3. тюркским; 4. иранским; 5. арабскому; 6. русскому.

Здесь же дана этимология отдельных топонимов. Так, топоним название села Валаргга объясняется как причастная форма, относящаяся к мужскому полу + тга — послелог⁸. Выделяются топонимы, этимология которых прозрачна, и топонимы, которые не поддаются этимологическому анализу. Как положительное, следует отметить также попытку дать анализ топонимов с точки зрения их грамматической структуры. Большой материал по топонимии Тушетии и Кахетии содержит в себе также другое исследование Ю. Д. Дешериева, посвященное баббийскому языку⁹, где также предпринята попытка, довольно удачная, анализа топонимов с точки зрения их языковой принадлежности и структуры. Таковы топонимы, подвергнутые указанному анализу: **Дикло, Царо, Гаумбарч, Индурта, Этелта** и другие. Так, например, по мнению Ю. Д. Дешериева, топо-

---

¹ Кавказские племенные названия и местные параллели. Петроград, 1922; Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа (рабочий проект). Петроград, 1920.

² Из культурного прошлого ингушей. Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН. Т. V, II, 1930; Из области чеченской диалектологии. ЯСКД. I. М.-Л., 1935.

³ Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1927 года. Владикавказ, 1928; Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928—1929 гг. Владикавказ, 1934; Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1930—1932 гг. Владикавказ, 1933.

⁴ Средневековая Ингушетия. М., 1971; Древняя история Северного Кавказа. И., 1960.

⁵ Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963; К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину. Известия краеведческого музея ЧИАССР. Грозный, 1961.

⁶ Макалатия П. Н. Топонимика Пшави Арагвского ущелья. АКД. Тбилиси, 1971 (Тбилисский госуниверситет). Автореферат кандидатской диссертации.

⁷ Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Баббийский язык. М.-Л., 1953.

ним **ЦIаро** состоит из двух частей: **цIа** — дом, **-ро** — формант местного падежа¹.

Как известно, в целом топонимия до последнего времени оставалась золушкой науки. С полным правом сказанное можно отнести и к нахской топонимии, по которой, как правильно отметил Д. Д. Дешериев², до последнего времени не было ни одной работы, специально посвященной ее изучению.

Некоторой попыткой восполнить этот пробел являлась наша небольшая статья, вышедшая в 1962 году³, где предпринята попытка проанализировать грамматическую структуру нахских топонимов — названий сел, образованных при помощи послеложных элементов **tIa/tIa** — на **чу** — в; **-ха, -ие, -кIиел** (инг. **kIal**) — под, которые, присоединяясь к основам, обозначающим разные географические объекты (реки, горы, долины и др.), образуют названия сел. Таковы: **МартантIа** (от названия реки **Марта** + **tIa**); **БердакIел** (от **Берд** — обрыв + **kIal**), **Борзие** (от **барз** — бугор + **ие**) и т. д. Эта древнейшая модель нахских топонимов, которая восходит к нахско-дагестанской языковой общности, прослеживается и в топонимии Дагестана, а также в нахской топонимии, представленной в горных районах Грузии (Тушетия, Хевсуретия, Пшавия).

Наиболее полно вопрос о грамматических моделях нахской топонимии изучен в другой нашей статье⁴.

Кроме указанных здесь, в упомянутой статье рассматриваются еще четыре суффикса топонимобразования, а именно: **-ра, -ла, -шка**, (← **га**)и **-на**, которые генетически восходят к формантам местных падежей, лексикализовавшимся в топонимии в процессе дальнейшего развития языковой структуры.

Выявляя указанные топоформанты и относя их ретроспективно к формантам разных местных падежей и послелогам, мы учитывали не только «закон ряда», но и семантику производящей основы, в которой отразилась характерная особенность места локализации соответствующего топонима. Разумеется, берется во внимание весь комплекс данных истории миграции, этнографии нахских и других родственными последним народов.

Однако в полной мере вопросы методологии в этих статьях не ставятся.

Они поставлены и в силу наших возможностей решены на материале нахских языков в другой обобщающей работе по топогидро-

¹ Указ. соч. С. 340.

² Сравнительно-историческая грамматика, С. 51.

³ Грамматический способ образования топонимических названий в чеченском языке. Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. III. Вып. 2. Языкознание. Грозный, 1962.

⁴ Суффиксальное образование топонимических названий в вайнахских языках. Сб. статей. ЧИНИИИЯЛ. Т. IX. Археолого-этнографическая секция. Грозный, 1964.

нимии Чечено-Ингушетии¹; здесь наряду с вопросами методологического характера поставлены и рассмотрены также вопросы структурных типов вайнахских топонимов, которые подразделяются на следующие структурные разряды:

1. Простые, состоящие из одной производной основы: Шуьйта, Варанда, Ваштара, Зонах (названия сел) и другие. Нахским языкам не характерны топонимы, состоящие из одной производной основы. Речь может идти о тех некогда производных топонимах, которые в результате опрощения основы перешли в разряд топонимов с производной (с точки зрения современного состояния языка) основой, что и представляют собой приведенные и некоторые другие топонимы на форманты **-ла**, **-р**, **-та**, **-да**, **-х**, и т. п.

2. Аффиксально-производные топонимы, состоящие из основы, обозначающей ту или иную особенность местности, где локализуется последний, и плюс ретроспективно формант местного падежа (**-ла**, **-ха**, **-га**, и др.), или послелого с пространственным значением (**-тIа**, **-чу**, **-кIел** и др.): Чебирла, Ведана, МартантIа, БердакIел и др.

3. Сложные топонимы, представляющие собой сращение компонентов соответствующих определительных словосочетаний, где определением выступает первый компонент, выраженный именем существительным, прилагательным, числительным и т. д.: Чурчирзие (село), Ставнакол (местность), Ткьаба-ерд (местность) и др. Второй компонент таких топонимов представляет собой, как правило, апеллятивы: **кол** — кустарник, **ирзие** — поляна, **ерд** — святой, **эвла** — село, аул, **юрт** — село, **гIала** — город, крепость, **лам** — гора и т. д.

4. Составные топонимы, представляющие собой словосочетания определительного типа, где первый компонент — определение, выра-

---

¹ Географические названия Чечено-Ингушетии. 1867 (рукопись). Архив ЧИНИИИСФ.

Материалы нахской топонимии в плане методологии учета не только подтверждают необходимость учета «закона ряда» при исследовании топонимии, но показывают также необходимость учета комплексных данных; сравнительно-историческое языкознание, история миграции, этнографии и прошлой культуры народа, а также исторической географии и исторической геологии. В работе проведена мысль о недопустимости изучения топонимии по картам и чужим записям, о том, что их изучение надо начать с записи их и сведений о них на местах, со слов информаторов — местных жителей. Это единственно верное положение, одобренное рецензентами рассматриваемой работы А. В. Никоновым и другими, но, к сожалению, искажено представленное не по нашей вине в сборнике материалов I-го семинара по ономастике Кавказа, состоявшегося в Махачкале весной 1971 года (см. Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976) рецензентом нашей статьи К. Микаилозом «Из топонимии Чечено-Ингушетии», являющейся извлечением из рассматриваемого труда (см. Ономастика Кавказа, ст. 154), хотя непредубежденному исследователю нетрудно понять из дальнейшего изложения статьи, что сказанное не относится ко всему процессу изучения топонимии, как это истолковывает К. Микаилов, а относится только к начальному периоду изучения последней, к сбору материала.

женное существительным, прилагательным, числительным и др. второй компонент — аппелятив: **юрт** — село, **эвла** — аул, **лам** — гора, **ирзие** — поляна и т. п.; **Чермой лам** «гора чермоевцев» (Чермой — название тайпа). **Деха-ирзие** — Длинная поляна, **Жима АтагӀа** — Новые Атаги и т. д. При этом следует отметить, что провести резкую грань между сложным топонимом и соответствующим словосочетанием не всегда удастся.

По тому же принципу в работе классифицируются нахские гидронимы. Кроме того, как топонимы, так и гидронимы расклассифицированы с точки зрения языкового источника происхождения.

В топонимии Чечено-Ингушетии представлены следующие языки — источники:

1) нахские; 2) тюркские; 3) алано-осетинский; 4) монгольский; 5) грузинский; 6) кабардинский; 7) славянский.

В работе устанавливается ареал распространения топогидронимов, относящихся к тому или иному языку-источнику. Например, исконно нахские топонимы локализуются в основном в горной полосе Чечено-Ингушетии и сопредельных территориях Грузии. Тюркские топонимы имеют распространение в основном в плоскостных районах Чечено-Ингушетии.

В сопредельных с Чечено-Ингушетией районах Грузии предположительно отмечены общие картвело-нахские топогидроэлементы. Таковы названия гор: груз. Диклос-мта, чеч. Дако Корт — Вершина Дако (// Дако//Диклос — название божества), груз. Тебулос-мта, чеч. Теболт-лам «гора Табулос //Теболт» (название божества), груз. **Саттиано**, чеч. **Саьтта**¹ и др.

Менее изучены иранские, тюркские, монгольские топонимы Чечено-Ингушетии.

Иранской топонимии и гидронимии посвящена небольшая статья В. Б. Виноградова и К. З. Чокаева², где изучены несколько иранских топогидронимов — Марта, Фартанга (названия рек), Алкун (название села) и др.

¹ Элемент **са** в грузинском — префикс, часто встречающийся также в топонимии. В нахских языках он прослеживается в значениях земли, страны, места. Известно, что аппелятивные элементы превращаются со временем в префиксы топонимобразования: см. груз. Сакартвело «страна картвелов», Самегрело «страна мегрелов», чеч. Нохчмохк «Чечня» (мохк — аппелятив (страна), нем. Deutschland «Германия», — страна и т. д.). Тем не менее К. Микаилов в указанном выше сборнике материалов 1-го семинара по ономастике Кавказа (стр. 155) голословно отрицает возможную общность указанного аппелятива-префикса в нахских и картвельских языках, что, по нашему мнению, не согласуется с положением о генетическом родстве картвельских и горских кавказских языков.

² Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Иранская топонимия Чечено-Ингушетии. Сб. вопр. и материалов по нах. языкознанию. Т. VII, вып. 2, Грозный, 1965.

Следует отметить тот неоценимый вклад, который вносят в изучение нахской топонимии грузинские ученые (П. Н. Макалатия¹, Т. Утургаидзе², В. Гамрекели³ и др.). Работа по собиранию и систематизации нахских топонимов Грузии сосредоточена в основном в топонимической лаборатории, функционирующей при Тбилиском университете им. И. Джавахишвили.

В отдельных сборниках и в периодической печати, в частности, на страницах республиканских газет «Ленинан некъ» («Ленинский путь»), «Комсомольское племя», «Грозненский рабочий» и других изредка появлялись отдельные дилетантские выступления и заметки, посвященные тем или иным топонимам Чечено-Ингушетии (В. Б. Виноградов, К. Микаилов, Исраилов и др.), основанные больше на догадках и созвучиях и лишенные научной аргументации. Мы здесь не видим необходимости подробного рассмотрения всех подобного рода выступлений, но на одном из такого рода занятий следует остановиться. Так, В. Б. Виноградов в своей докторской диссертации, посвященной Северному Кавказу⁴ скифского времени, основываясь на созвучии, пытается возвести топоним и производный от него этноним **Дигор** к вайнахскому **диг**⁵ топор, но во-первых, маловероятно, что столь древний топоним и не менее древнее название орудия труда не претерпели изменения в своей фонетической структуре и сохранили буквальное совпадение, во-вторых, замечено, что племенные названия Кавказа восходят к названиям местностей локализации племени. Следовательно, название племени **Дигор** правомерно связывать не с названием инструмента, а с названием местности — с Дигорией, который в свою очередь восходит к названию культа солнца — **диг**, и мы не знаем примера (по крайней мере в пределах Кавказа), где бы в основе названия какой-либо местности, а тем более целого района, лежало название инструмента, а тем более топора. Нет такого примера также в названной работе у профессора В. Б. Виноградова. Ошибочно также мнение Виноградова о том, что в основе отнотимов *пхьарчхуой* и *чермуой* лежат соответственно названия лука и кадушки. В. Б. Виноградов и здесь также «забывает», что в основе указанных этнонимов (*пхьарчхуой* — ответвление ауховцев-аккинцев, выходцев из бывшего Галанчожского района; *чермуой* — название тайпа) лежат соответственно топонимы Пхьарчие (название мест-

¹ Топонимы неизвестной структуры и семантики горной части Грузии. Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

² Некоторые особенности горских диалектов грузинского языка Тбилиси, 1956.

³ К анализу топонимики Двалети. Труды института истории им. И. Джавахишвили. IV, раздел I, 1953.

⁴ Виноградов В. Б. Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

⁵ Там же, стр. 306. Надо думать, что в основе этого топонима **лежит нмя** божества солнца дьст, сохранившееся в адыгейских языках поньне.

ности, расположенной в районе Галанчожа возле бывшего общества **Аккха**, **-хуой** — формант, образующий названия этнической группы от названия места населения, села; ср. **Бун** — **Бунахуой** (Чесберлой), с. **Таргим** — **Таргимхуой**, с. **Хьули** — **Хьулахуой** (Ингушетия) и др.); **Чермие** (название местности в районе с. Ведено, где некогда стояло одноименное тайповое село, **-уой** — суффикс, образующий название этнической группы; ср. с. **Хороча** — **хорочуой**, **Гуьна** — **гунуой** и т. д.). А этимология указанных топонимов по комплексным данным, имеющимся в нашем распоряжении, не связаны ни с луками, ни тем более с кадушками¹.

В 1976—78 годах Чечено-Ингушское издательство выпустило две книги учителя сельской школы любителя А. Сулейманова, представляющие собой словарь топонимических названий Чечено-Ингушетии. Публикации содержат в себе ценный материал, не совсем точно фиксированный с точки зрения транскрипции и локализации того или иного топообъекта. Что же касается этимологических упражнений автора, то было бы лучше, если бы их не было в работе.

Подобного рода эквилибристики, уводящие в сторону от научной истины, как было отмечено, нередки в литературе по нахской топонимии и являются результатом либо незнания языка народа исследуемого региона, либо незнание законов топонимии.

Таким образом, история научного изучения нахской топонимии сравнительно небольшая, она начинается с 70-х годов нашего века². Хотя за такой короткий срок сделано немало, но предстоит сделать намного больше и как самую главную неотложную задачу на ближайшее будущее следует подчеркнуть необходимость тщательного, фронтального сбора топонимов Чечено-Ингушетии, уделяя при этом особое внимание топонимии горной части республики, ибо с каждым днем под неумолимым воздействием времени наука навсегда и безвозвратно теряет определенную часть географических названий Чечено-Ингушетии.

---

¹ Пхьарчие — Пхьа — название языческого божества, чие — в, внутри, следовательно «лощина бога Пхьа. (В основе топонима Чермие лежит название языческого культа Черма (ча — медведь, ма — солнце, бог солнца).

² К. Микаилов в указанном сборнике («Ономастика Кавказа», стр. 155), принимая изучение архитектурных памятников Ингушетии за изучение этимологии топонима Ткьаба-ерда, голословно утверждает, будто бы нахская топонимия изучается чуть ли не с 18 века, но при этом не привел ни одной работы, в которой предпринята столько-нибудь серьезная попытка изучить не только топоним Ткьаба-ерда, но какой-либо иной топоним Чечено-Ингушетии с какой бы то ни было стороны.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА В НАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Ученые давно заметили, что категория грамматического класса наиболее ярко проявляется в сфере глагола¹.

Материалы нахских языков подтверждают данное положение, хотя категория грамматического класса имеет слабое выражение и в других лексико-грамматических разрядах слов: в имени существительном, прилагательном, числительном, местоимении. Выражаются классы в нахских языках, как правило, грамматически, посредством классных показателей **в, б, й, д** для указанных разрядов слов в единственном и множественном числе. Как правило, классные показатели присоединяются к началу слова. В ингушском имеет место использование классных показателей также в исходе, что наблюдается в глаголах переходной и непереходной семантики в форме прошедшего совершенного времени: см. *дийшад* «прочитано, читано есть» (чеч. дешна в том же значении), *авьнад* «сказано есть» (чеч. аьлла в том же значении), *меннад* «выпил есть» (чеч. мелла в том же значении). Таким образом, можно утверждать, что категория грамматического класса как таковое присуща только глаголу, а классные показатели напоминают по своей функции глагольные превербы со значением обозначения лиц мужского или женского пола, а также неразумных предметов.

Еще профессор М. Н. Немировский писал: «Эти классы, если проследить их в ингушском и чеченском языках, представляют чрезвычайный интерес и не только группировкой, здесь само имя существительное большей частью не имеет признака класса, а принадлежность к классу обозначается согласованием слова с прилагательным, глаголом...»².

Что имя существительное абсолютно не «терпит» классный показатель подтверждают следующие факты.

В современных чеченском и ингушском языках слово *лед* бытует в виде *ша*, в бацбийском языке — в виде *пша//паша*. Начальный звукоэлемент в последнем -п//па квалифицируется как руди-

¹ Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.

Рогова Г. В. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956.

Кумахов М. А. Теория генеологического древа и западно-кавказские языки. Вопросы языкознания, 1976 № 3.

Талибов Б. Б. К вопросу о структуре именных и глагольных основ лезгинских языков. Тез.-докл. на научной сессии по сравн.-ист. изучению ибер.-кавказских языков. Махачкала, 1965.

² Немировский М. Н. Род и класс в яфетических языках Кавказа и других. Сообщения Северо-Осетинского пединститута. Орджоникидзе, 1939. С. 124.

ментарный классный экспонент¹, который отпал в чеченском и ингушском.

Однако в исторически производной от данного корня чечено-ингушской глагольной форме *баша* «таять» указанный рудимент наличествует в виде живого действующего классного показателя, ср. чеч. *баша, даша, ваша, йаша* (инг. также) /*ша беша* /инг. баш/ «лёд тает, *латта деша*» (инг. *лаьтта даш*) «земля тает», *стаг веша* (инг. *саг ваш*) «человек тает», *зуда йеша* (инг. *кхалсаг йаш*) «женщина тает» и т. д. Тот же процесс «оживления» классного экспонента происходит в глаголах *баца, даца, йаца* (инг. также) «трудиться на кого-то», производных этимологически от существительного буц «травя». Такое явление отражает скотоводческий образ жизни вайнахов в прошлом, при которой основой экономики служила трава, как основной корм скота; см. еще пример: *дош* (инг. тоже) «слово», но: *деша, беша, веша, йеша* (инг. также) «читать». *Кехат деша* (инг. *каехат деша*) «читать письмо», *могла беша* (инг. *мугла беша*) «читать строку», *стаг веша* (инг. *саг веша*) «читать человека», книга *йеша* (инг. *деша*) «читать книгу». В представлении вайнахов чтение представлялось как превращение написанного в слово, «ословление». Отсюда указанное образование.

Речь шла о том, как классный экспонент оживает при переходе имен существительных в разряд глагола. Наблюдается обратный процесс — «окаменение» классного экспонента при переходе глагола в разряд имен существительных. Вот примеры: *даьхний* (инг. *доахан*) «скот» от *даха* (инг. также) (*б, в, й*) «жить». Такое образование объясняется тем, что основой жизни нахских племен, как было уже сказано, в прошлом являлся скот, отсюда данное слово выступает синонимом слова жить, жизнь. Как известно, скот служил основой жизни многих, достигших ныне высокой цивилизации народов (немецкий, осетинский и др.). Так что нахские племена не являются исключением.

Как видно из изложенного, приведенная форма образована посредством суффиксального *н* (*даха*—*даьхний* /инг. *доахан*), *ий* — формант множественного числа); см. также *йовькхана* (инг. *йекхана*) «погожее время» от *бекха, декха, векха, йекха* (инг. также) «погодить». Процесс окаменения классного экспонента коснулся также масдарных и отглагольных существительных, подвергшихся опрощению. См. *даха, баха, йаха, ваха* — *дахар* «житие», «жизнь»; см. также *бахам* (инг. *боахам*) «хозяйство» (*б* — рудимент); *декха, бекха, векха, йекха* (инг. также) «отомстить», но *декхар* (инг. также) «мщение, долг»; см. также *бекхам* (инг. также) «возмездие»; *дела, вела, ела, йала* (инг. также) «смеяться», но: *белам* (инг. также) «посмешище»; см. еще: чеч. *нехан белам бу хьо*, *клант*. Посмешище ты для людей, мальчик. *Белха, делха, велха, йелха* (инг.

¹ Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык. М.-Л., 1953.

также) «плакать», но: *белхар* (инг. *белхар*||*белхам*) «плач», см. также *доха, боха, воха, йоха* (инг. также) «кручина, катастрофа».

Примечательны случаи утраты своего категориального значения классными экспонентами при образовании имени существительного от основ имени прилагательного при помощи суффикса *о*; см. чеч. *довха, бовха, вовха, йовха* (инг. также) «горячий», но: *йовхо* (инг. *йовхал*) «тепло»; ср. также чеч. *товха* «старинный вид печки у нахов» (т — рудиментарный классный показатель); *декха, бекха, векха, йекха* (инг. *даькха* /б, в, й) «состояние, когда не хватает в организме, предмете жиров»; ср. чеч. *латта декха ду* «земля не жирная», *клант векха ву* «мальчик не жирный» и т. д. Отсюда *йакхо* (инг. *йоакхо*) «нежирность». Чеч. *Йоккха йакхо йу цыргыхь*. У них большая нехватка жиров; ср. также чеч. *йакхор* (о человеке-скряге), *р* — суффикс масдара.

Из изложенного напрашивается следующий вывод.

Имя существительное первоначально обладало категорией грамматического класса, о чем свидетельствуют многочисленные примеры имен существительных с рудиментарными классными показателями. Впоследствии, когда от имен существительных стали образовываться слова со значением признака и действия — прилагательные и глаголы, классные показатели «перекочевали» в последнее, сохраняя свои категориальные значения, тогда как в составе имени существительного они утратили функцию показателей грамматического класса как грамматической категории.

Здесь уместно вспомнить известное положение об исторической дифференцированности именных и глагольных основ в иберийско-кавказских языках¹.

Следует отметить также точки зрения на этот счет кавказоведов Г. В. Рогава и М. Я. Немировского, которые сходятся во мнении о том, что система грамматических классов была первоначально действующей грамматической категорией в имени существительном, где она окаменела впоследствии и стала функционировать лишь в глаголе, причастии, прилагательном, местоимении как действующая грамматическая категория².

Представляет, на наш взгляд, интерес три ступени развития данной категории в иберийско-кавказских языках, отмеченные в указанном труде профессора Г. В. Рогава.

1). На первой ступени развития классы продуктивно функционировали при всех частях речи, в т. ч. при существительном. Эту ступень прошли все иберийско-кавказские языки.

2). На второй ступени грамматические классы функционируют при глаголах, причастиях, прилагательных, местоимениях и т. д. В

¹ Чикобава А. С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. языках).

² Рогава Г. В. Указ. соч. Немировский М. Я. Указ. соч.

именах существительных на данной стадии грамматические классы уже не функционируют как грамматическая категория. Данная ступень развития грамматических классов представляют нахские и некоторые дагестанские (андийский, цезский и др.) и абхазский языки.

3). Третья ступень характеризуется отсутствием грамматических классов во всех частях речи как грамматическая категория. Эту ступень представляют лезгинские, картвельские, адыгские языки¹.

Нам известно также противоположное мнение по данному вопросу, высказанное Букаром Талибовым, согласно которому классные экспоненты «перекочевали» из состава глагольных основ в существительные².

Может быть это и так по данным материалов, которыми располагал ученый. Данные же нахских языков, которыми оперировали мы, привели нас к выводам, изложенным выше.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

рус. — русский
цез. — цезский
дарг. — даргинский
абаз. — абазинский
абх. — абхазский
лезг. — лезгинский
авар. — аварский
урарт. — урартский
хуррит. — хурритский
дв. евр. — древнееврейский
сб. — сборник
соч. — сочинение
указ. — указанный
отд. — отдел
др. — другие
стр. — страница

изв. — известия
вып. — выпуск
ср. — сравнить
напр. пад. — направительный падеж
см. — смотреть
— ретроспективно
е. ч. — единственное число
мн. ч. — множественное число
букв. — буквально
суф. — суффикс
др. — древний
ЧИНИИЯЛ — Чечено-Ингушский
научно-исследовательский институт
истории, языка, литературы
ред. — редактор

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

← произошло из...

→ — перешло в

// — параллельные формы

— — знак долготы: а, у
v v

V — знак краткости: и, о

~ — назальность: а, у

¹ Немировский М. Я. 40 лет советской кавказской (иберийско-кавказской) лингвистики. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. I. Вып. I. Языкознание, Грозный, 1959.

² Талибов Б. Указ. соч.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К вопросу о некоторых древних названиях и ареале распространения нахских племен	3
К этимологии самоназвания чеченцев «нохчи/нохчуо»	20
К этимологии самоназвания ингушей «галзга»	31
Хамекиты	35
Понятия пространства и времени в представлении нахских народов по данным их языков	42
Тотемистические представления в нахских и других иберийско-кавказских языках	50
Переход глагольных форм в вайнахских языках	61
«Глаз» и «солнце» — слова этимологически общего корня в нахских языках	66
Особенности склонения собственных имен людей, производных от слов, обозначающих понятия флоры и фауны в вайнахских языках	76
К вопросу о некоторых параллелях из нахского (чечено-ингушского) и хуррито-урартского глоссариев	86
Об общих языческих культах хурритов и вайнахов	95
К вопросу этимологии термина «алан»	101
Агульско-нахские лексические встречи	103
Из иранской топонимии Чечено-Ингушетии	105
О топоформанте -н/а/- в вайнахских языках	113
Изучение топонимии Чечено-Ингушетии	115
Некоторые особенности проявления категорий грамматического класса в нахских языках	124
Условные сокращения	127

Каты Зайндинович Чокаев

НАХСКИЕ ЯЗЫКИ

Редактор И. А. Ирисханов
Художественный редактор И. И. Жансуева
Технический редактор С. П. Липатова
Корректор Т. И. Бураева

ИБ № 1946

Сдано в набор 15.09.1992 г. Подписано к печати 27.04.1993 г.

Бумага офсетная № 2. Формат 60х84 1/16.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. л. 7,44. Усл. кр.-отт. 7,67

Уч.-изд. 9,12 Тираж 2000. Заказ № 3180.

Издательско-полиграфическое объединение «Книга»
Комитета по информации и печати ЧР
364907, Грозный, ул. Субботников, 35.